

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~1-4-E~~ / 10

327.

W. TV 68/1

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. ГОГОЛЯ.

—
Часть вторая.
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1835.

Slav. Res.
937 312
Goc...
Arabe...
ch. 2
Digitized by Google

Печатать позволяется:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были три экземпляра въ Ценсурный Коми-
тетъ. С. Петербургъ. 10 Ноября 1834.**

Ценсоръ В. Семеновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

=

	Стран.
ЖИЗНЬ	4.
ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ И ГЕРДЕРЪ	9.
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ. ПОВѢСТЬ	23.
МАЛОРОССИЙСКІЯ ПѢСНИ	99.
МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ	119.
О КАРТИНѢ ВРЮЛОВА	141.
ПЛЪНИКЪ	189.
ДВИЖЕНІЕ НАРОДОВЪ ВЪ V ВѢКѢ	231.
ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕДШАГО	231.

Ж И З Н Ь.

Ж И З Н Ь.

=

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежишь и разшиляется великое Средиземное море и съ прехъ разныхъ споронъ глядяшь въ него: палящіе берега Африки съ шокими пальмами, Сирийскія голья пустыни и многолюдный, весь изрышый моремъ берегъ Европы.

*

Стоишь въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; гранишы глядятъ сърыми очами обпесанные въ сфинксовъ; идушь безчисленныя ступени. Стоишь онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный паннспвенными знаками и священными звѣрями. Стоишь и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія несокрушимая плѣнѣмъ.

Раскинула вольныя колоніи вселая Греція. Кишають на Средиземномъ морѣ острова пополенные зелеными роцями; Кипамонъ, винограднаыя лозы, смоковницы помавають облипыми медомъ вътпвлями; колоны бѣлыя какъ перси дѣвы, круглящя въ роскошномъ мракѣ древесномъ, мраморъ спраспный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ и спыдливо лобуется своею прекрасною нагошою; увишя гроздіями, съ пирсами и чашами въ рукахъ она оспановилась въ шумной пляскѣ. Жрицы молодыя и спройныя съ размешанными кудрями вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ связанный въ цѣвницу, пимпаны, Мусикійскія орудія мелькають перешыые плющемъ. Корабли какъ мухи полшящя близъ Родосса и Корциры, подшавляя сладоспраспно выгибающійся флагъ

дыханію въпра. И все спойпъ неподвижно какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Спойпъ и распроспирается желѣзный Римъ успремля лвъ копій и сверкая грозною спалью мечей, вперивъ на все зависпливыя очи и пропянуувъ свою жилиспую десницу. Но онъ неподвиженъ какъ и все и не пронешся лвинными членами.

Весь воздухъ Небеснаго Океана висѣлъ сжашый и душный. Великое Средиземное Море не шелохнешъ, какъ будпо-бы Царспва предспали всъ на Сспрашный Судъ нередъ кончиною міра.

И говоришь Египецъ помавая спонккими пальмами, жилицами его равнинъ и успремля иглы своихъ обелисковъ.» Народы слушайше! я одинъ спспигъ и проникъ спайну жизни и спайну чловѣка. Все плънъ. Низки искусспва, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смершь, смершь власпвуешъ надъ міромъ и чловѣкомъ! Все пожираешъ смершь, все живешъ для смерспи. Далекo, далекo, до воскресенія, да и будешъ ли когда воскресеніе. Прочъ желанія и наслажденія! Выше спрой пирамиду бѣдный чловѣкъ, чшобы хошь сколько нибудь продлишь свое бѣдное сущеспвованіе.

И говоришь ясный какъ небо, какъ утро, какъ юность свѣтлый міръ Грековъ и казалось вмѣсто словъ, слышилось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все носи ему. Гляди какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ; какъ дышетъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все чѣмъ ни владычествуютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся Богоподобный и гордый обладатель міра; вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчишь на колесницѣхъ проворно правя конями на блестящихъ играхъ. Далѣе корысть и жадность опъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, Палипра и Цѣвница созданы бытъ властителями міра, а властительницею ихъ — красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу спыдливой подруги. Жизнь создана для жизни, для наслажденія — умѣй бытъ достойнымъ наслажденія!

И говоришь покрытый желѣзомъ Римъ, попрысая блестящимъ лѣсомъ копій. «Я поспигнулъ тайну жизни челоуѣка. Низко спомойствіе для челоуѣка; оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ

искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай чловѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза несись на сомкнутыхъ щипахъ брашноносныхъ легионовъ! Слышишь ли какъ у ногъ швоихъ собрался весь міръ и пошряся копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли какъ швое имя замираетъ страхомъ на устахъ племень живущихъ на краю міра? Все что ни объемлетъ взоръ швой наполний своимъ именемъ. Сшремись вѣчно: Нѣтъ границъ міру — нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый далѣе и далѣе захватывай міръ — ты завоеешь наконецъ Небо.

Но оспановился Римъ и вперилъ орлиные очи свои на воспокъ. Къ воспоку обрапила и Греція свои влажныя ошъ наслажденія прекрасныя очи; къ воспоку обратилъ Египетъ свои мушныя, безцвѣшныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немногочюдная весь прислонилася къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно ошпѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и вешхою оградю спойшъ ослица. Въ дере-

вянныхъ ясляхъ лежишь младенецъ; надъ
нимъ склонилась непорочная мать и глядишь
на него исполненными слезъ очами; надъ
нимъ высоко въ небѣ спойишь звезда и весь
міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увидишь Геро-
глифами, понижая ниже свои пирамиды;
безпокойно глянула прекрасная Греція; опу-
шили очи Римъ на желѣзные свои копья;
приникла ухомъ великія Азія съ народами—
паспырями; нагнулся Араратъ, древній
прапращуръ земли...

ШЛЕЦЕРЪ,

МИЛЛЕРЪ и ГЕРДЕРЪ.

Ш Л Е Ц Е Р Ъ ,
МИЛЛЕРЪ и ГЕРДЕРЪ.

=

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей Испоріи. Мысль о ней была ихъ любимую мыслью, и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказаць, первый почувсвовалъ идею объ одномъ великомъ цѣломъ,

объ одной единиць, къ копорой должны бышь приведены и въ кошорую должны слишься всѣ времена и народы. Онъ хопѣлъ однимъ взглядомъ обняшь весь мѣръ, все живущее. Казалось какъ будшо бы онъ силился имѣшь спо аргузовыхъ глазъ, для шого чшобы разомъ видѣшь збывающееся во всѣхъ опдаленныхъ углахъ мѣра. Его слогъ молнѣя почти вдругъ блещущая по шамъ, по здѣсь и освѣщающая предметы на одно мгновение, но за шо въ ослѣпительной ясности. Я не знаю исполниль ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ шо, что рѣзко показывалъ другимъ, но по крайней мѣрѣ никшо шакъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ какъ онъ. Онъ имѣлъ досшопинспво въ высшей спешени сжимашъ все въ мамообъемный фокусъ и двумя, шремя яркими чершами, часто даже однимъ эшпешомъ обозначашъ вдругъ собышѣе и народъ. Его эшпешы удивительны горячи, дерзки, кажущя плодомъ одной сшасшливой минушы, одноговнезапнаго вдохновения и шакъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое глубокое изслѣдование, выключая шолько еспшми эшпешъ изслѣдовашель будешъ самъ Шлецеръ.

Онъ не былъ Историкъ и я думаю даже что онъ не могъ быть Историкомъ. Его мысли слишкомъ опривысны, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, спрройную текучесть повѣспвованія. Онъ анализировалъ мїръ и всѣ опжившіе и живущіе народы, а не описывалъ ихъ; онъ расѣкалъ весь мїръ анапомическимъ ножемъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя часпи, располагалъ и опдѣлялъ народы такимъ же образомъ, какъ бошаникъ распредѣляетъ распѣнія по извѣспнымъ ему признакамъ. И опъ того начерпаніе его Исторіи казалось бы должно быть слишкомъ скелепнымъ и сухимъ; но къ удивленію все у него сверкаетъ такими рѣзкими черпами, могущеспвенный ударъ его глаза пакъ вѣреть, что чипая эпошъ сжашый эскизъ мїра замѣчаецъ съ изумленіемъ что собспвенное воображеніе гориптъ, расширяецъ и дополняецъ все по такому же самому закону, копорый опредѣлилъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ, иногда оно спремипся еще далѣе, пошому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ спревожимыхъ мыслью о величїи и испинной цѣли всеобщей Исторїи, онъ долженспвовалъ быть непременно

геніємъ оппозиціоннымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіяся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ громовымъ словомъ, и въ эпомъ одномъ словъ соединяетъ и наслажденіе и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ и вмѣстѣ несокрушимая правда; его справедливѣе нежели Канша можно назвать все сокрушающимъ. Всегда дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекающія своимъ положеніемъ и въ энтузіасмическомъ порывѣ державшія только одного правила: противорѣчишь всему прежнему. Въ эпомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: Германскій духъ его спалъ не колебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ какъ спрогій всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы. Можешь быть нѣкошорымъ покажется спраннымъ, что я говорю о Шлецерѣ, какъ о великомъ Зодчемъ всеобщей Исторіи, тогда какъ его мысли и пруды по эпоѣ часпи, улеглись въ небольшой книжкѣ изданной имъ для студеновъ—но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу пѣхъ, чишая кошорья, кажется чишаешь цѣлые помы; ее можно сравнишь съ

небольшимъ окошкомъ, къ которому приспавивши глазъ по ближе можно увидѣшь весь міръ. Онъ вдругъ осяняешъ свѣпомъ и показываешъ какъ нужно поняшь и шогда самъ собою наконецъ видишь все.

Миллеръ предспавляетъ собою Испорика совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, шихій, размышляющій, онъ предспавляетъ прошивоположностъ Шлецеру. Онъ съ какою шо очаровашельною, особенною любовью предаешъ своему предмету. Его слогъ не блестящъ шѣмъ рѣзкимъ опличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ шѣхъ порывовъ, шого мѣшкаго лаконизма, какими исполненъ Шлецеръ. Онъ не схвапываетъ вдругъ за однимъ взглядомъ всего и не сжимаешъ его мощною рукою, но онъ изслѣдываешъ все находящееся въ мірѣ спокойно, по очередно, не показывая шой быспрошны и поспѣшностши, съ какою выражаешся авпоръ опасющійся чшобы у него не перехвашилъ кшо нибушь мысли и не предупредилъ его. Слово изслѣдованіе весьма идещъ къ его шпилю; его повѣспованіе именно изслѣдовашельное. Какъ человекъ Государспвенный, онъ болѣе всего занимается изложе-ніемъ формъ правленія и законовъ суще-

ствующихъ и минувшихъ Государствъ; но онъ непредпочишаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній и чего немогъ избѣжать и Геренъ, напрошивъ того онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все что не ясно въ исторіи, что менѣе разоблачено, все это болѣе другаго подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности и порокамъ, сохранялъ свои простыя нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностію, съ шикимъ жаромъ, какъ будто позабываясь и воображая видѣть себя среди свихъ добрыхъ Швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть поэтъ, что народъ тогда только достигаетъ своего счастья, когда сохраняетъ свято обычай своей спарины, свои простыя нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны спарческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ

свободѣ проникающъ все его швореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служишь такою цѣлью, къ копорой бы явно успремялось его повѣшпованіе; онъ даже никогда не говоришь о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ швореніи не смотря на то, что онъ кажется забываешь во все дѣла всего міра занявшись однимъ народомъ. Исторія его не состоишь изъ непрерывной движущейся цепи произшествій; драмматическаго искуства въ немъ нѣтъ; вездѣ видѣнь размышляющій мудрецъ. Онъ невыказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей; они у него шаятся шакъ скромно, иногда въ шакомъ незамѣшномъ уголкѣ, что не ищущій не найдешъ ихъ никогда; но за то онъ шакъ высоки и глубоки, что опкрывшему ихъ опкрывается, по выраженію Варнера въ Фаустѣ, на земль небо. Энюшь скромный, незамѣшный слогъ его и опсудшвіе ослѣпляющей яркости производишь въ душъ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣшенъ, или лучше сказашь не шакъ извѣшенъ какъ долженъ бы бышь. Одни сильно проникнушыи мыслью о исторіи и способные къ шонкому развишію могутъ шолько вполне понимашъ

его, другимъ же онъ кажется легкимъ и не глубокомысленнымъ.

Гердеръ представляешъ совершенно отличный образъ воззрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаешъ осязательныя формы. Вездѣ онъ видитъ одного человека какъ представителя всего человѣчества. Онъ вышпырываетъ глубоко, вдохновенно какъ браминъ природы; — названіе которое придающъ ему Ньмцы. У него крупнѣе группирующіяся событія; его мысли всѣ высоки, глубоки и всемірны. Они у него являющіяся мало соединенными съ видимою природою и какъ будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила. Опъшого они у него не имѣющъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключаешся въ идеѣ — оно у него развертываешся все, со всеми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаешъ определеннаго колорита. Если онъ нисходитъ до частныхъ лицъ и дѣлашекъ исторіи они у него не такъ ярки, какъ общія группы; они принимающъ слишкомъ об-

шую физиогномию; они у него или добрые или злые; всѣ безчисленныя опитѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе копорыхъ доспается въ удѣлъ взирающему съ недоувѣрчивостію на другихъ, всѣ эти опитѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ въ познаніи идеальнаго челоувѣка и челоувѣчества, но младѣнецъ въ познаніи челоувѣка, по весьма еспешивенному ходу вещей какъ всегда мудрецъ бываешь великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжа въ мелочныхъ занятіяхъ жизни. Какъ поэтъ онъ выше Шлецера и Миллера. Какъ поэтъ онъ все создаетъ и перевариваетъ въ себѣ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, полный высшаго опкровенія, избирая полько одно прекрасное и высокое, пошому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырываются часпо изъ низкой и презрѣнной жизни, или же вызываются напискомъ шѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленій, квшорые безпреспанно песпряютъ жизнь челоувѣческую, и копорыхъ познаніе рѣдко даешся опвлеченному опъ жизни мудрецу. Сшилъ его болѣе нежели у кого другаго исполненъ живописи и широкаго размѣра,

попому что онъ поэтъ и эпимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа, — законодателя всегда спокойнаго и размышляющаго и Шлецера, философа — кришика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединилъ съ быспрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскашельною, распоронною мудроспю Миллера, тогда бы вышелъ шакой историкъ, копорый бы могъ написать всеобщую Историю. Но привсемъ помъ ему бы еще много кое-чего недоспавало: ему бы недоспавало высокаго драмматическаго искусства, копораго невидно не у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумю однакожъ подъ словомъ драмматическаго искусства не то искусство, копорое состоитъ въ умѣннн веспи разговоръ, но въ драмматическомъ интересѣ всего пворенія, копорый сообщилъ бы ему неодолимую увлекашельность, шолъ интересъ, копорый иногда дышетъ въ историческихъ опривкахъ Шиллера и особенно въ *тридцатилѣтней войнѣ* и копорымъ опличается почти всякое не многосложное произше-

спвіе. Я бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Валпера Скоппа и его умѣние замѣчать самыя шонкія опшѣнки; къ этому присоединилъ бы Шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ шѣсныхъ границахъ и тогда бы мнѣ казался составился шакой историкъ, какого пребуешь всеобщая Исторія. Но до того времени Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останушя великими пушеводителями. Они много, очень много освѣтили Всеобщую Исторію и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то эшимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

ИВАНІЙ ПРОЩЕНЬ.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

=

П О В Ъ С Т Ъ .

=

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ; для него онъ составляетъ все. Чемъ неблеснѣе эша улица — красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ

блага Невскаго проспекта. Не только кно имъешь двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшиный сершукъ, но даже шопъ у кого на подбородкѣ выскакивають бѣлыя волоса и голова гладка, какъ серебрянное блюдо, и шопъ въ воспоргъ отъ Невскаго проспекта. А дамы! — О дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ непріятенъ? Едва шолько взойдешъ на Невскій проспектъ, какъ уже пахнешъ однимъ гулящемъ. Хо-пя бы имѣлъ какое нибудь нужное, необходимое дѣло, но взошедши на него, вѣрно позабудешъ о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единствен-ное мѣсто, гдѣ показывающся люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надоб-ность и мерканпильный иншересъ ебъемлю-щій весь Петербургъ. Кажется человекъ въспрѣченный на Невскомъ проспектъ менѣ эгоистъ нежели въ Морской, Гороховой, Лишейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность выражающся на идущихъ и лешящихъ въ каресахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь жипель Петербургской, или Выборг-ской часши, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у

у своего пріяшеля на пескахъ, или у Москов-
ской заставы, можетъ быть увѣренъ что
вспрѣтешься съ нимъ непременно. Никакой
адресъ календарь и справочное мѣсто не до-
спавяшь шакого вѣрнаго извѣстія какъ
Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій
проспектъ! Единственное развлеченіе бѣд-
наго на гулянье Пешербурга! Какъ число
подмешены его прощуары и, Боже, сколь-
ко ногъ оставило на немъ слѣды свои! И
неуклюжій грязный сапогъ опшавнаго
солдата, подъ тяжестію котораго кажеш-
ся прескается самый границъ, и миніа-
шюрный легкій, какъ дымъ, башмачекъ моло-
динькой дамы, оборачивающей свою головку
къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ под-
солнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля испо-
неннаго надеждъ прапорщика, проводящая по
немъ рѣзкую царапину — все вымѣщаетъ на
немъ могущество силы или могуществослабо-
спи. Какая быспраяд совершается на немъ
фаншасмагорія въ печеніи одного полько дня!
Сколько вышерпишь онъ перемѣнъ въ пече-
ніи однихъ супокъ! Начнемъ съ самаго раи-
вяго ушра, когда весь Пешербургъ пахнетъ
норьячими полько что выпеченными хлѣбами
и на полненъ спарухами въ изодранныхъ

плашьяхъ и солопахъ совершающихъ свои наѣзды на церкви и на сосрадашельныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пуспъ: плошные содержашели магазиновъ и ихъ комми еще спяпъ въ своихъ Голландскихъ рубашкахъ, или мыляпъ свою благородную щеку и пьюпъ кофе; нищѣ собираюпся у дверей кандиперскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, лешавшій вчера какъ муха съ шеколадомъ, выльзаешъ съ мешлой въ рукъ безъ гамсшуха, и швыряешъ имъ черспвья пи-роги и объѣдки. По улицамъ плешешя нужной народъ: иногда пережодяпъ ее Русскіе мужики спъшашіе на работу, въ сапогахъ запачканныхъ извъспью, копорыхъ и Екашернинскій каналъ, извъспный своею чиспошою, не въ сосполнии бы былъ обмышъ. Въ эпо время обыкновенно не прилично ходипъ дамамъ, пошому что Русской народъ любипъ изъясняпся шакими рѣзкими выраженіями, какихъ они вѣрно не услышашъ даже въ шеашрѣ. Иногда сонный чиновникъ проплешешя съ порпфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежипъ ему дорога въ депаршашеншъ. Можно сказапъ рѣшишельно, что въ эпо время ш. е. до 12 часовъ Невскій проспектъ не-

составляешь ни для кого цѣли, онъ служишь только средствомъ: Онъ поспешенно наполняешься лицами имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но во все недумаютшіе о немъ. Русской мужикъ говоритъ о гривнѣ, или о семи грошахъ мѣди, спарки и спарухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою иногда съ довольно разительными жестами, но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ перестрѣвкахъ халатахъ съ пухлыми шафами, или гошовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время чтобы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже вмѣсто шляпы картузъ былъ у васъ на головѣ, хотя бы вороннички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстука — никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги губернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ багровыхъ воронничкахъ. Англійскіе Джонсы и Французскіе Коки идутъ подъ руку съ вѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидноспію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются

для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находишься в самых магазинах. Гувернанки, блѣдныя Мисы и розовыя Славянки идутъ величаво позади своихъ легенькихъ вершлявыхъ дѣвчонокъ приказывая имъ поднимать нѣсколько выше плечо и держаться прямо; кѣроче сказать въ это время Невскій проспектъ — педагогическій Невскій проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернеровъ педагоговъ и дѣпей: они наконецъ выпѣсняются нѣжными ихъ родителами, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало по малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ по поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьи лошадей и дѣпей своихъ, впрочемъ показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ выпившихъ чашку кофею и чаю; къ нимъ присоединяются и шѣ, кошорыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по

особеннымъ порученіямъ. Къ нимъ присоединяются и шъ, кошорые служатъ въ иностранной коллегіи и опличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ. Боже, какіе есть прекрасныя должности и службы! какъ они возвышаютъ и улаждаютъ душу! но увы я не служу и лишень удовольствія видѣшь понокое обращеніе съ собою начальниковъ. Все что вы ни встрѣшите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мущины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложеными въ кармацы руками, дамы въ розовыхъ бѣлыхъ и блѣдно голубыхъ апласныхъ редингошахъ и шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣшите бакенбарды, единственныя пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ, бакенбарды бархашныя, апласныя, черныя какъ соболь или уголь, но увы принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментшахъ провидѣніе опказало въ черныхъ бакенбардахъ, они должны къ величайшей неприятности своей носитьъ рыжіе. Здѣсь вы встрѣшите усы чудные, никакимъ перомъ ни какою кистью не изобразимые; усы, копорымъ посвящена лучшая половина жизни

— предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи, усы, на кошорые излились восхитительнѣйшіе духи и ароматы и кошорыхъ умаснили въ драгоценнѣйшіе и рѣдчайшіе сорпы помады, усы, кошорые заворачивающа на ночь шонкою веленевою бумагою, усы, къ кошорымъ дышетъ самая прогапельная привязанность ихъ посесоровъ, и кошорымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сорповъ шляпокъ, плашьевъ. плашковъ песпрыхъ, легкихъ, къ кошорымъ иногда въ печеніи цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельница, ослѣпшишь хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажешся какъ будто цѣлое море мошылковъ поднялось вдругъ со спешей и волнуется блестящею пучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣшите такіа шаліи, какія даже вамъ не снились никогда: понинкія, узинкія, шаліи никакъ неполще бупылочной шейки, встрѣшясь съ кошорыми вы почтительно опойдете къ споронкѣ, чшобы какъ нибудь неоспорожно не полкнушь невѣжливимъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладеетъ робость и страхъ, чшобы какъ нибудь опъ неоспорожнаго даже дыханія вашего не переломилось прелестнѣйшее про-

изведеніе природы и искусства. А какіе встрѣшите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы поднялась на воздухъ, если бы не поддерживалъ ее мущина; пошому что даму также легко и пріятно поднятъ на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Ни гдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланивающихся такъ благородно и непринужденно какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣшите улыбку единственную, улыбку верхъ искусства, иногда такую что можно разспаять ошъ удовольствія, иногда такую что увидите себя вдругъ ниже правы и пошупите голову, иногда такую что почувствуете себя выше Адмиралшейскаго шпица и поднимите ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣшите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣшите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создастель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ! Есть множество такихъ людей, которыхъ встрѣ-

пившись съ вами непременно посмотришь на сапоги ваши и если вы пройдете, они оборотятся назадъ чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять опчего эпо бываетъ. Сначала я думалъ что они сапожники, но однакоже ни чупь не бывало: они большею частію служалъ въ разныхъ департаменталхъ, многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое, или же люди, занимающіея прогулками, чтеніемъ газетъ по кандинерскимъ, словомъ большею частію все порядочные люди. Въ эпо благословенное время опъ 2-хъ до 3-хъ часовъ по полудни, кошорое можетъ назваться движущеюя споллицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выспавка всѣхъ лучшихъ произведеній челоука. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой Греческой прекрасной носъ, прешій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятой перстень съ палисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая, ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой галсукъ возбуждающій удивленіе, осьмой усы

повергающіе въ изумленіе. Но бьспгъ при часа и выспавка окончиваешся, полпа рѣдешь.... Въ при часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ наспашь весна: онъ покрываешся весь чиновниками въ зеленыхъ вицъ-мундирахъ. Голодные Тишулярные, Надворные и прочіе Совѣтники спараюшся всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые Коллежскіе Региспашоры, Губернскіе и Коллежскіе Секретари спѣшашь еще воспользовашься временемъ и пройшпшсь по Невскому проспекту съ осанкою, показывающею что они вовсе не сидѣли 6 часовъ въ присудствіи. Но спарые Коллежскіе Секретари Тишулярные и Надворные Совѣтники, идущъ скоро популивши голову: имъ не дошого, чтобы занимашься разспашриваніемъ прохожихъ; они еще не вполне опорвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлой архивъ начашыхъ и не окончаныхъ дѣлъ; имъ долго вмѣсто вывѣски показываешся каршонка съ бумагами, или полное лицо правшшеля канцеляріи.

Съ чешырехъ часовъ Невскій проспектъ пущь и врядъ ли вы встрѣшпше на немъ хощаодного Чиновника. Какая нибудь швея изъ

магазина перебъжишь чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ, какая нибудь жалкая добыча челоуѣколюбиваго повыщика, пущенная по міру во Фризовой шинели, какой нибудь затѣжій чудакъ, которому всѣ часы равны, какая нибудь длинная высокая Англичанка съ ридикюлемъ и книжкой въ рукахъ, какой нибудь Арпельщикъ русской челоуѣкъ въ демикопоновомъ сюрпукъ съ шаліей на спинѣ, съ узинькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова когда онъ учтиво проходишь по пропугу, иногда низкой ремесленникъ, больше никого не встрѣиште вы на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на дома и улицы и будошникъ накрывшись рогожею вскарабкается на лѣспницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ шѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, тогда Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинается шевелиться. Тогда насшасъ то паниспвенное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣиште очень много молодыхъ людей, большою часпію холоспыхъ въ ше-

пльхъ сюршухахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуюся какая-то цѣль, или лучше что-то похожее на цѣль. Что-то чрезвычайно безошечное, шаги всѣхъ ускоряющся и спавняющся вообще очень неровны. Длинные шѣни мелькающъ по спѣзнамъ и мосповой и чуть не достигающъ головами Полицейскаго моста. Молодые Губернскіе Регистраторы, Губернскіе и Коллежскіе Секретари очень долго прохаживающся; но старые Коллежскіе Регистраторы Типулярные и Надворные Совѣтники болышею частію сядящъ дома, или поному что это народъ женашый, или поному что имъ очень хорошо гоповящъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки Нѣмки. Здѣсь вы вспрѣщите почтенныхъ спариковъ, которые съ шакою важносью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими также какъ молодые Коллежскіе Регистраторы, съ шѣмъ чтобы взглянушь подъ шляпку издали завидной дамы, которой полстныя губы и щеки нащекупуренныя румянами, шакъ иравяшся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидельцамъ, аршельщикамъ, купцамъ всегда въ Нѣ-

мецкихъ сюршукахъ гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку.

«Спой!» закричалъ въ это время Поручикъ Пироговъ дернувъ шедшаго съ нимъ молодого человѣка во фракъ и плащъ. «Видѣль?»

«Видѣль, чудная, совершенно Перуджинова бѣанка.»

«Да ты о комъ говоришь?»

«Объ ней, о той чшо съ темными волосами, и какіе глаза, Боже, какіе глаза! все положеніе и коншура, и окладъ лица — чудеса.»

Я говорю тебѣ о блондинкѣ, чшо прошла за ней въ ту сторону. Чшоужъ ты не идешь за брюнешкою, когда она такъ тебѣ понравилась?»

«О какъ можно!» воскликнулъ покраснѣвшій молодой человѣкъ во фракъ. «Какъ будто она изъ тѣхъ, кошорыя ходящъ въ вечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знашная дама» продолжалъ онъ вздохнувши «одинъ плащъ на ней стоить рублей восемьдесятъ!»

«Проспакъ!» закричалъ Пироговъ насильно толкнувши его въ ту сторону гдѣ развѣвался яркой плащъ ея» спунай проспофия

прозываетъ! а я пойду за блондинкою.» Оба пріяшеля разошлись.

«Знаемъ мы васъ всѣхъ» думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный что итъпъ красопы могшей бы ему пропивиться.

Молодой человекъ во фракъ и плащъ робкимъ и пренешнымъ шагомъ пошелъ въ шу спорону гдѣ разтввался вдали пестрый плащъ, по окидывавшійся яркимъ блескомъ по мъръ приближенія къ свѣшу фонаря, по мгновенно покрывавшійся тьмою по удаленіи опъ него. Сердце его билось и онъ невольню ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думашъ о помъ, чтообы получить какое нибудь право на вниманіе улешавшей вдали красавицы, птъмъ болѣе допустинъ шакую черную мысль, о какой намтъкалъ ему Поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось шолько видѣтъ домъ, замѣпинъ гдѣ имешъ жилище эшо прелесшное сущесшво, копное казалось слешъю съ Неба прямо на Невскій Проспекшъ и вѣрно улешинъ неизвѣспно куда. Онъ лешлъ шакъ скоро что шналкивалъ беспресшанно съ прошуара солидныхъ господъ съ свдыми бакен-

бардами. Эпопъ молодой человекъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столькоже принадлежитъ къ гражданамъ Пешербурга, сколько лицо являющееся намъ въ сновидѣніи принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное сословіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или масперовые Нѣмцы. Это былъ художникъ. Неправда ли странное явленіе? Художникъ Пешербургскій! художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ Финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, шуманно. Эти художники вовсе не похожи на художниковъ Испаліанскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Испалія и ея небо; напрошивъ того, это большею частію добрый, кропкій народъ, заспѣвчивый, безпечный, любящій шихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнашѣ, скромно шолкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегащій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какуюнибудь нищую спаруху и заснавши ея просидѣвши бѣшыхъ часовъ шесшь съ шѣмъ чшобы перевести на полошно ея

жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнапы, въ которой являешся всякой художественной вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными опъ времени и пыли, изломанные живописные спанки, опрокинутая палипра, пріятель играющій на гитарѣ, спѣны запачканныя красками съ распвореннымъ окномъ, сквозь которое мелькаешъ блѣдная Нева и блѣдые рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. Унихъ всегда почти на всемъ сѣринькой мушный колоритъ, — неизгладимая печать сѣвера. При всемъ помъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудяшся надъ своею работою. Они часто питающъ въ себѣ истинный шалантъ и если бы только дунуль на нихъ свѣжій воздухъ Ипаліи, онъ бы вѣрно развился шакже вольно широко и ярко, какъ расптніе, которое выносяшъ наконецъ изъ комнапы на чистый воздухъ. Они вообще очень робки; звѣзда и толстый эполетъ приводяшъ ихъ въ шакое замъшательштво, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любяшъ иногда пощеголяшъ, но щегольштво эпо всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походяшъ

на заплашу. На нихъ вспрѣшите вы иногда опличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархашной жилешъ и сюршукъ весь въ краскахъ. Такимъ же самымъ образомъ какъ на не окончанномъ ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, копорую онъ ненайдя другаго мѣста набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писанною имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядишь вамъ прямо въ глаза, естли же глядишь, то какъ-то мушно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ яспребинаго взора наблюдашеля, или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Эшо происходитъ опъ шого, чшо онъ въ одно и поже время видишь и ваши черпы и черпы какого нибудь гипсоваго Геркулеса стоящаго въ его комнашъ; или ему представляется его же собсшвенная картина, копорую онъ еще думаетъ произвестъ. Опъ эшого онъ опвѣчаетъ часшо несвязно, иногда не впаодъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость. Къ шакому роду принадлежалъ описанный нами молодой человекъ, художникъ Пискаревъ, заспѣчивый, робкій,

но въ душѣ своей носившій искры чувства гошовые при удобномъ случаѣ превращались въ пламя. Съ шайнымъ шрепешомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, шакъ сильно его поразившимъ, и казалось дивился самъ своей дерзоспи. Незнакомое существо, къ кошорому шакъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворошило голову и взглянуло на него. Боже, какія божественныя черпы? Ослѣпительной близны прелеснѣйшій лобъ, осѣненъ былъ прекрасными какъ агашъ волосами. Они вились, эпи чудные локоны, и часъ ихъ падая изъ подъ шляпки касалась щеки, пронушой шонкимъ свѣжимъ румянцемъ, прошупившемъ ошъ вечерняго холода. Успа были замкнушы цѣлымъ роємъ прелеснѣйшихъ грезъ. Все что осшаается ошъ восминанія о дѣшсшвѣ, что даешъ мечшаніе и шихое вдохновеніе при свѣпящейся лампадѣ, — все эшо казалось совокупилося, слилось и опразилось въ ея гармоническиххъ усахъ. Она взглянула на Пискарева, и при эшомъ взглядѣ зашрепешало его сердце; она взглянула сурово, чувство негодованія прошупило у ней на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на эшомъ пре-

красномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обво-
рожителенъ. Поспигнувшій спыдомъ и
робосью, онъ оспановился пошупивъ гла-
за; но какъ уперяшь это божесиво и
неузнашь даже шой свяшыни, гдѣ оно опу-
спилось госпшпъ. Такія мысли пришли въ
голову молодому мечшашелю и онъ рѣшил-
ся преслѣдовашъ. Но чшобы недашь этого
замѣшпшь, онъ опдалился на дальнее раз-
спояніе безпечно глядѣль по споронамъ и
разсмашривалъ вывѣски, а между шѣмъ
неупускаль изъ виду ни одного шага не-
знакомки. Проходящіе рѣже начали мель-
кашь, улица спановилась пише; красавица
оглянулась и ему показалось какъ будшо
легкая улыбка сверкнула на губахъ ее. Онъ
весь задрожалъ и невѣрилъ своимъ гла-
замъ. Нѣшъ, это фонарь обманчивымъ
свѣшомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подо-
біе улыбки, нѣшъ это собспвенный мечпы
смѣшпся надъ нимъ. Но дыханіе занялось
въ его груди, все въ немъ обрашилось въ
неопредѣленный препешъ, всѣ чувспва его
горѣли и все передъ нимъ окинулось ка-
кимъ-шо шуманомъ. Трошуаръ несся подъ
нимъ, карешы со скачушими лошадьми ка-
зались недвижнымы, мостъ распягивался и

ломался на своей арке, домъ сползъ крышею внизъ, будка валилась къ нему на встрѣчу и алебарда часоваго вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами блеснула казалось на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Неслыша, невидя, не внимая онъ несея по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ спараясь самъ умѣришь быспрошу своего шага, лептѣвшаго подѣ шакль сердца. Иногда овладѣвало имъ сомнѣнiе: почто ли выраженiе лица ея было шакъ благоклонно, и тогда онъ на минушу оспанавливался, но сердечное бiенiе, неопредолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ спремила его впередъ. Онъ даже незамѣпилъ какъ вдругъ возвысился передъ нимъ чепырехъ-эпажный домъ, всѣ чепыре ряда оконъ свѣшпвшiйся огнемъ глянули на него разомъ и перилы у подѣзда прошивупоспавили ему желѣзный полчекъ свой. Онъ видѣлъ какъ незнакомка лептѣла по лѣспницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни его дрожали; чувспва, мысли горѣли; молнiя радости несперпимымъ оспрiемъ вонзилась

въ его сердце. Нѣтъ эшо уже не мечта! Боже! сколько счастья въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минушахъ!

Но не воснѣ ли эшо все? уже ли па за одинъ небесный взглядъ копорой онъ готовъ бы былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу копорой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство, уже ли па, была сей часъ такъ благосклонна и внимательна къ нему. Онъ взлетѣлъ на лѣшницу. Онъ нечувствовалъ никакой земной мысли; онъ небылъ разогрѣтъ пламенемъ земной спрасни, нѣтъ, онъ былъ въ эшу минушу чистъ и непороченъ какъ дѣвственный юноша, еще дышущій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы въ развратномъ чловѣкѣ дерзкіе помышленія, то самое напрошивъ еще болѣе освяшило ихъ. Эшо довѣріе копорое сказало ему слабое прекрасное существо, эшо довѣріе наложило на него обѣтъ спрососни рыцарской, обѣтъ, рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобы эши веленія были какъ можно болѣе шрудны и неудобоисполняемы, чтобы съ большимъ напряженіемъ силъ лѣтѣть преодолевашь

ихъ. Онъ несомнѣвался, что какое нибудь пайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться; что отъ него вѣрно будущъ прѣбывашься значительныя услуги и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣспница вилась и вмѣстѣ съ нею вились его быспрыя мечшы.» Идише осторожнѣе!« зазвучалъ, какъ арфа голось и наполнилъ всѣ жилы его новымъ прѣпешомъ. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка поспучала въ дверь — она опворилась и они вошли вмѣстѣ. Женцина довольно недурной наружности встрѣшила ихъ со свѣчею въ рукѣ, но шакъ спранно и нагло посмошрѣла на Пискарева, что онъ опуспилъ невольнo свои глаза. Они вошли въ комнашу. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карпы; другая сидѣла за форте-піаномъ и играла двумя пальцами какое то жалкое подобіе спариннаго полонеза; прѣшья сидѣла передъ зеркаломъ расчесывая гребнемъ свои длинныя волосы и вовсе не думала оспавить шуалеса своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то неприятный безпорядокъ, который можно

вспрѣтншь полько въ безпечной комнашъ холоспяка царспвоваль во всемъ. Мебели довольно хорошия были покрыты пылью; паукъ заспилалъ своею паушиною лѣпной карнизъ; сквозь непришворенную дверь другой комнашы блеспѣлъ сапогъ со шпорой и красѣла выпушка мундира; громкѣй мужской голосъ и женскѣй смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже, куда зашелъ онъ! Съ начала онъ нехощѣлъ вѣрншь и началъ приспальнѣе всмашривашься въ предметы, наполнявшіе комнашу; но голыя спѣсны и окна безъ занавѣсъ, непоказывали никакого присудспвія забопливой хозяйки, изношенныя лица эспихъ жалкихъ созданій, изъ кошорыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и шакже спокойно его размашривала какъ пяшно на чужомъ плашье, все эшо увѣрило его, что онъ зашелъ въ шопъ опшврашительный пріюшъ, гдѣ основаль свое жилище, жалкѣй разврапъ порожденный мишурною образованноспію и спрашнымъ многолюдспвомъ сполнцы. Топъ пріюшъ гдѣ, человекъ свашпонашспвенно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чиспымъ и свашпымъ украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эпта красавица міра, вѣнецъ

швореніи, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо, гдѣ она вмѣстѣ съ числовою души лишилась всего женскаго и ошврашишельно присвоила себѣ ухвашки и наглоспи мущины и уже переспала бытъ шѣмъ слабымъ, шѣмъ прекраснымъ и такъ опличнымъ опѣ насѣ существомъ. Пискаревъ мѣрля ея съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ бы еще желая увѣришься, па-ли эпо, кошорая такъ околдовала и унесла его на Певскомъ проспектѣ. Но она споля передъ нимъ также хороша; волосы ея были также прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было шолько 17 лѣтъ; видно было что еще недавно наспигнулъ ея ужасный разврашѣ; онѣ еще не смѣлъ коснушься къ ея щекамъ, они были свѣжи и легко ошпѣнены шоккимъ румянцемъ — она была прекрасна.

Онѣ неподвижно споля передъ нею и уже готовъ былъ также просподушно позабышься, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ, и значишельно улыбноулась глядя ему прямо въ глаза. Но эша улыбка была исполнена какой то жалкой наглоспи: она

такъ была спрания и также шла къ ея лицу, какъ идешь выраженіе набожности рожъ взяпочника, или бухгалтерская книга поэту. — Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и спала говоришь что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло.. Какъ будто вмѣспѣ съ непорочностію оставляешь и умъ человека. Онъ уже ничего нехотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и проситъ какъ дитя. Вмѣсто того чтобы воспользоваться такою благосклонностію, вмѣсто того. чтобы обрадоваться такому случаю, какому безъ сомнѣнія обрадовался бы на его мѣспѣ всякой другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая коза, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки сидѣлъ онъ въ своей комнашѣ, какъ бѣднякъ нашедшій безцѣнную жемчужину и пушъ же выронившій ее въ море.» Такая красавица, такіа божеспвенныя черны и гдѣже? въ какомъ мѣспѣ?...» Вошъ все что онъ могъ выговорить.

Въ самомъ дѣлѣ никогда жалосп такъ сильно неовладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоны, пронушой плѣшворнымъ ды-

каниемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Вся черта ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ распустилъ надъ нею спрашныя свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство спрашнаго супруга; она была бы прекрасной шихой звездой въ незамѣнномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многочленномъ залѣ на свѣтломъ паркетѣ при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣнн шопы поверженныхъ уногъ ея поклонниковъ;— но увы! она была какою-то ужасною волю адскаго духа, жаждущаго разрушить

гармонію жизни брошена съ хохотомъ въ свою пучину.

Проникнувший разрывающею жалостью сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчею. Уже и полночь давно минула, колоколь башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремоша воспользовавшись его неподвижностью уже было начала пихонько одолевашъ его, уже комнаша начала исчислять, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолевавшія его грезы, какъ вдругъ спукъ у дверей заспавилъ его вздрогнувшъ и очнувшись. Дверь ошворилась и вошелъ лаксй въ богашой ливреѣ. Въ его уединенную комнашу никогда незаглядывала богашая ливрея при томъ въ шакое необыкновенное время... Онъ недоумѣвалъ и съ неперпѣливымъ любопытствомъ смолрѣлъ на пришедшаго лакея.

«Та барыня» произнесъ съ учпивымъ поклономъ лакей» у кошорой вы изволили за нѣсколько часовъ предъ симъ бышь, приказала просишь васъ къ себѣ и прислала за вами карешу.»

Пискаревъ сполялъ въ безмолвномъ удивленіи: карешу, лакей въ ливреѣ!.. Нѣшь

здѣсь вѣрно естъ какая нибудь ошибка.. «Послушайте любезной» Произвесь онъ съ робосью.» Вы вѣрно не шуда изволили зайши. Васъ барыня безъ сомнѣнія при-слама за кѣмъ нибудь другимъ, а не замною.»

«Нѣшъ, сударь, я неошибся. Вѣдь вы изволили проводишь барыню пѣшкомъ къ дому, чшо въ лишейной, въ комнапу чешвершаго эшажа?»

«Я.»

«Ну шакъ пожалуйста поскорѣе, барыня непременно желаетъ видѣшь васъ и проситъ васъ уже пожаловашъ прямо къ нимъ на домъ.»

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣспницы. На дворъ почно спояла кареша. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни моспювой загремѣли подъ колесами и копынами — и освѣщенная перспектива домовъ съ яркими вывѣсками понеслась мимо карешныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ во всю дорогу и не зналъ какъ разрѣшнить эшо приключеніе. Собшвенный домъ, кареша, лакей въ богатой ливреѣ,.. все эшо онъ никакъ не могъ согласишь съ комнапою въ чешвершомъ эшажѣ, пыльными окнами и разспроен-

нымъ форте-піаномъ. Кареша остано­вилась передъ ярко освѣщеннымъ подъездомъ и его разомъ поразили: рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенные окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ выса­дилъ его изъ карешы и почтительно про­водилъ въ сѣни съ мраморными коло­нами, съ облитымъ золошомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣспница съ блестящими перилами, надушенная ароматами нес­лась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взошелъ въ первую залу испугавшись и по­пятившись съ первымъ шагомъ опъ ужаснаго многлюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ и всѣ эти куски безъ смысла, безъ шолку смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плеча и черные фраки, люстры, лампы, воздушные лѣпящіе газы, эфирныя лен­зы и нюлспный конспра-басъ выгляды­вавшій изъ за перилъ великолѣпныхъ хоро­въ-все было для него блистательно. Онъ уви­дѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ спариковъ и полуспариковъ съ звѣздами на

фракахъ, дамъ, шакъ легко, гордо и граціозно высшупавшихъ по паркешу, или сидѣвшихъ рядами, онъ слышалъ столько словъ Французскихъ и Англійскихъ, къ тому же молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены шакого благородства, съ шакимъ достоинствомъ говорили и молчали, шакъ не умѣли сказать ничего лишняго, шакъ величаво шушили, шакъ почтительно улыбались, шакіе превосходныя носили бакенбарды, шакъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галсшухъ, дамы шакъ были воздушны, шакъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, шакъ очаровательно пошупляли глаза, что . . . но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колонѣ показывалъ что онъ разтерялся вовсе. Въ это время шолпа обшупила шаицующую группу. Онъ неслись, увидѣвъ прозрачнымъ созданиемъ Парижа, въ плашьяхъ сошканныхъ изъ самаго воздуха; небрежно касались онъ блестящими ножками паркеша и были болѣе эфирны нежели еслибы вовсе его не касались. Но одна между ими всѣхъ лучше всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣша. Невыразимое, самое шонкое сочетание вкуса

разлилось во всемъ ея уборѣ и при всемъ помѣ она казалось вовсе о немъ не заботилась и оно вылилось невольно само собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую полпу зришелей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустили равнодушно и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая пѣнь остига при наклонѣ головы очаровательной лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ все усилія чшобы раздвинуть полпу и разсмошрѣть ее; но къ величайшей досадѣ кака-то огромная голова съ шемными курчавыми волосами заслоняла ее безпрещанно; припомъ полпа его приписнула такъ чшо не смѣлъ податься впередъ не смѣлъ попятиться назадъ, опасаяся шолкнуть какимъ нибудь образомъ какого нибудь Тайнаго Совѣтника. Но вѣшь онъ шродрался шаки впередъ и взглянулъ на свое плашье желая прилично оправиться: Творецъ Небесный, чшо это! на немъ былъ сюршукъ и весь запачканный красками: Спѣша вхашь онъ позабылъ даже переодѣться въ присшойное плашье. Онъ покрасилъ до ушей и пошупивъ голову хопѣлъ провалишься, но провалишься рѣшительно

было нѣкуда: Камеръ-юнкера въ блестящемъ косяномъ сдвинулись позади его совершенно спѣною. Онъ уже желалъ бытъ какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ глаза посмошрѣвъ, не глядишь ли она на него: Боже! она спойишь передъ нимъ... Но что это? что это? «Это она! вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ самомъ дѣлѣ это была она, ша-самая, кошо-рую встрѣшилъ онъ на Невскомъ и кошорую проводилъ къ ея жилищу.

Она подняла между шѣмъ свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. «Ай, ай ай какъ хороша!»... могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, на перерывѣ жаждавшій оспановишь ея вниманіе, но съ какимъ по упомленіемъ и не вниманіемъ она скоро опшврашила ихъ и встрѣ-шилась съ глазами Пискарева. О какое Небо! какой рай! дай силы Создатель перенести это! жизнь не вмѣстишь его онъ разрушишь и унесешь душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился эшошь знакъ, шакимъ шон-

кимъ незамѣпнымъ выраженіемъ, что ни кто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его. Танецъ длился долго; упомянная музыка казалось вовсе погасала и замирала и опять вырывалась визжала и гремѣла; наконецъ—конецъ! — Она съела, грудь ея воздымалась подъ спонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создапель, какая чудесная рука!) упала на колѣни; сжала подъ собою ея воздушное плашье и плашье подъ нею казалось спало дышащъ музыкаю и спонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означалъ яркую близну этой прекрасной руки. Коснувшись бы только ея — и ничего больше! никакихъ другихъ желаній — они всѣ дерзки.... Онъ споялъ у ней за спуломъ не смѣя говорить, не смѣя дышать. «Вамъ было скучно? «произнесла она» я шакже скучала.» Я замѣчаю что вы меня ненавишите».... Прибавила она пошупивъ свои длинныя рѣсницы.

Васъ ненавиждѣшь? мнѣ? я.... хотѣлъ было произнести совершенно посперявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы вѣрно кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ Камергеръ съ оспрыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ зави-

тымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою оспроштою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ кто то изъ поспороннихъ къ счастью обратился къ камергеру съ какимъ то вопросомъ.

«Какъ это несносно!» сказала она поднявъ на него свои небесныя глаза. «Я сяду на другомъ концѣ зала; будьте шамъ!» Она проскользнула между полою и исчезла. Онъ какъ помѣшанный располкалъ шолпу и былъ уже шамъ.

Такъ это она! она сидѣла какъ Царица всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе и искала его глазами.

«Вы здѣсь» произнесла она тихо. «Я буду опкровенна передъ вами: вамъ вѣрно спранными показались обшояшельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу швореній, въ которомъ вы встрѣпили меня. Вамъ кажутся спранными мои пошупки, но я вамъ опкрою шайну: Будешели вы въ сосполніи» произнесла она усшремивъ приспально на его глаза свои» никогда не измѣнишь ей.»

«О буду! буду! буду!»...

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человекъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подаль ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмошрѣла на Пискарева и дала знакъ оспашься на своемъ мѣспѣ и ожидашь ея прихода, но въ припадкѣ неперцвнїя онъ не въ силахъ былъ слушашъ никакихъ приказанїй даже изъ ея усшъ. Онъ ошправился вслѣдъ за нею; но полпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго плашья; съ безпокойсшвомъ прѣходилъ онъ изъ комнашы въ комнашу и шолкалъ безъ милосердїя всѣхъ вспрѣчныхъ, но во всѣхъ комнашахъ все сидѣли шузы за виспомъ, погруженныя въ мершвое молчанїе. Въ углу комнашы спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимущесшвѣ военной службы передъ спашскою; въ другомъ люди въ превосходныхъ фракахъ бросали легкїя замѣчанїя о многпомныхъ шрудахъ поэта — шруженика. Пискаревъ чувсшвовалъ чшо одинъ пожилой человекъ съ почшенною наружносшью схвашилъ за пуговицу его фрака и предсшавлялъ на его сужденїе одно весьма справедливое его замѣчанїе, но онъ грубо ошшолкнулъ его, даже

не замѣтивши что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату — и тамъ взялъ ее. Въ прешью поже — нвѣтъ. Гдѣ же она! дайше ее мнѣ! о, я не могу жить не взглянувши на все! мнѣ хочется выслушать что она хотѣла сказать — но все поиски его оставались тщетными. Безпокойный, упомянутый онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на полпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ ему начали явственно показываться спѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза; передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ почти поухавшимъ въ глубинѣ его: вся свѣча испаяла; сало было наипо сполѣ его.

Такъ это онъ спалъ! Боже какой сонъ! и за чѣмъ было просыпаться! за чѣмъ было одной минутой не подождать: она бы верно опять явилась! Досадный свѣтъ непріятнымъ своимъ пусклымъ сѣніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, шакомъ мушномъ безпорядкѣ... О какъ отвращительна, дѣйствительность! Что она противъ мечты? Онъ раздѣлся на скоро и легъ въ постель закутавшись одеяломъ,

желая на мигъ призватьъ улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ почто не замедлилъ къ нему явиться, но предсавлялъ ему во вовсе не то чтобы желалъ онъ видѣть: то Поручикъ Пироговъ являлся съ шрубкою, то Академическій сторожъ, то дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ, то голова чухонки, съ копорой онъ когда-то рисовалъ поршреть и: пожу подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постель: желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минушу показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минушу зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука, мелькнула передъ нимъ.

Все опкинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія. Ни къ нему не думалъ онъ припронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни, глядѣли въ окно обращенное въ дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду мерзнувшую на воздухъ и козлиной голосъ разнощика дребезжалъ: *старого платья продать*. Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ

жадностію бросился въ постель. Долго боролся онъ съ бессонницею наконецъ пересилилъ ее. Опяшь какой-то сонъ, какой-то пошлой, гадкой сонъ. Боже умилосердись: Хошя на минушу, хошя на одну минушу покажи ее! Онъ опяшь ожидалъ вечера, опяшь заснулъ опяшь снился какой чиновникъ копорый былъ вмѣспъ и чиновникъ, и фагошъ; О! эпо не сперпимо. Наконецъ она явилась! ея головка и локоны... она глядипъ... О какъ не надолго! опяшь шуманъ, опяшь какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ сновидѣнія сдѣлались его жизнію и съ эшаго времени вся жизнь его приняла спранный оборотъ: онъ можно сказашъ спалъ на яву и бодрспвовалъ во снѣ. Если бы его кшо нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пуспымъ споломъ, или шедшимъ по улицъ то вѣрно бы принялъ его за лунашика, или разрушеннаго крѣпкими напишками; взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность наконецъ развилашъ и власшипельно изгоняла на лицъ его всѣ чувспва, всѣ движенія. Онъ оживлялся шолько при наспупленіи ночи.

Такое соспояніе разсприло его силы,

и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что наконецъ сонъ началъ его освалять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ все средства возстановить его. Онъ слышалъ что есть средство возстановить сонъ, для эшаго нужно принять только опиумъ. Но гдѣ достать эшаго опиума? Онъ вспомнилъ про одного Персіянина, содержавшаго магазинъ шамей, который всегда почти когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился опрравиться къ нему предполагая, что у него безъ сомнѣнія есть эшотъ опиумъ. Персіянинъ принялъ его сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги: «На что тебѣ опиумъ» спросилъ онъ его. Пискаревъ рассказалъ ему про свою бессонницу. «Хорошо я дамъ тебѣ опиуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чшобы хорошая была красавица! чшобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама чшобы лежала возлѣ нее и курила трубку! слышишь, чшобы хорошая была! чшобы была красавица!» Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минушу вышелъ и возвратился съ баночкою наполненною шемною жидкостью, бережно оплилъ чашь се въ

другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоценную баночку, которую не отдасть бы за груду золота и опромешью побѣжалъ домой.

Пришедши домой онъ опилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и проглотивъ завалился спать.

Боже какая радость! Она! опять она! но уже совершенно въ другомъ видѣ! О какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго съплаго домика! нарядъ ее дышитъ шакою простиною, въ какую только облакается мысль поэта. Прическа на головѣ ея... Создатель, какъ прости эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной шею; все въ ней скромно, все въ ней шайное неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ее граціозная походка! какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простишкаго плашья! какъ хороша рука ея спускающая волосатымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: «не презирайте меня: я вовсе не ша, за которую вы принимаете меня. Взгляните на' меня, взгляните пристиально и скажите: Развѣ я способна къ

тому чшо вы думаете? «О! нѣтъ, нѣтъ! пусть пошъ кшо осмѣлился подумашъ, пусть пошъ... «Но онъ проснулся! разспроганный, разсперзанный съ слезами на глазахъ. Лучше бы шы вовсе не сущеспвовала! не жила въ мѣръ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не опходилъ опъ холща, я бы вѣчно глядѣлъ на шебя и цѣловалъ бы шебя. Я бы жилъ и дышалъ побою, какъ прекраснѣйшею мечшою и я бы былъ погда счастливъ. Никакихъ бы желаній не проспиралъ далѣе. Я бы призывалъ шебя какъ ангела-хранителя предъ сномъ и бдѣніемъ и шебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить божеспвленное и свяшое. Но теперь... какая ужасная жизнь! чшо пользы въ пошь чшо она живешъ? Развъ жизнь сумасшедшаго пріятна его родспвенникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже чшо за жизнь наша! вѣчный раздоръ мечшы съ сущеспвленностью!» Почши шакія мысли занимали его безпреспанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почши ничего неѣлъ и съ нешерпѣніемъ, со спраспшою любовника ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпреспанное успремленіе мыслей къ одному наконецъ взяло ша-

кую власць надъ всѣмъ бышiemъ его и во ображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день всегда въ положеніи прошивуположномъ дѣйствительности, пошому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Черезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли и если былъ когда нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, спремитель-но, ужасно, разрушительно, мятежно, то эшошъ несчастный былъ онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній одинъ былъ радостнѣе для него всѣхъ: ему предсавилась его масперская, Онъ шакъ былъ веселъ, съ шакимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палипрою въ рукахъ. И она шунъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него облокопившись прелестнымъ локошкомъ своимъ своимъ на спинку его стула и смопрѣла на его рабшу. Въ ея глазахъ помныхъ, успалыхъ, написано было бремя блаженства: все въ комнашѣ его дышало раемъ; было шакъ свѣшло, шакъ убрано. Создашель! она скло-нила къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не

видывалъ. Опъ вспалъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣяный нежели прежде. Въ головѣ его родились спранныя мысли: Можешъ бышь, думалъ онъ, она вовлечена какимъ нибудь невольнымъ ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можешъ бышь движенія души ея склонны къ раскаянію; можешъ бышь она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустишь ее гибель и приномъ тогда, когда только споишь подашь руку чшобы спасти ея опъ пошопленія. Мысли его просширались еще дальѣе. Меня никто не знаешъ, говорилъ онъ самъ себѣ, да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ поже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявишь чистое раскаяніе и перемѣнишь жизнь свою, я женюсь тогда на ней. Я долженъ на ней женишься и вѣрно сдѣлаю гораздо лучше нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часпо на самыхъ презрѣнныхъ пвваряхъ. Но мой подвигъ будешъ безкорыспенъ и можешъ бышь даже великимъ. Я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе.

Составивши такой легкомысленный планъ

онъ почувствовалъ краску вспыхнувшую на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ впалыхъ щекъ и блѣдностью своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; приумылся, пригладилъ волосы надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъдохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ; послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ дома; казалось память ему изменила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ передъ копорымъ остановиться. Наконецъ одинъ показался ему похожимъ. Онъ быспро вбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь отворилась и кто же вышелъ къ нему на встрѣчу? Его идеаль, его священный образъ, оригиналь мечтательныхъ картинъ, па, копорую онъ жилъ, такъ ужасно, такъ спрадательно, такъ сладко жилъ. Она сама стояла передъ нимъ: онъ запрепе-

паль; онъ едва могъ удержашься на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она спояла передъ нимъ также прекрасна, хотя глаза ея были закрыты, хотя блѣдность кралась на лицъ ея, уже не шакъ свѣжемъ, но она все была прекрасна.

«А!» вскрикнула она увидѣвши Пискарева и проширая глаза свои. Тогда было уже два часа. «За чѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?»

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

«А я только что теперь проснулась; меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна.» прибавила она съ улыбкою.

О лучше бы ты была нѣма и лишена во все языка, чѣмъ произносишь шакія рѣчи! Она вдругъ показала ему какъ въ панорамѣ всю жизнь ея. Однакожь несмотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ небудущъ ли имѣшь надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ онъ дрожащимъ и вмѣспѣ пламеннымъ голосомъ началъ предсавляшь ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ

удивленія, которое мы изъясняемъ при видѣ чего нибудь неожиданнаго и спрашнаго. Она взглянула, легко улыбнувшись на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая оставивши вычищатьъ гребешокъ поже слушала совниманіемъ новаго проповѣдника.

«Правда, я бѣденъ» сказалъ наконецъ послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ» но мы спанемъ шрудиться; мы посшараемъ на перерывъ одинъ передъ другимъ улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе какъ бытъ обязану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за карпинами, ты будешь сидя возлѣ меня одушевлять мои шруды, вышивашь, или занимаешься другимъ рукодѣліемъ и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недосшашка.»

«Какъ можно!» прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-шо презрѣнія. «Я не прачка и не швея, чшобы стала занимаешься работою.»

Боже! въ эшихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь, жизнь исполненная пустошы и праздноши, вѣрныхъ спущниковъ развраша.

«Женишесь на мнѣ!» Подхватила съ наглымъ видомъ молчавшая до шолѣ въ углу

ея пріятельница. «Естьли я буду женою, я буду сидѣть вошь какъ!» при эпомъ она сдѣлала какую то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, кощорою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О! эшо уже слишкомъ! эшого нѣтъ силъ перенести. Онъ бросидся вонъ подерявшии чувсва, и мысли. Умъ его помушился: глупо, безъ цѣли, невидя ничего, не слыша, не чувсвуя бродиль онъ весь день. Цикпо немогъ знашь ночеваль онъ гдѣ нибудь, или нѣтъ, на другой полько день, какимъ то глупымъ инспинкпомъ зашелъ онъ на свою кварширу, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ разспрепаными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ свою комнашу и никого не впускалъ, ничего нешребоваль. Прошекли чешыре дня, и его запершая комнаша ни разу неопворялась, наконецъ прошла недѣля и комнаша все шакже была заперша. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было опвѣща; наконецъ выломали дверь и нашли бездыханный шрушь его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бришва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по спрашно искаженному виду, можно

было заключишь что рука его была невѣрна и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила шло.

Такъ погибъ, жертва безумной спраси, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣшски-просподушный, носившій въ себѣ искру шпаланша, бышь можешь современемъ бы вспыхнувшего широко и ярко. Никто не поплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго шрупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирашеля и равнодушнаго мины городского лѣкаря. Гробъ его тихо, даже безъ обрядовъ религiи повезли на Охшу. за ними идучи плакалъ одинъ шолько солдатъ спорожъ и шо пошому, что вышилъ лишній шпофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришель посмошрѣшь на шрупъ несчастнаго бѣдняка, кошорому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровишельство. Въ прочемъ ему было во все не дошого: онъ былъ заняшь чрезвычайнымъ происшешвиемъ. По обратимся къ нему. — Я не люблю шруповъ и покойниковъ и мнѣ всегда неприяшно, когда переходишь мою дорогу длинная погребальная процесiя и

Инвалидный солдашъ одѣшый какимъ-шо капуциномъ нюхаетъ лѣвою рукою шабакъ, пошому чшо правая заняша факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго кашафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшиваешся съ грустью когда я вижу какъ ломовой извозчикъ шащипъ красной ничемъ не покрышый гробъ бѣдняка и только одна какая нибудь нищя, вспрѣшившись на перекресткѣ плешешся за нимъ неимѣя другаго дѣла.

Мы кажешся оспавили поручика Пирогова на помъ, какъ онъ разспался съ бѣднымъ Пискаревымъ и успремился за блондинкою. Эша блондинка была легинькое довольно иншересное созданьеце. Она оспанавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серги, перчашки и другія бездѣлушки, безпрещанно вершѣлась, глаза во всю спороны и оглядывалась назадъ. «Ты голубушка моя!» говорилъ съ самоувѣренностию Пировъ, продолжая свое прещѣдованье, и закушавши лице свое во рошникомъ шинели, чшобы неспрѣшишь кого нибудъ изъ знакомыхъ. Но не мѣшаешъ

извѣспишь чинапелей кшо шаковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде нежели мы скажемъ кшо шаковъ былъ поручикъ Пироговъ, немѣнаешъ кое что расказашь о помѣ общеспвѣ къ кошорому принадлежалъ Пироговъ. Еспъ офицеры соспавляющіе Въ Пешербургъ какой-шо средній классъ общеспва. На вечеръ, на обѣдъ у Спашскаго Совѣтника, или у Дѣйспвишельнаго Спашскаго, кошорой выслужилъ эшопъ чинъ со-роколѣшными шрудами, вы всегда найдешъ одного изъ нихъ. Нѣскольکو блѣдныхъ, совершенно безцвѣсныхъ, какъ Пешербургъ, дочерей, изъ кошорыхъ инья перерзли, чайный сполікъ, форшешанъ, домашніе шпанцы — все эшо бываешъ не раздѣльно съ свѣшлымъ эполешомъ кошорой блещешъ при лампѣ, между благонравной блондинкой и чернымъ фракомъ брашца, или домашняго знакомаго. Эшихъ хладнокровныхъ дѣвиць чрезвычайно шрудно разшевелишь и заспавишь смѣяшся; для эшаго нужно большое искусство, или лучше сказашь совѣмъ не имѣшь никакого искусства. Нужно говоришь шакъ, чшобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣш-

но, чтобы во всемъ была ша мелочь, копорую любяшь женщины. Въ эпомъ надобно опдашь справедливосшь означеннымъ господамъ. Они имъюшь особениый даръ зашавляшь смтяшься, и слушашь эшихъ бездвѣтныхъ красавиць. Восклицанія задушаемыя смѣхомъ: ахъ переспаньше! не спыдно ли вамъ шакъ смѣшишь, бываюшь имъ часшо лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаюцца очень рѣдко, или лучше никогда. Опшуда они совершенно вышѣснены шѣмъ, что называюшь въ эпомъ общесшвъ аришпокрашами; впрочемъ они считаюцца учеными и воспишанными людьми. Они любяшь пошолковашь объ липерашурѣ; хваляшь Булгарина, Пушкина и Греча и говоряшь съ презрѣнiемъ и ошпроумными колкоспиями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаюшь ни 'одной публичной лекции, будь она о бухгалтерiи, или даже о лѣсоводсшвѣ. Въ шешпрѣ, какая бы ни была пѣса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, выключая развѣ если уже играюцца какiе нибудь филашки, копорыми очень оскорбляешся ихъ разборчивый вкусъ. Въ шешпрѣ они безсмѣнно. Эшо самыя выгодные люди для шешпральной ди-

рекции. Они особенно любящъ въ пiэсѣ хорошіе стихи, также очень любящъ громко вызывающъ актеровъ, многіе изъ нихъ преподавая въ казенныхъ заведенiяхъ, или приготавливая къ казеннымъ заведенiямъ заводящся наконецъ кабриолетомъ и парю лошадей. Тогда кругъ ихъ спановищся обширнѣе; они доспигающъ наконецъ до того, что женищся на купеческой дочери, умѣющей играющъ на фортепиано съ сощнею тысящъ, или около того наличныхъ и кучею брадашюй родни. Однакочъ эщюй чещпи они не прежде могущъ достигнущъ, какъ выслуживши покрайней мѣрѣ до Полковничьяго чина. Потому что Русскiя бородки не смощря на то, что опъ нихъ еще нѣсколькю опщывается капустаю, ни какимъ образомъ не хощящъ видѣющъ дочерей своихъ ни за кѣмъ кромѣ Генераловъ или покрайней мѣрѣ Полковниковъ. Таковы главныя черщпы эщюго сорта молодыхъ людей. Но Поручикъ Пироговъ имѣлъ множещство талантовъ, собщвенно ему принадлежащихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ Димитрiя Донскаго и Горе опъ Ума умѣлъ особенное искусство пускающъ изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что

вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое. Умъль очень пріятно рассказывашъ анекдотъ о шомъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ оно нѣсколько шрудно перечешть всѣ шаланшы, кошорыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и шанцовщицѣ, но уже не шакъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняешся объ этомъ предметѣ молодой Прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ кошорый былъ произведенъ недавно, и хопя иногда ложась на диванъ онъ говорилъ: охъ, охъ! суеша, все суеша! что изъ эшаго что я Поручикъ? но въ шайнѣ его очень льспило эшо новое досшюинштво; онъ въ разговорѣ шашно шарался намекнушь о немъ обинякомъ и одинъ разъ когда попался ему на улицѣ какой-шо писарь, показавшійся ему не вѣжливымъ онъ немедленно ошпановилъ его, и въ не многихъ во рѣзкихъ словахъ далъ замѣшишь ему, что передъ нимъ шшояль Поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе шарался онъ изложитъ эшо красно рѣчивѣе, что шогда проходили мимо его двѣ весьма не дурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ шарашъ ко всему изящному и поо-

щрялъ художника Пискарева; впрочемъ это происходило можетъ быть опъ того, что ему весьма желалось видѣть мужеспвенную физиогномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда не можно изчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься тѣмъ болѣе являешся новыхъ особенностей и описаніе ихъ было бы бесконечно. И пакъ Пирововъ не переспавалъ преслѣдовавъ незнакомку опъ времени до времени занимая ее вопросами, на копорые она отвѣчала рѣзко, опривиспо, и какими — по неясными звуками. Они вошли темными Казанскими воропами въ Мъщанскую улицу; улицу шабачныхъ и мѣлочныхъ лавокъ, Нѣмецвъ-ремесленниковъ и Чухонскихъ Нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ воропа одного довольно запачканнаго дома. Пирововъ за нею. Она взбѣжала по узинькой темной лѣспницѣ и вошла въ дверь, въ копорую поже смѣло пробрался Пирововъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнаѣ съ черными спѣнами съ законченнымъ пополкомъ. Куча желѣзныхъ виншовъ, слѣсарныхъ инструменшовъ, блестящихъ кофейни-

ковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ; полъ былъ засоренъ мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ пошчасъ смекнулъ что это была кваршира маспероваго. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минушу, задумался, но слѣдуя Русскому правилу рѣшился итти впередъ. Онъ вошелъ въ комнашу, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую что хозяинъ былъ Нѣмецъ. Онъ былъ пораженъ необыкновенно спраннымъ видомъ:

Передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, не пошъ Шиллеръ, кошорый написалъ Вильгельма Теля и исторію Тридцати-лѣтней войны, но извѣстный Шиллеръ жестяныхъ дѣлъ масперъ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ, не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на сшулѣ попяя ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно спранные положеніе фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ выспавивъ свой довольно толстый носъ и поднявши въ верхъ голову; а Гофманъ держалъ его за

эпошъ носъ двумя пальцами и верпѣлъ лез-
вѣемъ своего сапожническаго ножа на самой
его поверхности. Объ особы говорили на
Нѣмецкомъ языкѣ и пошому поручикъ Пи-
роговъ, который зналъ по Нѣмецки только
гушъ-моргенъ, ничего не могъ понять изъ
всей эпои исторіи. Впрочемъ слова Шил-
лера заключались вопшъ въ чемъ:

«Я не хочю, миѣ не нуженъ носъ!» гово-
рилъ онъ размахивая руками.» У меня на
одинъ носъ выходилъ при фунна шабаку
въ мѣсяць. И я плачу въ Русской скверной
магазинъ, пошому что Нѣмецкой магазинъ
не держитъ Русскаго шабаку, я плачу въ
Русской скверной магазинъ за каждый фуннъ
по 40 копѣекъ; эпо будетъ рубль двадцать
копѣекъ — эпо будетъ чепырнацать рублей
сорокъ копѣекъ. Слышишь другъ мой Гоф-
манъ? на одинъ носъ чепырнацать рублей
сорокъ копѣекъ! Да по праздникамъ я ню-
хаю Рапе, пошому что я не хочю нюхать
по праздникамъ Русской скверной шабакъ. Въ
годъ я нюхаю два фунна Рапе, по два руб-
ли фуннъ. Шеспъ да чепырнацать — двад-
цать рублей сорокъ копѣекъ на одинъ ша-
бакъ! Эпо разбой, я спрашиваю шебя, мой
другъ Гофманъ, не шакъ ли?» Гофманъ, коню-

рый самъ былъ пьянъ ошвѣчалъ ушвердительно. «Двадцать рублей сорокъ копѣекъ! Я Швабскій Нѣмецъ; у меня естъ Король въ Германіи. Я нехочу носа! рѣжь мнѣ носъ! вопъ мой носъ!»

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, по безъ всякаго сомнѣнія Гофманъ, ошрѣзалъ бы ни за что ни про что Шиллеру носъ, потому, что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе какъ бы хотѣлъ кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрощенное лице такъ нехотани ему помѣшало. Онъ несмотря на то что былъ въ упоительномъ чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько не прилично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи посторонняго свидѣтеля. Между тѣмъ Пировъ слегка наклонился и съ свойственною ему пріятностію сказалъ: «Вы извините меня....

«Пошелъ вонъ!» ошвѣчалъ просяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка слегка было показавшаяся на его лицѣ вдругъ пропала. Съ чувствомъ огор-

ченнаго достоинства онъ сказалъ: «Мнѣ странно, милосивый государь.... вы вѣрно не замѣтили... я Офицеръ...»

«Что такое, Офицеръ! я Швабской Немецъ. Мой самъ» при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу «будешь Офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сей часъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаешь этакъ: фу!» при этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ что ему больше ничего не оставалось какъ только удалиться; однакожъ такое обхожденіе во все неприличное его званію ему было непріятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣспницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ какимъ бы образомъ дасть почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ разсудилъ что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивомъ; къ тому же предспавилась ему хорошенькая блондинка и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пироговъ рано по утру явился въ мастерской жезяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣ-

шила его хорошенъкая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, копорый очень шель къ ея личику спросила: что вамъ угодно?

«А здравствуйше, моя миленькая? вы меня не узнали? плушовочка, какіе хорошенъкіе глазки!» При эпомъ поручикъ Пироговъ хошъя очень мило поднйшь пальцомъ ея подбородокъ. Но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ шою же суровостію спросила: что вамъ угодно?

«Вась видъшь, больше ни чего мнѣ не угодно» произнесъ поручикъ Пироговъ довольно пріятно улыбаясь и подспуая ближе, но замѣшивъ что пугливая блондинка кошъя проскользнушь въ дверь, прибавилъ. «Мнѣ нужно моя миленькая заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? хошя для шого чтобы любить васъ вовсе не нужно шпоръ а скорѣ бы уздѣчку. Какія миленькія ручки!» Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода.

«Я сей часъ позову моего мужа» вскрикнула Нѣмка и ушла, и чрезъ нѣсколько минушь Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходявшаго съ заспанными глазами, едва очнувшася опъ вчерашняго похмѣлья. Взглянувши на

Офицера онъ припомнилъ какъ въ смущенномъ снѣ происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ въ какомъ было, но чувствовалъ что сдѣлалъ какую-то глупость и пошому принялъ Офицера съ очень суровымъ видомъ. «Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей произнесъ онъ, желая опдѣлаться опъ Пирогова; пошому что ему, какъ честному Нѣмцу, очень совѣстно было сморъсь на шого киво видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ нишъ совершенно безъ свидѣтелей съ двумя, шремя пріятелями и заширался на это время даже опъ своихъ рабонниковъ.

«За чѣмъ же шакъ дорого?» ласково сказала Пироговъ.

«Нѣмецкая рабона» хладнокровно произнесъ Шиллеръ поглаживая подбородокъ. «Русской возмешся едѣлать за два рубля.»

«Извольте чшобы доказать что я васъ люблю и желаю съ вами познакомшсь, я плачу пятнадцать рублей!»

Шиллеръ минушю оставался въ размышленіи: Ему какъ честному Нѣмцу сдѣлалось много совѣстно: желалъ самъ опклоншсь его опъ заказыванія, опъ объявилъ что ра-

ше двухъ недѣль не можешь сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго прекословія изъявлялъ совершенное согласіе.

Нѣмецъ задумался и спалъ размышляя о томъ какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей. Въ это время блондинка вошла въ масперскую и начала рыться на столѣ, успавленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ручку обнаженную до самаго плеча. Это Шиллеру очень не понравилось.

«Мейнъ Фрау!» закричалъ онъ.

«Васъ волenziдохъ» отвѣчала блондинка.

«Гензи на кухня!» Блондинка удалилась.

«Такъ черезъ двѣ недѣли?» сказалъ Пироговъ.

«Да черезъ двѣ недѣли» отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ, «у меня пеперь очень много работы.»

«До свиданія! я къ вамъ зайду!»

«До свиданія» отвѣчалъ Шиллеръ запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, несмотря на то, что Нѣмка оказала явный опшюръ. Онъ немогъ

поняшь, чтобы можно было ему пропи-
виться; пѣмъ болѣе, что любезность его
и блестящій чинъ, давали полное право на
вниманіе. Надобно однако же сказать и то,
что жена Шиллера при всей миловидности
своей была очень глупа. Впрочемъ глупость
составляетъ особенную прелесть въ хоро-
шенькой женѣ. Покрайней мѣрѣ я зналъ мно-
го мужей, которые въ воспоргъ опъ глу-
пости своихъ женъ и видяшь въ ней всѣ
признаки младенческой невинности. Красота
производитъ совершенные чудеса. Всѣ ду-
шевные недоспашки въ красавицѣ, вмѣсто
того, чтобы произвести отвращеніе, спа-
новятся какъ то необыкновенно привлека-
тельны; самый порокъ дышетъ въ нихъ
миловидностью; но исчезни она—и женщи-
нѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣе
мущины чтобы внушить къ себѣ если не лю-
бовь, то по крайней мѣрѣ уваженіе. Впро-
чемъ жена Шиллера при всей глупости бы-
ла всегда вѣрна своей обязанности и попо-
му Пирогову довольно трудно было успѣть
въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ по-
бѣдою црепятствій всегда соединяется на-
слажденіе, и блондинка спановилась для не-
го иншереснѣе день опо дня. Онъ началъ

довольно часто освѣдомляясь о шпорахъ, такъ, что Шиллеру это наконецъ наскучило. Онъ употреблялъ все усилія, чтобы окончишь скорѣй начашья шпоры; наконецъ шпоры были готовы.

«Ахъ, какая отличная работа!» закричалъ Поручикъ Пироговъ увидѣвши шпоры. «Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего Генерала нѣтъ эдакихъ шпоръ.»

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело и онъ совершенно примирился съ Пироговымъ. «Русской офицеръ, умной челоувѣкъ» думалъ онъ самъ про себя.

«Такъ вы спало бышь можете сдѣлать и оправу, напримѣръ къ кинжалу, или другимъ вещамъ?»

«О, очень могу!» сказалъ Шиллеръ съ улыбною.

«Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу; у меня очень хорошій Турецкій кинжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую.»

Шиллера это какъ бомбою хвашило. Лобъ его вдругъ наморщился. Вошь шебъ на! подумалъ онъ про себя внутрененно ругая себя за то, что накликалъ самъ работу. Ошкаръ

зашься, онъ почишалъ уже безчестнымъ, припомъ же Русскій офицеръ похвалилъ его работу. — Онъ нѣсколько покачавши головою изъяснилъ свое согласіе; но поцѣлуй, которъй уходя Пироговъ влѣпилъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почишаю не излишнимъ познакомить чипапеля нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный Нѣмецъ въ полномъ смыслѣ всего этого слова. Еще съ двадцати-лѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, которое Русской живешь на Фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого ни въ какомъ случаѣ не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вспавать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть почнымъ во всемъ, и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себя въ печеніи 10 лѣтъ, составилъ капиталъ изъ пятидесяти тысячъ; и уже это было такъ вѣрно и неопразно какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ взглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели Нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и еспьли цѣна на

карпофель слишком поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество и хопя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но однако же привыкалъ къ этому. Акуратность его просириалась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сунки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой сунъ; впрочемъ въ воскресной день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ иногда двѣ бушылки пива и одну бушылку шминной водки, копорую однако же онъ всегда брачилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ какъ Англичанинъ, копорой пошчасъ послѣ объѣда запираетъ дверь на крючекъ и нарѣзывается одинъ. Напрошивъ онъ какъ Нѣмецъ пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или съ столяромъ Кунцомъ поже Нѣмцомъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, копорый наконецъ былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и Нѣмецъ, однакожь поспулки Пирогова возбудили въ

немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и немогъ придумать, какимъ образомъ ему избавишься отъ этого Русскаго офицера. Между тѣмъ Пироговъ куря прубку въ кругу своихъ поварищей, попому что уже шакъ провидѣніе успроило, что гдѣ офицеры шамъ и прубки, куря прубку въ кругу своихъ поварищей намекалъ значительнo и съ пріятною улыбкою объ инприжкѣ съ хорошенькою Нѣмкою, съ копорюю по словамъ его, онъ уже совершенно былъ на коропкѣ и копорюю онъ на самомъ дѣлѣ едва ли не шерялъ уже надежды преклонишь на свою спорону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по мѣщанской поглядывая на домъ, на копоромъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ оспановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ: гущь моргенъ. Блондинка поклонилась ему какъ знакомому.

«Что вашъ мужъ дома?»

«Дома» опвѣчала блондинка.

«А когда онъ не бываетъ дома?»

«Онъ по воскресеньямъ не бываешь дома» сказала глупиная блондинка.

«Эпо недурно» подумалъ про себя Пироговъ «эшимъ нужно воспользоваться.» — И въ слѣдующее воскресенье какъ снѣгъ наголову явился предъ блондинкою. Шиллера дѣйствительно небыло дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поспешилъ на эпошъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и раскланявшись показалъ всю красоту своего гибкаго переплянушаго спана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупиная Нѣмка ошвѣчала на все односложными словами. Наконецъ заходивши со всѣхъ сторонъ, и видя, что ничто неможетъ занять ее, онъ предложилъ ей танцовать. Нѣмка согласилась въ одну минушу, потому что Нѣмка всегда охотницы до танцевъ. На эпомъ Пироговъ очень много основывалъ свою надежду, въ первыхъ, эпо уже доставляло ей удовольствіе, во-вторыхъ, эпо могло показать его шортиору и ловкость, въ третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнявъ хорошенькую Нѣмку и продолживъ начало всему, короче, онъ выводилъ изъ эпого совершенный успѣхъ. Онъ началъ какой-

по гавошь, зная, что Нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая Нѣмка выпустила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе пакъ восхишило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать. Нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелестъ въ глазахъ Пирогова, онъ ее засыпалъ поцѣлуями. Какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и споляромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

«Грубіанъ!» закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи «какъ ты смѣешь цѣловать мою жену! Ты подлець, а не Русской офицеръ. Чортъ поберни мой другъ Гофманъ, я Нѣмецъ, а не Русская свинья.» Гофманъ отвѣчалъ ушвердительно. «О, я нехочу имѣть роги! бери его мой другъ Гофманъ за воротникъ, я нехочу» продолжалъ онъ сильно размахивая руками, при чемъ лице его было похоже на красное сукно его жилета. «Я восемь лѣтъ живу въ Пешербургъ у меня въ Швабін машь моя, и дядя мой въ Нюренберга, я Нѣмецъ, а не рогатая говядина!

прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! держи его за рука и нога, комрашъ мой Кунцъ!» И Нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова:

Напрасно силился онъ ошбивашься; эпи прѣ ремесленника были самой дюжій народъ изъ всѣхъ Пешербургскихъ Нѣмцевъ. и поступили съ нимъ шакъ грубо и невѣжливо что признаюсь я никакъ не нахожу словъ къ изображеңію эшого печальнаго собышїя.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ какъ листъ ожидая съ минушы на минушу прихода Полиціи, что онъ Богъ знаетъ чегобы не далъ, чтобы все происходившее вчера было воснѣ. Но что уже было, шого нельзя перемѣнить. Ничто немогло сравнись съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль объ шакомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плеши онъ почишалъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ лепѣлъ домой, чтобы одѣвшись онѣшуда ишши прямо къ Генералу, описать ему самыми разишельными красками буйство Нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хо-

пять подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ, естли же назначеніе наказанія будеть неудовлетворительно, тогда, идши дальше и дальше.

Но все это какъ по странно кончилось: По дорогъ онъ зашелъ въ кандиперскую, сълъ два слоеныхъ пирожка, прочишалъ кое что изъ Сѣверной Пчелы и вышелъ уже не въ споль гнѣвномъ положеніи. Припомъ довольно пріятный прохладный вечеръ заспавилъ его нѣсколько пройшисъ по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ что въ воскресенье не хорошо беспокоишь Генерала, при помъ онъ безъ сомнѣнія куда нибудь опозванъ и пошому онъ опсправился на вечеръ къ одному Правителю контрольной Коллегіи гдѣ было очень пріятное собраніе чиновниковъ и Офицеровъ. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и шакъ опмичился въ мазуркъ, что привелъ въ воспоргъ нешолько дамъ, но даже и кавалеровъ.

Дивно успроенъ свѣтъ нашъ! Думалъ я, нди прешьяго дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. Какъ странно какъ непоспижимо играешъ нами судьба наша! получаемъ ли

мы когда нибудь то, чего желаемъ. Дости-
гаемъ ли мы того, къ чему кажешся пароч-
но приговорены наши силы. Все происхо-
дитъ на оборотъ. Тому судьба дала прекра-
снѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно ка-
паетъ на нихъ вовсе не замѣчая ихъ кра-
соты, тогда какъ другой, котораго сердце
горитъ лошадиною спрасъю, идешь пѣш-
комъ и довольствуешся только тѣмъ, что
пощелкаешъ языкомъ, когда мимо его про-
водяшь рысакъ. Тотъ имѣешъ отличнаго
повара, но къ сожалѣнію такой маленькой
ропъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ
не можешъ пропуститъ, другой имѣешъ
ропъ величину въ арку главнаго шшаба,
но увы! долженъ довольствоваться какимъ-
нибудь Нѣмецкимъ обѣдомъ изъ каршофеля.
Какъ странно играешъ нами судьба наша!

Но странное всего происшествія случаю-
щіяся на Невскомъ проспектѣ. О, невѣрые
этому Невскому проспекту. Я всегда заку-
пываюсь покрѣче плащемъ своимъ, когда
иду по немъ и спараюсь вовсе не глядѣшь
на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ,
все мечта, все не то, чѣмъ кажешся. Вы
думаете что этотъ господинъ который
гуляетъ въ отлично сшитомъ сюршуч-

къ, очень богаты, — ничуть не бывало: онъ весь соспойтъ изъ своего сюршучка. Вы воображаете, что эти два полшьяка осшановившіеся передъ спроющеюся церьювю судяшъ объ архипекшурѣ ея, совсѣмъ нѣтъ, они говоряшъ о томъ, какъ спранно сѣли двѣ вороны одна прошивъ другой. Вы думаете что эпошъ эншюзіасшъ размахивающій руками говоряшъ о томъ, какъ жена его бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера, совсѣмъ нѣтъ, онъ говоряшъ о Лафаэшъ. Вы думаете, что эти дамы... но дамамъ меньше всего вѣрше. Менѣе заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки въ нихъ выпавленныя прекрасны, но пахнушъ спрашнымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подѣ шляпки. Какъ ни развѣвайся вдали плащъ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради Бога, далѣе ошъ фонаря! и скорѣе, сколько можно скорѣе проходите мимо. Это счастье еще, ешъли ошдѣлаешесь шѣмъ, что онъ зальешъ щегольской сюршукъ вашъ вонючимъ своимъ маломъ. Но и кромѣ фонаря все дышешъ обманомъ. Онъ лжешъ во всякое время эпошъ

Невской проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и ошдѣлишь бѣлыя и палевыя спѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, мириады карешъ валяясь съ мостовъ, форейшоры кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показатъ все не въ наспоющемъ видѣ.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

ПЪСНЦ.

О МАЛОРОССИЙСКИХЪ

ПѢСНЯХЪ.

=

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе Малороссійскія Пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ.

До того времени одна полько очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ; слова же оспавались безъ вниманія и почпи ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе. (*) Но лучшія пѣсни и голоса слышали полько однѣ Украинскія степи: Только памъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣчаныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желпизнѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онъ раздаются, прерываемыя однѣми спешными чайками, вереницами жаворонковъ и спенящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсень. Эпо народная Исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обогащающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣшела, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все силь-

(*) Въ прочемъ любители музыки и поэзіи могутъ пѣсколько углубиться: недавно надано прекрасное собраніе пѣсень Максимовичемъ и при немъ голоса переложивные Алябьевымъ.

ное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Они — надгробный памятникъ былаго, болѣе нежели надгробный памятникъ: Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто пропавъ эпой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ льпописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и Поэзія, и Исторія, и опцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ эпой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искапать въ нихъ показанія дня и числа бытвы, или почнаго объясненія мѣспа, вѣрной реляціи: въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, спихіи характера, всѣ изгибы и опшѣнки чувствъ, волненій, спраданий, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выныпашъ духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне; Исторія народа разоблачитъ передъ нимъ въ ясномъ величій.

Пѣсни Малороссійскія могутъ вполне называться историческими, потому что онѣ

не оприваюся ни на мигъ опъ жизни и всегда вѣрны погдашней минушъ и погдашнему соспоанію чувсшвъ. Вездъ проникаешъ ихъ, вездъ въ нихъ дышишъ эша широкая воля казацкой жизни. Вездъ видна ша сила, радосшь, могущесшво, съ какою Казакъ бросаешъ пишину и безпечносшь жизни домовишой, чшобы вдашься во всю поэзію бишвъ, опасносшей и разгульнаго ниршесшва съ шоварищами. Ни чернбровая подруга, пылающая свѣжесшью, съ карими очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за спремья коня его, ни пресшарѣлая машь, разливающаяся какъ ручей слезами, копорой всѣмъ сущесшвованіемъ завладѣла одно маперинское чувсшво—ничшо не въ силахъ удержашъ его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшишъ въ спени, въ вольницу шоварицей. Его жену, машь, сесшру, брашьевъ, все замѣняешъ вашага гульливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы эшого брашсшва для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаешъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая спешъ опъ Тамана до Дуная—дикій океанъ цвѣшповъ колышется однимъ налешпомъ вѣштра; въ безпредѣльной глубинѣ неба шо-

нупъ лебеди и журавли; умирающій Казакъ лежишь среди эшой свѣжеспи дѣвственной природы и собираешъ всѣ силы, чшобъ не умерешъ, не взглянувъ еще разъ на своихъ шоварищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вѣйска Козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираешъ. Вышупаешъ ли Козацкое войско въ походъ съ пишиною и повиновѣнемъ, извергаешъ ли изъ самопаловъ пошопъ дыма и пуль; кружаешъ ли вольно медъ, вино; описываешся ли ужасная казнь Гепмана, опъ кошорой дѣбомъ подымаешся волосъ, мщеніе ли Казаковъ, видъ ли убишаго Казака, съ широко раскинутыми руками на правъ, съ размешаннымъ чубомъ, клекшы ли орловъ въ небъ, спорящихъ о шомъ, кому изъ нихъ выдирашь казацкія очи: все эшо живешъ въ пѣсняхъ и окинушо смѣлыми красками. Ошпальная половина пѣсней изображаешъ другую половину жизни народа: Въ нихъ разбросаны чершы быша домашняго; здѣсь во всемъ совершенная прошивуположность. Тамъ одни Казаки, одна военная, бивачная

и суровая жизнь; зѣсь, напрошивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, поскливый, дышащій любовью. Эпи два пола видѣлись между собою самое короткое время и попомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эпи были проводимы женщинами въ поскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Опъ того любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэпическою. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, кошорая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ эпимъ мощнымъ, вольнымъ пишомцемъ войны, сполнило для нее радость всей жизни въ одно быспромелькнувшее мгновение. Прошивъ него ничпо вся остальная жизнь; она живешъ однимъ эпимъ мгновениемъ. Тоскуя, ждешъ она съ упра до вечера возвраша своего черноброваго супруга.

Ой черные бровенята!

Лыхо минн зѣ вами:

Не хочете почевашы

Ни ношеньки сами.

Она вся живель въспоминаемъ. Все, на что они глядѣли вмѣспѣ; куда они вмѣспѣ ходили, что вмѣспѣ говорили, все эшо припоминаешъ она, не упуская ни одной мелкой чершы. Она обращается ко всему, что ни видишь въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоришь и жалуешся. И какъ просны, какъ поэтически-просны ея исполненныя души рѣчи! Ко всему примѣняешъ она состояніе свое и не можешъ наговоришься: пошому что человекъ многорѣчивъ всегда, когда въ его грусти заключаешся шайная сладость. Наконецъ съ шихимъ, но безнадежнымъ опчаяніемъ говоришь она:

Да вжежъ минн не ходышы
Куды я ходыла!

Да вжежъ минн не любишы
Кого я любила!

Да вжежъ минн не ходышы
Ранкомъ по-пидъ замкомъ!

Да вжежъ минн не спояшы
Изъ моимъ коханкомъ!

Да вжежъ минн не ходышы
Въ лиски по оришки!

Да вжежъ минн минулися
Дивоцкія смишки!

Чтобы скольконибудь сдѣлашь доступною для незнающихъ Малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ эпихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вопль онъ сдѣлаешь своего вороного коня и ѣдешь далеко-далеко отъ меня.

Куда же ты мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты увѣжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

Оставляю себя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги.

О еслибъ я знала, если бы видѣла, откуда будешь ѣхашь мой милый: я бы ему по всей дорогѣ моспила моспы изъ зеленого простинника и все бы ждала его въ госпи.

Боже Всесильный! выровняй все долины и горы, чтобы вездѣ было ровпо, чтобы опшолъ ему до самаго дому было хорошо ѣхашь,

Чу! луга шумяшъ, берега звеняшъ, по дорогѣ зеленѣешь шправа—эшо онъ! эшо мой милый ѣдешъ!

Чу! луга шумяшъ, берега звеняшъ, расцвѣшаешъ калина—вѣрно гдѣнибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваешъ.

«За чѣмъ же ты не прѣхалъ, за чѣмъ не прилешалъ

какъ я шебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дорогили не зналъ, или машь невелѣла шебѣ?

«Я коня имѣю; я и дорогу знаю и машь еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣдлашь коня —

«Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за вороша какъ уже бѣжишь зампою другая и шакъ жалко стонешъ, шакъ плачешъ, что пока ее хватаешъ за самое сердце.

Можно привесить до тысячи подобныхъ пѣсень, можешъ быть даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски, вездѣ проспекта и невыразимая нежность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, шамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ неизумляющія колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежишь уже спутившему на высшую ступень самопознапія; но ихъ вѣра шакъ невинна, шакъ прогашельна, шакъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводяшь Его часто въ бышь своей жизни съ шакою невинною проспектою, что безъ-искусственное Его изображеніе становишья у нихъ величественнымъ

въ самой проспошѣ своей. Опѣ этого самыя обыкновенныя предметы въ пѣсняхъ ихъ облакаются невыразимою поэзіей: чему еще болѣе помогаютъ оспашки обрядовъ древней Славянской Мифологіи, копорые онѣ покорили Христіанству. Часто поскующая дѣва умоляетъ Бога, чшобы онѣ засвѣшилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ее милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печашь чиспаго первоначальнаго младенчества, спало бытъ и высокой Поэзіи. Изложене пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и Казацкихъ, почти всегда драматическое — признакъ развишія народнаго духа и двяпельной, безпокойной жизни, долго обнимавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращающя въ описательныя и не занимающя долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ; но шѣмъ не менѣ чершы ея пакъ новы, понки, рѣзки, чшо предспавляющъ весь предметъ: впрочемъ къ нимъ при. бѣгающъ для шого только, чшобы сильнѣе выразишь чувспва души и попому явленія природы послушно влекущя у нихъ за явленіями чувспва. То же самое у нихъ предспавляешя разомъ и во внѣшнемъ и во вну-

преннемъ міръ. Часно вмѣсто цѣлаго виѣшняго находишься только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *былъ вечеръ*; но вмѣсто этого говорится то, что бываетъ вечеромъ, на пр.

Шли коровы изъ дубровы, а овечки съ поля.
Выплакала кари очи край милаго споя.

Опъ того весьма много, не понявъ, считали подобные обороты безсмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко, и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной мысли, такъ что онѣ походятъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно беспорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни. Но за то изъ этой пѣснрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самую очаровательную безосчетностью Поэзіи.

Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ спрогимъ расчешомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, спановаясь свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его опъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заувнвныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излишья изъ души чловѣка въ обыкновенномъ состояніи, при наспощемъ возрвнн на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непоспжимо-спранно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ, въ пакомъ-то разгулѣ, поржеспвенномъ, больше нежели веселомъ, душа, къ непоспжимоу загадкѣ, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочъ дума и бдѣніе! Весь паннспвенный составъ его шребуешъ звуковъ. Опъ шого Поэзія въ пѣсняхъ неумовима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе до-

спушна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія Поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ Поэтъ понимаетъ: и потому-то часто самая лучшая пѣсня оспается не замѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе Малороссійское самое выгодное для пѣсень: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и шоника, и риѐма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быспро; опъ того спрока никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случается то цезура по срединѣ съ звонкою риѐмою переръзываетъ ее. Чиспые, просяжные ямбы рѣдко попадаются. Большею частію быспрые хорей, дакшили, амфиврахи лепящъ шибко одинъ за другимъ, приходливо и вольно мѣщаются между собою, производящъ новые размѣры и разнообразящъ ихъ до чрезвычайности. Риѐмы звучатъ и спшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха — общая принадлежность ихъ. Часто вся спрока созвукивается съ другою, не смотря, что иногда у обихъ даже риѐмы нѣшъ. Близость риѐмъ изу-

мипельна. Часпо спрока два раза шерпишь цезуру и два раза риѣмуешся до замыкающей риѣмы, копорой сверхъ того даешъ опвѣшь вшорая спрока, шже два раза созвукнувшисъ на серединѣ. Иногда вспрѣчается такая риѣма, копорую по видимому нельзя назвашь риѣмою, но она шакъ вѣрна своимъ опголоскомъ звуковъ, чшо нравися иногда болѣе нежели риѣма, и никогда бы не пришла въ голову Поэшу съ перомъ въ рукъ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлишь однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна; едва шолько касается земли и, кажешся, шалипъ, рѣзвися звуками. Иногда звуки ея принимаюшь мужественную физиогномію; спановящся сильны, могучи, крѣпки; спопы шяжело ударяюшь въ землю, и кажешся, какъ будшо бы подъ нихъ можно плясать одного шолько гопака. Иногда же звуки ея спановящся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гиганшскіе, шлящіеся обхвашишь бездну проспранства, вслушиваясь въ копорые танцюющій чувшвуешъ себя исполномъ: душа его и все шущешствованіе раздвигается, расширяешся

до безпредѣльности. Онъ опщѣляется вдругъ опъ земли, чпобы ударить въ нее блестящими подковами и взнеспись опашь на воздухъ. Чпо же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, копорой не дали довеселишься; жалобы ли это на безпріютное положеніе погдашней Малороссіи., но звуки ея живущь, жгущь, раздирающь душу. Русская заунывная музыка выражаешь, какъ справедливо замѣнилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она спремилъ уйши опъ нее и заглушилъ вседневныя нужды и заботы; но въ Малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью — звуки ея шакъ живы, чпо кажешь не звучашь, а говорашь: говорашь словами, выговаривающь рѣчи и каждое слово этой яркой рѣчи проходишь душу. Взвизги ея иногда шакъ похожи на крикъ сердца, чпо оно вдругъ и внезапно вздрагиваешь, какъ будпо бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безопрадное, равнодушное опчаяніе иногда слышится въ ней шакъ сильно, чпо заслушавшійся забывается и чувствуешь, чпо надежда давно улешъла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ опривисшья

спенанія, вопли, шакіе яркіе, живые, что съ шрепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли эшо? Эшо не выносимый вопль маперя, у кошпорой свирѣное насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можешъ бытъ сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣяшельность жизни; если напски насилій и непреодолимыхъ вѣчныхъ, препяшшвій не давали ему ни на минушу уснушь и вынуждали изъ него жалобы, и если эши жалобы не могли иначе и нигдѣ выразитъся, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ шу годину, когда хищно ворвалась въ нее Унія. По нимъ, по эшимъ звукамъ можно догадывашъся о ея минувшихъ спраданіяхъ, шакъ почно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилланшовымъ слезамъ, унизывающимъ съ низу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе сшадъ, голубоватый дымъ — въспникъ деревенскаго ужина и довольства —

несется свѣшлыми кольцами къ небу и вечерь, тихій, ясный вечерь обнимаетъ успокоенную землю.

1833.

О

ГЕОГРАФИИ.

МЫСЛИ
О ГЕОГРАФИИ

(для дѣтскаго возраста.)

=

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипишь Югъ, и каждое швореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ черпахъ природы прочищается ужасъ и земля превращается въ оледѣнный шруцъ; исполины—горы, паря-

ція въ небо, наброшенный небрежно ды-
шущій всюю роскошью, распишешной силы,
и разнообразія видъ, и раскаленные пусты-
ни и степи, опорванный кусокъ земли по-
среди безграничнаго моря, люди и искусство,
и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся
предметы, сильнѣе говорящіе юному во-
ображенію! — Какая другая наука можетъ
быть прекраснѣе для дѣшей, можетъ бы-
стрѣе возвысить поэзію младенческой души
ихъ! И не больно ли, если показываютъ
имъ вмѣсто всего эшаго, какой-то безжиз-
ненный, сухой скелетъ, холодно говоря:
вотъ земля, на копорой живемъ мы, вотъ
шотъ прекрасный міръ, подаренный намъ
Неноспимымъ его Зодчимъ!» — Эшаго ма-
ло: его совершенно скрываютъ опъ ихъ
и даютъ имъ вмѣсто шого грызшь полиши-
ческое шѣло, превышающее міръ ихъ поня-
тій и несвязное даже для ума, обладающа-
го высшими идеями. — Невольно при эшомъ
приходишь на мысль: не ужели великій
Гумбольдтъ и шѣ опважные изслѣдователи,
принесшіе пакъ много свѣденій въ обласшь
науки, исполковавшіе дивные іероглифы,
коими покрытъ міръ нашъ, — должны бытъ
доспужны немногому числу ученыхъ? а воз-

разраспъ, болъе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

=

Дѣтскій возрастъ естъ еще одна жажда, одно безопчетное спремленіе къ познанію. Онъ всего пребуесть, все хочесть узнать. Его болъе всего инспересують опдаленныя земли: какъ тамъ? что тамъ шакое? какіе тамъ люди? какъ живушь — эши вопросы спремлятся у него шолною и всѣ они опносятся прямо къ Физической Географіи и пошому мѣръ въ его физическомъ сосшояніи величешвенный, роскошный, грозный, плѣнительный — долженъ болъе и обширнѣе занять его.

=

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читають ее въ двухъ и даже въ шрехъ классахъ. Эшо хорошо, и географія споншь, чтообъ ее проходили

не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсмаптриваемая обыкновенно въ полипическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по сшешамъ и пескамъ Африканскимъ и безъдушнѣйшимъ дикарями. Неговоря уже о бездасудности и спральной формѣ такою преподаваны, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержатъ въ ней всю эту неспройную массу. Если же и допустишь такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержишься одно прекрасное цѣлое. — Это будутъ щщашельно опдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для Монархическаго Правленія, и управившій его въ бурь полипическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить Географію въ два разные періоды своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ шольковеликій очеркъ

всего міра, но очеркъ такой, копорый бы пробудилъ всю внимательность его, копорый бы показалъ всю обширность и колоссальность Географическаго міра. Въ эпоху курсъ должны испослать ошь себя дань и Естественная исторія, и физика, и спашиспика и все что полько соприкасается къ міру, чтобы міръ соспавилъ одну яркую, живописную поэму. — чтобы сколько возможно опкрыть ему всѣ концы его. Ничего въ подробности; но полько однь рѣзкія черпы, но полько, чтобы онъ чувствовалъ гдѣ спужа, гдѣ болѣе распшительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ сильнѣе образованность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ спремительнѣе горы. — Во впоромъ періодъ его возраста эпоху міръ долженъ бытъ передъ нимъ раздвинуть. Онъ долженъ разсмощрѣть въ микроскопъ тѣ предметы, копорые доселѣ видѣлъ проспымъ глазомъ. Тогда уже онъ узнаешъ всѣ исключенія и переходы менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго опличія.

=

Воспипанникъ не долженъ имѣть вовсе

у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна полько карша. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять не укрѣпивши на мѣспѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе. Чтобы воспишанникъ внимая ему, глядѣлъ на мѣспо въ своей каршѣ и чтобы эта малинькая почка какъ бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣспила бы въ себя всѣ шѣ каршины, копорые онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ что онъ останулся въ памяти его вѣчно: и взглянувши на скелешной очеркъ земли онъ его вмигъ наполнилъ красками.

=

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе каршѣ, надъ копорымъ заспавляютъ воспишанниковъ шрудитъ мало приносишь пользы. Множествво мелкихъ подробностей, множествво опдѣльныхъ государствъ можешъ только въ головѣ ихъ уничтожитъ одно другимъ. Гораздо лучше дашь имъ прежде

сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для
этого я бы совѣщывалъ сдѣлать всю воду
бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ со-
вершенно опдѣлились, рѣзкостью своею не-
вольно вшоргнулись въ мысли ихъ, и пре-
слѣдовали бы ихъ неопшсунно неправиль-
ною своею фигурою. Послѣ этого будетъ
имъ гораздо легче начертить видъ земли,
но никакъ недопускай до подробностей
т: е: означай всѣ мелкія мысы и искрив-
ленія береговъ. Пусть лучше они въ нача-
лѣ со всѣмъ не знаютъ ихъ, но за то уде-
ржатъ общій видъ земли.

=

Гораздо лучше проходишь вначалѣ разомъ
весь міръ, глядясь разомъ на всѣ части свѣ-
та, чрезъ это очевиднѣе будутъ ихъ взаим-
ныя противоположности. Замѣтивши ихъ
въ общей массѣ, они могутъ тогда погру-
зиться глубже въ каждую часть свѣта. Но
въ порядкѣ частей свѣта я бы совѣщывалъ
лучше слѣдовать за поспешнымъ разви-
тіемъ человѣка, спало бытъ вмѣстѣ и за-
поспешнымъ открытіемъ земли: на-
чать съ Азіи, съ его колыбели, съ его мла-

денчества, перейши въ Африку, въ его пламенное и въспѣ грубое юношество, обратиши къ Европѣ, къ его быспрому разоблаченію и зрѣлости ума. Шагнешь въспѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ развишый и властительный вспрѣшился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ и окончишь разрозненными по необозримоу океану островами.

Такое раздѣленіе мнѣ кажешся будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ сославить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во первыхъ объ Азіи, гдѣ все шакъ велико и обширно, гдѣ люди шакъ важны, шакъ холодны съ вида, и вдругъ кипяшъ неукротимыми спрасіями; при дѣпскомъ умѣ своемъ думающъ, что они умнѣ всѣхъ; гдѣ все гордосшъ и рабство; гдѣ все одѣваешся и вооружаешся легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ Турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ Бедуинъ какъ вихоръ мчися по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ и вся спрана — спрана въ роисповѣданій, разлившихся ошюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце

жжешъ и океаны песчаныхъ степей разстигаются на неизмѣримое пространство, львы, пшгры, кокосы, пальмы и челевѣкъ, мало чемъ разнящійся наружноспью и своими чувственными наклонностями, ошъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами ; и ш. далье.

=

Начершивъ видъ части свѣша, воспишаникъ указываетъ всѣ высочайшя и низменныя мѣста на ней, рассказываетъ какъ развѣтвляющя по ней горы и протягивающъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Ришшерево барельефное изображение Европы, хотя оно не совсемъ еще удобно для дѣшей, по причинѣ неяснаго опредѣленя свѣша ошъ шѣней. Всего бы лучше на этомъ случай ошлишь изъ крѣпкой глины, или изъ мешалла наспоящій барельефъ. Тогда воспишанику спойло бы шолько взглянуть на него, чшобы сохранишь навсегда въ памяти всѣ высокя и низменныя мѣста.

=

Такъ какъ горы сообщили форму всей зем-
9

мѣ, по познаніе ихъ должно ссоставишь, такъ сказашь, начало всей Географіи. Показавъ развѣшвление ихъ по лицу земли, должно показавъ видъ ихъ, форму, ссоставъ, образованіе и наконецъ характеръ и ошличіе каждой цѣпи, все это не сухо, не съ подробною ученосью, но такъ чшобы онъ зналъ, чшо шакая — то цѣпь изъ шемныхъ и пвердыхъ гранишовъ, чшо внушренность другой бѣлая, извесшковая, или глинистая: рыхлая, желшая, шемная, красная или наконецъ самыхъ яркихъ цвѣшовъ земель и камней. Можно даже разсказашь какъ въ нихъ лежашъ мешаллы и руды и въ какомъ видѣ — и можно разсказашь занимашельно. Чшо же касаетса до поверхности ихъ, шо само собою разумѣешся чшо нужно показавъ высочайшія почки, примѣчашельныя явленія на нихъ, и высоту, до кошорой подымался человекъ.

=

Немѣшало бы коснушьса слегка подземной Географіи. Миѣ кажется, нѣшь предмета болѣе поэшического, какъ она, хопя совершенно поняшь ее можешъ только воз-

распъ высшій. Тушъ всѣ явленія и факты дышутъ исполинскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тушъ на всемъ оппечашокъ величественныхъ попрысеній земли; душа сильнѣе чувспвуешъ великіе дѣла Творца. - Тушъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тушъ лежишь въ глубокомъ уединеніи раковина и уже превращаешся въ мраморъ. Тушъ дышутъ вѣчные огни и опъ взрыва ихъ измѣняешся поверхность земли. Чашъ эшихъ явленій будучи слегка опкрыша юному воспитаннику, нельзя чпобъ не пронула его воображенія.

=

Процессъ и разселеніе расшипельной силы по землѣ должно показашъ на картѣ, лѣспницею градусовъ: гдѣ распъніе Юга хозяйинъ, куда перешло оно какъ гостъ, подъ какимъ градусомъ умираешъ, гдѣ начинаешся распъніе Сѣвера, гдѣ и оно наконецъ гибнешъ, прозябеніе прекращаешся, природа обмираешъ въ объятіяхъ студенаго океана и чудный полюсъ закушываешся недоспушными для челоука льдами. Такимъ же

образомъ и разселеніе живошныхъ. Но почва пребуешъ другаго раздѣленія земли по полосамъ, изъ кошорыхъ каждая должна заключашь въ себѣ особенный видъ ея.

=

Произведенія искусства вообще являющяся досель у Географовъ опривиспо. Перехода нѣтъ никакого опъ природы къ произведеніямъ челошъка. Они опрублены какъ попоромъ опъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не предспавленъ вовсе эшопъ брачный союзъ челошъка съ природою, опъ кошораго раждаешся мануфактурность. И такъ прежде нежели воспитаникъ приснуишъ къ обозрѣнію мануфактуръ и произведеній рукъ челошъка, нужно чтобы онъ былъ приугошповленъ къ шому произведеніямъ земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывесшъ, какія мануфактуры должны бышъ въ шаконъ-шо государствѣ; если же встрѣишся исключеніе, шогда необходимо показашъ опъ чего оно произошло, можетъ бышъ безпечный характеръ народа, можетъ шпоришя обстоятельштва.

или излишнее богатство соседей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ, воспрещавшествовали. Приугошовавши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ ноже незанимательна и непонятна.

=

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показатъ каждого физіогномію и шъ оппечашки, которые принялъ его характеръ, такъ сказатъ, опъ Географическихъ причинъ. Вся народы міра онъ долженъ огруппироватъ въ большіе семейства и предспавить прежде общія черты каждой группы, попомъ уже развѣшвление ихъ. И попомъ физическую ихъ испорію, ш. е. испорію измѣненія ихъ характера, чшобъ объяснилось опъ чего напримѣръ Тевтонское племя среди своей Германіи означено швердоспью флегматического характера и опъ чего оно перейдя Альпы напрошивъ принимаетъ всю игривость характера легкаго.

=

Весьма полезны для дѣшей каршы, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эша польза превращается въ необходимость, когда проходящъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ каршъ, по преподавашелю небольшого труда сполнѣ сдѣлашь оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означашъ свѣшомъ, и бросаешъ легкія пѣни гдѣ оно ниже. Пѣни сіи спановяшся, чѣмъ далѣе, пѣмъ крѣпче, и наконецъ превращающся въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаешъ и человекъ оканчивается бездушнымъ Эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивашъ исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣшь на карту—вошъ одно средство узнать ее. Немѣшало бы вырѣзашъ каждое государство особенно, такъ, чшобы оно составляло отдѣльный кусокъ и будучи сложено съ другими составило бы часть міра. Тогда будешъ видима и величина ихъ и форма.

=

При изображеніи каждаго города непре-

мѣнно должно означить рѣзко его мѣстоположеніе: подымается ли онъ на гору, опрокинувшись ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства—и вообще сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ испоргнуть изъ обширнаго матеріала все, что бросаетъ на городъ опличіе и опмѣняетъ его опъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что такое Римъ, что Парижъ, что Пешербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, соспавившимся въ его понятіяхъ при видѣ Пешербурга, — другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно бытъ исключено въ опредѣленіи опдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ, и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города рассказывается, что въ немъ есть Гимназія, Соборная церковь; уѣзднаго, что въ немъ есть уѣздное училище и ш. п. Къ чему? воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ Гимназіи во всѣхъ Губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконепова Петра, Киевопечерской лавры, Книгъ-Бенча, нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дѣшя вѣрно попребуетъ подробнаго свидѣ-

нія. Ненужно занимаешься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно по своей величинѣ или оприцательно, выходишь изъ категоріи обыкновеннаго. Въспомни эпоху, можно занять его архитектурой города, въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колосальны ли прекрасны ли его строения. Если онъ древній, то какъ величественна даже въ самой спраннысти своей его старинная, повисшая сползніями и на чудо взмелѣнная самими пошрясеніями архитектуря, и какъ напрошивъ того легка и изящна архитектуря другаго города, созданнаго однимъ сползніемъ. При мысли о какомъ-нибудь Германскомъ городкѣ, ученикъ спощасъ долженъ предсхавишь себѣ шѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловашые, просѣкающіе оспріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо опозвался весь канувшій въ пучину сползній древній міръ, у него должна бышь неразлучна съ шѣмъ мысль о зданіяхъ исполинахъ, кошорья, свободно поднявшись опъ земли и о-

першисъ на спройные поршики и гигантскія колонны, дряхлюющъ, какъ бы размышляя объ утѣкшихъ событіяхъ великой своей юности. Для эшаго не мѣшаешъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣжешся въ памяти припомъ эшо послужитъ невольню и нечувствительню къ образованію юнаго вкуса.

=

Исторія изрѣдка должна шолько озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Прошедшее должно бытъ слишкомъ разительню, и развѣ уже происходишь изъ чисто географическихъ причинъ, чшобы заставишь вызывашъ его. Но если воснишанникъ проходишь въ эшо время и исторію, тогда ему необходимо показашъ обласшь ея дѣйствія; — тогда Географія сливается и составляешъ одно шѣло съ Исторіей.

=

Слогъ преподавателя долженъ бытъ увле-

кающій, живописный; всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы, должны бытъ окинушы яркими красками. Чшо дѣйствуешь сильно на воображеніе, шо нескоро выбьешся изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу пушешественника. Спрогая аналитическая системашика не можетъ удержаться въ головѣ опрока, особливо если она распространена въ мелочахъ. Дитя шогда шолько удерживаетъ систему, когда невидитъ ея глазами, когда она искусно скрываетъ ошъ него. Его система — интересъ, нитъ произшествій, или нитъ описаній. Все чшо истинно нужно, чшо болѣе относится къ нашей жизни, чшо болѣе можемъ мы въ послѣдствіи приспособитъ къ себѣ, все эшо уже интересно. Да впрочемъ, чшо не интересно въ Географіи. Она шакое глубокое море, шакъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и несмотря на шо, чшо показываетъ границы каждой земли, шакъ скрываетъ свои собшвенныя, чшо даже для взрослого представляетъ философически — увлекательный предметъ. Короче, нужно спараться познакомитъ сколько можно болѣе съ міромъ, совсѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чшобы

эпо никакъ необременило памяти, а представлялось бы свѣтлою нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, копорыхъ множество, и изъ копорыхъ, кажется, донинѣ въ эпозомъ отношеніи мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину Педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенною неспособності невозможно предполагать въ дѣтяхъ. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, — слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ спрашную сказку и на лицѣ его, почти бездушномъ, неоживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, попеременно

прорывались черпы беззастыдлива и боязни.
Неужели нельзя задобрить шакого вниманія
въ пользу науки?

1829.

0

КАРТИНЪ ВРЮЛОВА.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ НОМНЕИ.

=

(Картина Брюлова.)

=

Картина Брюлова одно изъ яркихъ явленій 19 вѣка. Это свѣтлое воскресенье живописи пребывавшей долгое время въ какомъ-то полу-лешаргическомъ состояніи. Не спану говоришь о причинѣ этого необыкновеннаго засноя, хотя оно представляешъ

занимательный предметъ для изслѣдованія, замѣчу только; что естли конецъ 18 столѣтїя и начало 19 ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то за то они много разрабашали ея часпи. Она распалась на безчисленныя ашомы и часпи. Каждый изъ эшихъ ашомовъ развишь и поспигнушь несравненно глубже, нежели въ прежнїя времена. Замѣшили шакїя шайныя явленїя, какихъ прежде никшо неподозрѣвалъ. Вся ша природа, кошорую чаще видишь человекъ, кошорая его окружаетъ и живешъ съ нимъ, вся эша видимая природа, вся эша мѣлочь, кошорую пренебрегали великіе художники, доспигли изумительной испины и совершенства. Всъ наперерывъ спарались замѣшишь шощъ живой колоритъ кошорымъ дышишь природа. Все шайное въ ея лонѣ, весь эшощъ нѣмой языкъ пейзажа подмѣченъ, или лучше сказать украденъ, вырванъ изъ самой природы; хощя все эшо украдено опривками, хощя всъ произведенїя эшаго вѣка похожи болѣе на опышы, или лучше сказать записки, маперїалы, свѣжія мысли, кошорыя наскоро вносишь пушешеспвенникъ въ свою книгу съ шѣмъ, чшобы не позабышь ихъ и чшобы соста-

вишь изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое. Живопись раздробилась на низшія ограниченныя спупени: Гравировка, липографія и многія мѣлкія явленія были съ жадностію разрабощываемы въ часняхъ. Этимъ обязаны мы 19 вѣку. Колористъ употребляемый 19 вѣкомъ показываешь великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти безпрестанно появляющіяся опривки, перспективы, пейзажи, копорые рѣшишельно въ 19 вѣкѣ опредѣлили сліяніе челоуька съ окружающею природою: какъ въ нихъ дѣлился и выходилъ окинушая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива спроеній! какъ сквозилъ освѣщенная вода, какъ дышилъ она въ сумракъ вѣшвей! какъ ярко и знойно уходилъ прекрасное небо и оспавляешь предметы передъ самыми глазами зрителя; какое смѣлое, какое дерзкое употребленіе пѣней, шамъ гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали! и вмѣстѣ при всей эшой рѣзкости, какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена пайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувспенныхъ. Но что сильнѣе постигнушо въ наше время, шамъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаешь шамую силу и можно сказапъ единство всѣмъ на-

шимъ швореніямъ, что они неимѣя слишкомъ глубокаго достоинства показывающаго геній, необыкновенно пріямы для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ немогутъ не поразить, хотя внимательнао разсматривая иногда увидишь въ шворцѣ ихъ не обширное познаніе искусства.

Возьмите все безпрестанно являющіяся гравюры, эти оппрыски яркаго шаланпа, въ которыхъ дышетъ и вѣшетъ природа шакъ, что они кажутся какъ будто оцвѣчены колоритомъ. Въ нихъ заря шакъ шонко свѣтитъ на небѣ, что всматриваясь кажется видишь алыи опблескъ вечера; деревья облитыя сіяніемъ солнца, какъ будто покрыты шонкою пылью; въ нихъ яркая бѣлизна сладоспратно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ шѣни. Разсматривая ихъ, кажется боишься дохнуть на нихъ. Весь эпошъ эффектъ, который разлишь въ природѣ, который происходитъ опъ сраженія свѣта съ шѣнью, весь эпошъ эффектъ сдѣлался цѣлю и стремленіемъ всехъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что 19 вѣкъ есть вѣкъ эффектшвъ. Всякой опъ первого до послѣдняго порошисъ произвестъ эффектъ, начиная опъ поэта до кандишера, шакъ

что эти эффекты право уже надобдають и можешъ бышь 19 вѣкъ по спранный причудъ своей наконецъ обратишься ко всему безъэффектному. Впрочемъ можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны въ живописи и вообще во всемъ помъ, что видимъ нашими глазами. Тамъ ешьли они будущи ложны и неумѣспны, по ихъ ложность и неумѣспность пошчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку, совершенно другое дѣло. Тамъ они, ешьли ложны, по вредны шѣмъ что распроспраняють ложь, пошому что просподушная молпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго паланша они вѣрны и превращають челоуѣка въ исполина, но когда они въ рукахъ поддѣльнаго паланша, по для истиннаго понимапеля они опврашипельны, какъ опврашипеленъ карло одѣшый въ плашье великана, какъ опврашипеленъ подлый челоуѣкъ пользующійся незаслуженнымъ знакомъ опличія. Но все это однакожъ не опношится къ нынѣшнему дѣлу. Должно признашья, что въ общей массѣ спремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаешъ впередъ нежели назадъ и даже

*

въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе спали разсмащивашь предметъ свой, сильнѣе напрягали умственныя способности. И еслии вѣрный эффектъ оказывался большею частію только въ мелкомъ, то этому виною безлюдіе крупныхъ гениевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, кошорымъ обыкновенное приписываютъ. При этомъ стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія частіи чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своєю очевидностію сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Непомню кто-то сказалъ, что въ 19 вѣкѣ невозможно появленіе гениа всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь 19 вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и опзывается какимъ-то малодушіемъ. Напрошивъ: никогда полетъ гениа не будетъ такъ яркъ какъ въ нынѣшнія времена. Никогда небыли для него такъ хорошо приготовлены матеріалы какъ въ 19 вѣкѣ. И его шаги уже вѣрно будутъ исполнски и видимы всѣми ошъ мала до велика.

Карпина Брюлова можетъ назваться полнымъ, всемірнымъ созданиемъ. Въ ней

все заключилось. По крайней мѣрѣ она захватила въ область свою столько разнообразнаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще какъ бы самъ чувствуя свое спрашное раздробленіе, стремится совокуплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильныя кризисы чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ копорымъ принадлежатъ: Видѣніе Валпазара, Разрушеніе Ниневіи и нѣсколько другихъ, гдѣ въ спрашномъ величій представлены великія кашаспрофы, копорыя соспавляютъ совершенство освѣщенія; гдѣ молнія въ грозномъ величій озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе эпихъ карпинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства. Но въ нихъ вообще только одна идея эпихой мысли. Они похожи на опдаленныя виды; въ нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только спрашное положеніе всей полпы, но невидимъ человека, въ лицѣ копорого былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, копорая видѣлась намъ въ шакой опдаленной

перспективъ, Брюлловъ вдругъ поставилъ передъ самими нашими глазами. Эша мысль у него разрослась огромно и какъ будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ попятіемъ на свою картину. Молнія у него залила и попомила все, какъ будто бы съ пѣмъ, чтобы все выказашъ, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителья. Отъ того на всемъ у него разлила необыкновенная яркость. Фигуры онъ кинулъ сильно такую рукою, какою мечеть только могущественный геній: Эша вся группа остановившаяся въ минузу удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ, эшотъ гордый атлетъ издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія закрывшійся плащемъ отъ летящаго вихря каменьева, эша грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являющуюся въ такой красотѣ руку, эшотъ ребенокъ вонзившій въ зрителья взоръ свой, эшотъ несомый дѣшми старикъ, въ спрашномъ пѣмъ котораго дышетъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воз-

духъ съ распротертыми пальцами, машъ уже не желающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, кошораго просьбы кажутся слышишь зритель, полпа съ ужасомъ опсшупающая опъ спроенй и со спрахомъ съ дикимъ забвеніемъ спраха взирающая на спрашное явленіе наконецъ знаменующее конецъ міра, жрецъ въ бѣломъ саванѣ съ безнадежною яростью мечущій взглядъ свой на весь міръ, — все эшо у него шакъ мощно, шакъ смѣло, шакъ гармонически сведено въ одно, какъ шолько могло эшо возникнушь въ головѣ генія всеобщаго.

Я неспану изъясняшь содержанія карпинны и приводишь полкованія и поясненія на изображенныя событія. Для эшаго у всякаго есть глазъ и мѣрило чувшва; припомъ же эшо слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни челоуѣка и шой природы, кошорую онъ видишь и понимаешъ, потомушо они доступны вѣсмъ опъ мала до велика; я замѣчу шолько шѣ достоиншва, шѣ рѣзкія опличія, кошорыя имѣешъ въ себѣ спиль Брюлова, шѣмъ болѣе чшо эши замѣчанія вѣрояшно сдѣлали немногіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у кошораго шласшика доспигла верховнаго совершеншва.

Его фигуры несмотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія не вмѣщаютъ въ себя того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе, какимъ дышутъ суровыя созданія Микеля-Анжела. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непоспѣжимыхъ и понкихъ чувствъ, копорыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасъ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красою. У него не такъ какъ у Микеля-Анжела, у котораго шло только служило для того, чтобы показать одну силу душевнаго спрданія, ея вопль, ея грозныя явленія, у котораго пластика погибала, контура чело-вѣка пріобрѣтала испоинскій размѣръ, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у котораго являлся не человекъ но только его спраспи. Напрощивъ того, у Брюлова являлся человекъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Спраспи, чувства, вѣрныя, огненныя выражающіяся на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ такомъ прекрасномъ человекѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ прспій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось

что скульптура, которая была поспигнуша въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла наконецъ въ живопись, и сверхъ того проникнула какой-то пайной музыкой. Его чловѣкъ исполненъ прекрасно-гордыхъ движеній, женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля, съ спонкими незамѣпными, ангельскими чершами, она женщина спраспная, сверкающая, южная, Ишаліанская во всей красѣ полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всею роскошью спраспи, всѣмъ могуществомъ красопы, прекрасная какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красопою, гдѣ бы чловѣкъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышутъ мощнымъ размѣромъ и въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красопу. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ жители пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Отъ того вся картина упруга и роскошна.

Вообще во всей картинѣ выказывается ошущствіе идеальности, п. е. идеальности ошвлеченной и въ эпомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явится идеальность,

явись перевѣсъ мысли и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и спрашнаго пренебра не наполнило бы души зритель и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истинны, ушла бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть спрашна, напрошивъ въ этой минутѣ, есть что-то поэтическое, спремѣющее вихремъ душевное наслажденіе, намъ жалка наша милая чувствительность; намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ достигнулъ во всей силѣ эту мысль. Онъ представилъ человека какъ можно прекраснѣе; его женщина дышетъ вѣемъ что есть лучшаго въ мѣрѣ. Ея глаза свѣтлыя какъ звѣзды, ея дышащая нѣгою и силою грудь общающъ роскошь блаженства. И эта прекрасная, эстетъ вѣнецъ шворенія, идеаль земли, должна погибнуть въ общей гибели наряду съ послѣднимъ презрѣннымъ швореніемъ, которое недостойно было и ползаетъ у ногъ ея. Слезы, испугъ, рыданіе все въ ней прекрасно.

Видимое ошличіе, или манера Брюлова уже представляешь поже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ

его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ. Тѣни его рѣзки, сильны, но въ общей массѣ понушъ и исчезающъ въ свѣтъ. Они у него также какъ въ природѣ — незамѣшны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклосшь прекраснаго шѣла у него какъ будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ обливая его сіяніемъ, вмѣшвъ проникаешъ его. Свѣтъ у него шакъ нѣженъ, что кажется фосфорическимъ. Самая шѣнь кажется у него какъ будто прозрачною и при всей крѣпосши дышетъ какою-шо чисною понкою нѣжносшію и поэзіей.

Его кисть оспаешся на вѣки въ памяти. Я прежде видѣлъ одну шолько его картину: семейство Вишгенштейна. Она съ перваго раза, вдругъ врѣзалась въ мое воображеніе и оспалась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ. Когда я шель смопрѣшь картину: Разрушеніе Помпей, у меня прежняя вовсе вышла изъ головы. Я приближался вмѣшвъ съ полною къ шой комнашъ, гдѣ она спояла и на минушу, какъ всегда бываешъ въ подобныхъ случаяхъ, я позабылъ вовсе о шомъ что иду смопрѣшь картину Брюлова, я даже позабылъ о шомъ ешъли на свѣшъ Брю-

ловъ. Но когда я взглянулъ на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ какъ молнія пролетѣло слово: Брюловъ! я узналъ его. Кисть его вмѣщаетъ въ себя шу поэзію, копорую чувству наши всегда знаютъ и видятъ даже опличительныя признаки, но слова ихъ никогда не раскажутъ. Колоритъ его такъ яркъ, какимъ никогда почти не являлся прежде, его краски горятъ и мечутся въ глаза. Они были бы нестерпимы еспли бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него они облечены въ шу гармонию и дышатъ шюю внутреннею музыкаю, копорой исполнены живые предметы природы.

Но главный признакъ и что выше всего въ Брюловѣ такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силился обхватить весь предметъ и на всѣхъ разлилъ могучую печать своего шаланша. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ весь шаланшъ свой, развивавшійся

опъ шого въ необыкновенномъ и какомъ-шо опвлеченномъ величїи. Рафаэль обыкновенно нисалъ однѣ полько лица, одно развипіе на нихъ небесныхъ спраспей и помышленїй, все прочее, даже одежду бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другїе великіе художники, наспроенные высокостью религіозною, или высокостью спраспей, небрегли объ окружающемъ и впороспепенномъ въ ихъ каршинахъ. У нихъ небо являешся всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна, или на гранишныя массы; дерево или дѣшски-однообразно своею правильностью, или не гармонически - безобразно своею неправильностью. Но у Брюллова напрошивъ всѣ предметы опъ великихъ до малыхъ для него драгоценны. Онъ силился схватишь природу исполинскими объяшїями и сжимаешъ ее съ спраспью любовника. Можешъ бышь въ эпомъ ему помогла много раздробленная разрабочка въ часяхъ, кошорую пригошвилъ для него 19 вѣкъ. Можешъ бышь Брюловъ явившїсь прежде не получилъ бы шого разноспороннаго и вмѣспъ полнаго и колосальнаго спремленїя. Опъ шого-шо его произведенїя можешъ бышь первыя, кошорыя живоспью, чиспымъ зеркаломъ природы, до-

ступны всякому. Его произведенія первыя, копорыхъ могутъ пониматъ (хотя неодинаково) и художникъ имѣющій высшее развитіе вкуса, и незнающій что такое искусство. Онъ первыя копорымъ сужденъ завидный удѣлъ пользовапья всемірною славою и высшею спененію ихъ есть до сихъ поръ: *Послѣдній день Помпеи*, копорую по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего, можно сравнишь развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе проинственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834. Августа.

И Д В Ш Ш Ш К Ъ.

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

=

(Отрывокъ изъ Историческаго романа.)

=

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, шишина маленькаго городка Лукомья была смущена опрядомъ рейсшровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяць, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь непрерывно обспунавшія его пучи, на мгновение

освѣщаль дно провала, въ которомъ лѣпил-
ся эшопъ небольшой городокъ. Къ удивле-
нію немногихъ жишелей, успѣвшихъ про-
снупься, опрядъ, копораго одно уже по-
явленіе служило предвѣспіемъ буйства и
грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасаю-
щею тишиною. Замѣтно было, что всю силу
напряженнаго вниманія его оспанавливалъ
пащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ
спранномъ нарядѣ, какой когда-либо нала-
гало насиліе на чловѣка: Онъ былъ весь съ
ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно
для сообщенія неподвижности его шѣлу.
Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спи-
нѣ его. Конь едва спупалъ подъ нимъ. Не-
щасный плѣнникъ давно бы свалился, если
бы толстый канашъ не прирасшилъ его къ
сѣдлу. Освѣщивъ бы мѣсячному лучу хоть
на минушу его лицо — и онъ бы вѣрно бле-
снулъ въ капляхъ кроваваго поща кашивша-
гося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ ви-
дѣть его лица, пошому, что оно было за-
ковано въ желъзную рѣшешку. Любопыт-
ные жишели съ разинушыми рѣшами, иногда
рѣшались подшупить поближе, но увидя
угрожающій кулакъ, или саблю одного изъ
проводашыхъ, пашились и бѣжали въ свои

щедушные домики, закушываясь по крѣпче въ наброшенные на плеча Татарскіе шулупы и продрагивая огнь свѣжести ночнаго воздуха.

Оспрядъ минуль городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это спроеіе, сосшавленное изъ двухъ, совершенно прошивуположныхъ, частей, спояло почши въ концъ города на косогоръ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ шрецинь; обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрывая крапивою, хмѣлемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣшопись спраны, шерпѣвшей кровавья жашвы. Верхъ церкви съ шѣми изгибисшыми деревянными пяшью куполами, кошорые установила испорченная архитешкшура Визаншійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражащелей, былъ весь деревянной. Новья доски, желшѣвшія между почернѣлыми старыми, придавали ей песпропу и показывали, что еще не такъ давно она была подчинена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудравыл яблони, укывавшія въшвами въ своей гушѣ

часъ зданія, упалъ на низкіе двери и на выдавшійся надъ ними вырубреннѣй, покрытый небольшими своевольно выросшими жолтыми цвѣтами, копорые на погъ разъ блеснули и казались огнями, или золопою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ шолпы съ неизмѣримыми, когда либо виданными усами, длиннѣе даже локшей рукъ его, копораго по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признашь можно было начальникомъ опряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монашпырскія спѣны ошозвались и казалось испустили умирающій голосъ, уныло пошерявшійся въ воздухъ. Послѣ сего молчаніе снова заснуило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчїяхъ посышалась изъ подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника опряда. «Теремше ше, поповшво прокляшое! А шо я знаю чемъ васъ разбудишь!» Раздался исполтнннй выспрълъ, пуля пробилла вороша и шлепнулась въ церковное окно, спекла копораго съ дребезгомъ носышались во внушрѣносшь церкви. Эшо произвело смяшеніе въ кельяхъ, копорые примыкали къ церквѣ; показались огни; связка ключей загремѣла; вороша со скрыпомъ ошворились, — и чешыре монаха

предшеспвуемые игуменомъ, предспали блѣдныя съ крестами въ рукахъ.

«Изыдите нечиспые! кромъшники!» произнесъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ наспояшель. «Воимя Отца, и Сына, и Святаго Духа, изыди Діаволь!»

«Але по еще и брешешъ, поганый» «прогремъль начальникъ языкомъ, кошпорому ни одинъ человекъ не могъ бы дашь имени: изъ шакихъ разнородныхъ сшихій былъ онъ соспавленъ.» То брешешъ, лайдакъ! же говоришь, что мы дьяволы, а по мы не дьяволы, мы коронныя.»

«Что вы за люди? я не знаю васъ! за чѣмъ вы пришли смущашъ православную церковь?»

«Я шебъ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи опъ монаспырскихъ погребовъ.»

«На что вамъ ключи опъ нашихъ погребовъ!»

«Я, глупой попъ, не буду съ побой говорить. А если вы хочешъ, басамазенияпа, поговори зъ моимъ конемъ!»

«Принеси имъ анспихриспамъ ключи, брашь Касьянъ!» проспоналъ наспояшель оборопившись къ одному монаху. «Только у меня

нѣшъ вина! Какъ Богъ свяшъ, нѣшъ! ни одной бочки, ни боченка и ничего шакого, чшобы вамъ было нужно.»

«А мнѣ какое дѣло! ребяша хотяшъ пишь. Я шебъ говорю, если шы, глупой пошъ, сѣна, спойла и пшеницы не дашъ лошадямъ, шо я ихъ въ кошель вашъ поспавлю и шебя сапогомъ до морды.»

Наспояшель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые казалось давно уже не принадлежали миру сему, пошому, чшо не выражали никакой спраспи, и вспрѣшилъ съ злобно успремившимся на него глазами Іезуиша. Онъ опворошилъ опъ него и оспановилъ ихъ на спранномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видѣ эшопъ казалось поразилъ почши безчувспеннаго ко всему, кромѣ церкви спарца.

«За чшо вы схвашили эшаго человекъ? Господи, накажи ихъ шрехъипоспасною сялю своею! Вѣрно опяшъ какой нибудь мученикъ за вѣру Хришпову!

Плѣнникъ испушилъ шолько слабое спенаніе.

Ключи были принесены,—и при свѣшъ сонно-горѣвшей свѣшильни вся эша вашага

подошла до входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій опрядомъ и непостоянный огонь свѣшляни, окруженный шуманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лице ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ шѣнь огнь безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Одиъ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно пронухы свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и заснуло въ этой душѣ, что жизнь и смерть—приньправа; что величайшее наслажденіе — пабакъ и водка; что блаженство шамъ, гдѣ все дребезжитъ и валяется огнь ньяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: Родомъ Сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ Венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣскольکو поязыку Полякъ, по жадности къ золоту Жидъ, по распочительности его Козакъ, по желѣзному рав-

нодушію дьяволь. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда червонной земляной полъ, часть ошъ часу уходившій глубже внизъ, заставляя его оспупашся. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ спѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единспвенными убѣжищами въ шой землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по спешамъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никшо не спроилъ крѣпкихъ спроеній и замковъ, зная, какъ не прочно ихъ сущесшвованіе. Наконецъ, показалаь деревянная заросшая мхомъ, зацвѣвшая гнилью, дверь, закиданная шяжелыми бревнами и камнями. Предъ ней оспановилъ онъ и оглянулъ ее значительснizu до верху. «А ну!» сказалъ онъ мигнувши бровью на дверь, и ошъ его волосисшой брови, казалось, пахнулъ въшеръ. Нѣсколькo чelовѣкъ принялись и не безъ шруда ошваливали бревна. Дверь ошворилась. Боже, какое ужасное обипалище ошкрылось глазамъ! Присудспвовавшіе взглянули безомовно другъ на друга, прежде, нежели осмѣлились войши шуда. Естъ что-шо мо-

гильно-спрашное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцвпенѣломъ величіи смершь, распусшившая свои косписныя члены подъ всѣми цвѣшущими весями и городами, подъ всѣмъ веселѣющимъ, живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смершью внутренность земли населена еще живущими, пѣми адскими гномами, копорыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запасъ гнили пахнулъ шакъ сильно, чпо сначала заняло у всѣхъ духъ. Почши исполинскаго роспа жаба обшпановилась неподвижно выпучивъ свои спрашныя глаза на нарушишелей ея уединенія. Это была чешырехъугольная, безъ всякаго другаго выхода пещера. Цѣлыя лоскушья паушины висѣли шемными клоками съ землянаго свода, служившаго пополкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ шорчали чѣловѣческія коспи; лепавшія молніями ящерицы быспро мелькали по нимъ. Сова или лешучая мышь, были бы здѣсь красавицами.

«А чѣмъ не свѣшлица? Свѣшлица хорошая!» проревѣлъ предводишель. «Алѣ шѣбъ, псякхъ, шущъ добре будешъ спашь. Самъ

ложись на ковалки, а подь голову подмосни шу жабу, али возми за женку на ночь!»

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣялся на это, — но смѣхъ его такъ спрашно-беззвучно опдался подь сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плънникъ который стоялъ до того неподвижно былъ сполкнууть на середину и слышалъ только какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо засшучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Нещасный вздрогнулъ. Ему казалось что крышка гроба захопнула надь нимъ, и спукъ бревенъ завалившихъ входъ его, показался спукомъ засшупа, когда спрашная земля валипся на послѣднй признакъ существованія чловѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ.» Послѣ перваго ужаса, онъ предася какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается чловѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собираешся съ духомъ подумашь о немъ, но вмѣсто того усшремляетъ глаза на какую нибудь бѣздылицу и разсмашри-

ваешь ее. Тогда онъ принадлежишь къ другому міру и ничего не раздѣляешь чело-вѣческаго. Видишь безъ мыслей; чувствую-ешь, не чувствую; спрранно живешь. Преж-де всего вниманіе его впилося въ шемношу. Все было на время забышо, и ужась ея и мысль о погребеніи живаго. Онъ всѣми чувстввами вселился въ шемношу. И погда предъ нимъ развернулся совершенно новыи, спранный міръ: ему начали показываться во мракъ свѣшлыя спруи,—послѣднее воспо-минаніе свѣша! Эши спрун принимали мно-жество разныхъ узоровъ и цвѣшовъ. Совер-шеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда какъ ни зажмурь его, рисуешь и пред-спавляешь цвѣшы которые видѣшь. Эши разноцвѣшныѣ узоры принимали или видѣ песпрой шали, или волниспаго мрамора, или, наконецъ, шощъ видѣ, кошо-рый поражаетъ насъ своею чудною не-обыкновенностью, когда размашриваемъ въ микроскопъ часпъ крышшка, или ножки насъкомаго. Иногда спройный пе-реплешъ окна, котораго, увы! не бы-ло въ его шемницѣ, — проносился передъ нимъ. Лазурь фаншаспически мелькала въ чорной его рамѣ, шощомъ измѣнялась въ ко-

фейную, попомъ исчезала совсѣмъ и обра- щалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣща крапинами. Скоро весь эпомъ мѣръ началъ исчезать: плѣнникъ чувспвовалъ что-шо другое. Сначала чувспвованіе это было безопчешное; попомъ начало пріобрѣщать опре- дѣлительность. Онъ слышилъ на рукъ сво- ей что-шо холодное; пальцы его невольнo допронулись къ чему шо склизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!... Онъ вскри- кнулъ и разомъ переселился въ мѣръ дѣй- ствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ сущешвенности. Къ шому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужас- ный спершый воздухъ: все это повергло его въ продолжительной обморокъ.

Между шѣмъ, ошрядъ коронныхъ войскъ размѣспился въ монастырскихъ кельяхъ какъ дома, высмалъ монаховъ подчищашъ конюш- ни и пировалъ радуясь что наконецъ схва- шилъ шого, кшо былъ имъ нуженъ.

ДВИЖЕНІЕ НАРОДОВЪ

. ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

0

ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ

ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

=

Великое странствіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было можетъ быть современно основанію Рима если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающіеся Государства, видѣло первыя шаги возникающей

порговли, и развивался духъ народовъ со-
спавившихъ цвѣтъ древняго міра,—во глуби-
нѣ Азіи скрывался другой невѣдомый міръ,
копорому опредѣлено было уничтожить,
убить все древнее величіе, древній духъ,
древнія формы прежняго и замѣспить
его всѣмъ новымъ. Средняя Азія со-
вершенно прошивуположна Южной, Юго-
западной, Африканскимъ и Евроцейскимъ
берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣшу-
щее разнообразіе природы, почвы, произ-
веденій, смѣсь земли и моря, куча безчислен-
ныхъ острововъ, мысовъ, заливовъ, казалось
были созданы нарочно для того чтобы бы-
стро развили дѣятельность и умъ человѣ-
ка. Природа средней Азіи совершенно дру-
гаго рода: она однообразна и неизмѣ-
рима. Спеси ея безбрежны, какъ-то огромно
ровны, какъ будто похожи на пустынный
Океанъ, нигдѣ не оспанавливаемый остро-
вомъ. Неподвижные озера безпредѣльныхъ
равнинъ не могли возбудишь никакой дѣя-
тельности. Казалось сама природа опредѣ-
дила эту землю народамъ пастушескимъ
чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о перво-
бытной жизни первоначальныхъ людей. Не-
измѣримость равнинъ не могла внушить

человѣку ни какой идеи о поспоянномъ жилищѣ, кошорая обыкновенно возраждается у него при видѣ ушесистой горы, берега, моря, оспрова, и вообще гдѣ полько есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима шамъ и человѣкъ безпечень: онъ забоишся полько о слишкомъ нужномъ. Папріархальные обипашели спешей пипались полько молокомъ, сыромъ доспавляемыми ихъ полудикими живопными и рѣдко пипались мясомъ. Опъ шого спада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ; владѣльцы ихъ чаще должны были переходишь съ мѣспа на мѣспо; спешей пребовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и шѣ земли, копорыя ужасають до нынѣ своею неизмѣримостью, земли бывшіе вдвое болѣе шогдашняго образованнаго міра, земли, съ копорыми бы земледѣльцы всего свѣспа не знали чпо дѣлашь — эши земли сдѣлались шѣсными. Сильѣйшіе власпипели должны были выпѣспнишь слабѣйшихъ. Народы паспушескіе неимѣя неподвижной собспвенности укрѣпленной давностию владѣнія легко уступаютъ первому напору и уходяшь съ своими спадами далѣе. И шакимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержу-

щимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя полны и спада, копорые въ свою очередь сгоняли съ мѣспъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и попянулись въ Европу. Народы можно сказаць не шли впередъ, а машинально спалкивали другихъ съ мѣспъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники дѣйствовавшіе только опъ страха наказанія. Цѣпь народовъ опъ Воспока и Съверо-воспока пропянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому Югу. На Югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власпъ Римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между шѣмъ Азія продолжала извергать новыя полны. Толчокъ опъ cadaго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи: новыя шѣснили прежнихъ, предыдущіе послѣдующихъ. Спремленіе народовъ спановилось сильно, но за то и ошпоръ со спороны Римлянъ былъ очень силенъ и пошому то на границахъ Римской Имперіи накопилось такое множесство народовъ. Послѣ cadaго новаго изверженія это накопленіе спановилось сильнѣе и Римлянамъ шруднѣе было сопротивляшься имъ. Наконецъ Римляне успутили—и пог-

да орды спремишсльнѣе хлынули на Югъ Европы. Не имѣй Европа Южною границею своею Средиземнаго моря, или имѣй эши толпы народовъ какое нибудь поняшіе о мореплаваніи, эшо переселеніе долго бы не оспановилось, пошому чшо Азія непереспавала извергашъ новыя толпы, народы перешли бы въ Африку, Европа еще бы нѣсколькотьшъ не успоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государшва составились бы гораздо позже и вообще весь ходъ образованія оподвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но какъ шолько народы овладѣвшіе Югомъ Европы увидѣли позади себя море и невозможность ишши далѣе, шо рѣшились всѣми силами сопротивляшьяся нападавшимъ на нихъ непріятелямъ. Сіи послѣдніе встрѣшивши неожиданный оппоръ рѣшились опразить и своихъ непріятелей, копорые съ своей спороны упошребили шоже съ своими и шакимъ образомъ толчекъ получилъ обратное направленіе и движеніе вдругъ оспановилось. Слѣдствіе эшаго почувшвовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкопорые пасшумескіе народы принуждены были заняшья земледѣлемъ.

Эшо переселеніе совершилось бы гораздо

быспрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ опкрытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней напрошивъ того природа на небольшомъ пространствѣ показала спрашную нерегулярность и разнообразіе: Со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ее всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, средина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности: она идетъ по вверхъ по внизъ, по подымается безобразными высокими горами, по опускается долинами какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята топкими болотами. И пошому движеніе народовъ чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продирашся сквозь лѣса, перелѣзая черезъ горы и обходя болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другаго лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападений. И когда новое наводненіе полпы слишкомъ многочисленной, водимой предприимчивымъ повелителемъ освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигаая

вѣковыя лѣса ея, и лѣса исчезали, — тогда изумленнымъ глазамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованіа они даже и неподозрѣвали и которыи нравами своими, хотя уже опдалившимися, все еще сходствовалъ съ ними. Вся Европа состояла можно сказать изъ клочковъ и опривковъ оппорженныхъ другъ опъ друга самою природою, опъ того покореніе ее и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и опъ того произошли ея безчисленныя націи, которыя безъ всякаго сомнѣнія слились бы и изгладились, если бы она состояла изъ опкрытыхъ равнинъ. Это былъ новый невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали, и которыи можно сказать самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей Германскихъ племенъ проспиравшихся по всему Западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная и вся середина Европы, до Балпійскаго моря были заняты ими. Сосполніе ихъ во время перваго знакомства съ ними Римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ и что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности.

Но что оно изшело изъ Азіи, шому дока-
зательствомъ служилъ спранный сходство
нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка Гер-
манскаго съ Персидскимъ (*). Выбросила ли
Азія въ первоначальной древности за однимъ
разомъ племена на Югъ, образовавшіяся сре-
ди горъ въ народъ Персидскій и на Сѣверъ
превратившіяся въ лѣсахъ Европы въ Гер-
манцевъ, или позже шяжелое вліяніе Пар-
фіянь, ринувшихъ изъ середины Азіи, при-
несло въ языкъ Персидскій множество словъ
раздававшихся дошолъ въ неизмѣримыхъ
снѣгахъ ея и распроспранившихся уже
и въ Европъ (**). Какъ бы шо нибыло, но
первоначальное происхожденіе Германцевъ
было изъ Азіи и переселеніе ихъ соверши-
лось въ опдаленные времена.

Эши народы представляли совершенно про-
тивоположный и вовсе опличный міръ опъ
Римскаго. Физическая и духовная ихъ при-
рода носила рѣзкій оппечапокъ самобышно-
сти и особенности. Ихъ организація физи-
ческа совершенно спорила съ организаціей
народовъ древняго міра: черные блестящіе
глаза, темные волосы, выразишельныя, юж-

(*) Шлегель.

(**) Миллеръ.

ныя черпы лица, казалось, дышавшія пошребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій — общей физиогноміей уже ошпановившагося древняго міра, встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣшловолосые, рослые, крѣпкіе съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, Германцы показали собою совершенно новую природу, кошорою означился новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ шемпераментъ, первообразныя спихіи характера разнились во всемъ отъ образованныхъ погдашнихъ народовъ. Религія Германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностью. Ихъ божество и предметъ поклоненія была Земля. Казалось, какъ будто мрачный видъ погдашней Европы внушилъ имъ идею эпои религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, рои пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность расптїя, приносившія имъ бѣдную пищу и величественные высокіе деревья шумѣвшіе надъ ними, они почитали ее зиждительницею всего. Отъ

ней производили они бога своего Туиспона или Тевпа, у копорого былъ сынъ Манъ, а опъ него различныя вѣпви Германскихъ народовъ, кошорыя по мнѣнію ихъ были древнѣйшими обиташелями міра. Повидяному такое поняшіе о религіи совершенно опдѣлешъ ихъ опъ Азіи, но мы должны вспомнишь, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человекомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ сосояніи онъ долженъ самъ исполнять ее законы: онъ рабъ ея. Въ средней Азіи небо все опкрыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое распъніе, ни какая опспоконечная, высокая, узкая скала не опспанавливаешъ взора; распилающаяся по необозримымъ проспранспвамъ шрава представляешъ ее еще низменнѣе. Солнце шамъ печешъ величественно обливая все своимъ свѣтомъ, звѣзды усыпающъ густо небесный небосклонъ и одни только могущъ ос-

шановишь челоѣка и препяшпвовашь со-
врашишься съ пуши. Опъ того во всей Азиі
царспвовало всегда поклоненіе солнцу и не-
беснымъ свѣшиламъ. Передвигаясь въ Евро-
пу народы рѣже видѣлись съ солнцемъ. Гу-
спной и величеспвенный мракъ Европейскихъ
лѣсовъ сильнѣе поражаѣ ихъ дикое вообра-
женіе. Туманы Сѣвера и болопныя испаре-
нія скрывали вовсе небо; самая необходи-
мость занимаешься иногда земледѣіемъ за-
сшавляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ.
И попому-шо у Германскихъ народовъ было
очень слабо поклоненіе свѣшиламъ; едва у
немногихъ сохранилась о немъ памяшь. Во
глубинѣ и глуши лѣсовъ непроницаемымъ
солнцемъ, они приносили свои жертвы Бо-
гинѣ — машери Герпѣ. Казалось мракъ счи-
шался у нихъ чемъ — шо священнымъ и по-
шому-шо ихъ религія уже въ самомъ началѣ
несходспвовала съ другими. Они вѣрили въ
безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны.
Они въ своемъ Валгалѣ видѣли продолженіе
воинспвенной ихъ жизни: шуда переселяли
они свои Германскіе дубы, пылающіе ко-
спры и громъ оружій. Небеса облекали въ
свинцовыя шучи и населяли темными шѣ-
нями своихъ великихъ, уже погибшихъ на

войнъ героевъ. Поклоненіе Герптъ разошлось между вѣтми почпи Германскими племенами. Къ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также шѣни умершихъ героевъ копорыхъ они представляли въ колосальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ поварищи кони, изъ копорыхъ бѣлые почитались по свидѣтельству Тациса священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за копорою шелъ Король, жрецы, и по хрптънію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобышній образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они шрепешали при звукѣ ея какъ, молодые исполненные опваги шигры. Думали о шомъ шолько чшобы помѣряться силами и повеселишься бипшвой. Ихъ мало занимала корысть; или добыча. Блеснушь бы шолько подвигомъ, чшобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ болхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счаспіе жизни. Его выбирали въ Предводипели; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ; на войнѣ полный распо-

рядишель добычи; ему даже чуждые опда-
ленные племена присылали конныя збруи;
ему родные и подвласные племена добро-
вольно приносили въ даръ произведенія по-
лей своихъ: плоды, скошь и лошади. Храб-
росшь казалась чъмъ-шо божескимъ, подъ
его знамена всъ стгышили наперерывъ и сра-
жались не для добычи, но чшобы показашь-
ся передъ нимъ и заслужишь его одобри-
шельное слово. Его имя долго поминалось
въ пѣсняхъ и по смерти его въ честь ему
совершались пиршества и долго племя имѣв-
шее его, превозносилось его подвигами передъ
другими; шѣнь его спановилась божеспвомъ
и служила предметомъ поклоненія. Такой
удѣлъ былъ завиденъ, пошому чшо жажда
безсмершя уже кипишь и въ неразвившем-
ся чловѣкъ. Всъ наперерывъ спремелись
прошумѣшь подвигами; бипвы были частны
и Германцы по первому призванію гошovy
были лешѣшь съ своими дикими силами.

Они сражались почти наги выказывая во
всей проспощѣ аплепическую свою силу.
Плащъ заспегнушый вмѣсто пряжки шер-
новымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечъ
— вошь ихъ убраншво. Они спроились
густо, кучами въ видѣ клина; дѣйшвовали

вблизи и вдали коропкими копьями, называемыми фремеями; львиная сила мышц их бросала их шакъ далеко, сколько нужно было чшобы достать непріятеля; одни щипы ихъ показывали роскошь испещренные яркими цвѣтами; полпа женъ, дѣшей слѣдовала за ними въ бишву; сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества: они немыслили предаться бѣгству при мысли о рабствѣ ожидающемъ ихъ женъ и дѣшей, усугубляли дикой напоръ свой и непріятели уступали. Ихъ жены шущъ же среди бишвы высасывали раны мужей своихъ, заливали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя вмѣсто того чшобы расширить ихъ связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щипъ было верхъ безчестія и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія убивалъ самъ себя. Предводитель силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами и войны съ изумительною покорностью исполняли его велѣнія. Предводъ на войнѣ они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались Гериманами.

(*) Тацшъ.

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народные собранія, спекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣнливо и медленно желая показати что дѣлають это по своей волѣ; нѣсколько дней пропекало пока мѣсть могло соспавишься нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказати наблюдать молчаніе; предсѣдательство вали спартійшины семействъ съдовластье (grawion) послѣ измѣнившіе это названіе въ Графовъ; говорили Князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были проспы но исполнены того сильнаго и сжапаго лаконизма, кошорымъ отличаетса безхипроспное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были проспы, прямодушны: ихъ преспуленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То что было безчестіе и низость духа называлось только преспуленіемъ: перемешчики, измѣнники были вѣшаны и предаваемы мучительной казни, за низкіе и безчестные поступки бросали въ

болого забрасывали шиною и фашиинникомъ, какъ бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена измѣнившая мужу была въ его власпи, онъ могъ опрѣзать ей волоса, лишить одѣянiя и обнаженную, покрытую спыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никшо не смѣлъ изъяслять сожалѣнiя несмошра на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, пошому что Германцы были дики и жеспки нравами и что у нихъ были шолько обычаи, кошорые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни, и предспавляли совершенную прошивуположность безпокойному бышю воинскому. Они были безчувспенно лѣнны и лежали въ своихъ хижинахъ непрогаясь съ мѣсна. Чѣмъ болѣе кшо почиталъ себя храбрымъ, шѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое заняшiе; поля обрабощывали спарики, безсильные, маломѣщные и рабы, кошорые пользовались совершенною свободою и плашили шолько небольшую подашь опъ полей своихъ. Всѣ домашнiя заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданаго; напрошивъ онъ дол-

женъ было самъ наканунъ свадьбы принесшь въ даръ быка въ ярмъ, вооруженную лошадь и конье, какъ-бы желая эпимъ дашь знашь, что она должна раздѣлишь всъ его заняшя.

Они одѣвались совершенно прошивуположно Римскому міру и всѣмъ народамъ Южнымъ, любилеямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ: они носили плашье узкое, кошорое совершенно обшивалось около ихъ шѣла; звѣринья кожи, носимья ими придавалъ имъ что-по дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ ихъ мало опличались опъ мужскихъ: у иныхъ плашье было льняное алое, дохидившее полько до пояса, шакъ что шея, грудь и руки были отккрышы. Дѣши были совершенно преданы своей волъ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скопомъ. Когда онъ доспигали совершеннаго возраста, тогда полько получали право носить оружіе и засѣдашь въ собраніяхъ. Госпепримство, свойешвенное почти всѣмъ дикарямъ и первобышнымъ нравамъ, было ихъ принадлежносшью. Госпя дарили подарками; немощій угоспить его опводилъ самъ къ другому.

Но болъе всего можно было видѣшь древ-

няго Германца въ его пиршествахъ, въ кошорыхъ проводили они напролешъ цѣлыя ночи, гдѣ зазженные дубы величественно освѣщали лѣса и хлѣбный напипокъ изъ ячменя, можешь бышь, прашуръ нынѣшняго пива, шакъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ эшихъ — по пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріянія. Тупъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, кошорые не всегда и не всѣмъ могли приппи въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были спремисельны, азаршны и какъ шолько были разбужены, попрысены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, шо уже не знали предѣловъ своему спремленію. Азаршность ихъ болѣе всего окавалась въ игрѣ, въ кошорую заигрывался дикій Германецъ до шого, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣшей, наконецъ самого себя и спановился рабомъ. — Соспоянніе неспершимѣе для него самой смерши! Эша азаршность можешь бышь служила основаніемъ шѣхъ дерзкихъ сильныхъ спрасшей, кошорыми исполнены Европейцы.

Таковы были народы Германскіе — грубыя спихіи изъ кошорыхъ образовалась новая

Европа. Они делились на безчисленные племена и какъ густыя Европейскіе лѣса устрѣвали Сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ начнемъ съ тѣхъ мѣстъ гдѣ древній міръ уже видѣлъ эпихъ первоначальныхъ земледѣльцевъ Новаго; п. е. опѣ рѣки Дуная, служившаго предѣломъ для Римлянъ. Тушъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ по: Германдуры, Нариски, Маркоманы и Квады. Попомъ великая цѣпь племенъ Германскихъ полпылась по Рейну опѣ устья и внизъ до впаденія его въ море: Вангіоны, Трибоки, Нѣмешы, Машіаки, Убій; за ними слѣдовали Тенкшеры, бывшіе первыми наездниками, коннорыхъ конница славилась и у Римлянъ, коннорыхъ все имущество были лошади и оставались въ наслѣство только храбрымъ, за ними Уэпешеры и у самаго впаденія Рейна въ море, сильные Башавы. Средняя Германія погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на воспокъ первые встрѣчались Хаты, предки нынѣшнихъ Гессенцовъ, жившіе при рѣкѣ Майнъ, гдѣ Германія со-

стоишь изъ частныхъ возвышенностей. Народъ, спрашившій своею пыхотою, регулярнымъ усройствомъ ея, осмонришельностию въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно поражали своею оригинальностію. Ни одинъ юноша не смѣлъ опрѣзашъ волосъ свои до шѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріателя; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякой Хашъ носилъ на рукъ своей желѣзное кольцо, что значалось бездешіемъ, попому что намечалось цѣпи; сбросишь его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріателя. На югъ онъ Хашовъ были Харуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали Фозы, Сигамбры, Брукшеры, Ангруарин, Хазуарин, наконецъ Аряне, опличившіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которые они производили въ глухія мрачныя ночи, и желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали шѣло, носили щипы покрытые черною краскою и въ видъ погребальной процессіи предсказывались изумленнымъ глазамъ непріателей, немогшихъ выносишь такого

зрѣлища. За ними на воспокъ въ проспрансвахъ нѣсколько болѣе ошкрѣпыхъ обмшали Свевы, состоявшіе изъ множесхва разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь паспущескую, не смопря на шо, что положеніе земли еще болошной, мало предсшавляло для ней удобсхва.

Вообще можно сказаць: чѣмъ ближе къ западу и юго-западу, шѣмъ болѣе было занимавшіеся земледѣліемъ, или по крайней мѣрѣ оно мѣшалось у. нихъ съ паспущескою жизнью; чѣмъ ближе къ воспоку, къ Вевгрии, Дакіи и Польшѣ, шѣмъ болѣе преобладала паспущеская жизнь, чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, шѣмъ мрачнѣе и сильнѣе сшавовились Германскіе племена. Но самыя опасныя, копорыхъ Римляне даже вовсе почти не знали и копорые были испинныя разрушители икъ владычесхва — эшо были всѣ населявшіе берега морей и Прибалтійскія земли. Сюда никогда не досягали Римляне. Здѣсь жили Ширапы, самыя предпримчивыя изъ Германцевъ, копорыхъ уже положеніе земли и моря зашавляло опваживахья на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ по Нѣмецкому морю жили Фризы и Хавки; за ними самыя сильныя.

Корсары Сѣвера: Саксы, въ Голштиніи и Ким-
вры, по Балтійскому морю: Готы, Варны,
Руги, Бургунды и въ Пруссіи Ломбарды,
Вандалы, Герулы. Кроме того въ среднѣхъ
Германіи находилось еще множество раз-
ныхъ оспродій, совершенно скрытыхъ боло-
тами и лѣсами, копорые во время часныхъ
битвъ между ея племенами были выгнѣся-
емы и видѣли необходимость избирать не
прислупные мѣста. Горы Альпъ и Карпа-
та заключали въ себѣ множество клочковъ
или останковъ разныхъ племенъ Гальскихъ,
Германскихъ и Венедскихъ, бандитствовав-
шихъ въ дикой Европѣ. Северовостокъ ея
совершенно бѣдностью почвы, уединені-
емъ и суровымъ простираниемъ не могъ
образовать и возрастить сильныхъ наро-
довъ. Въ развѣянныхъ, бездомныхъ без-
пріютныхъ его обитателяхъ Финнахъ и
отропкахъ народовъ Эстскихъ замирала
жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.
Вопгъ каковъ былъ шопъ опдѣльный мѣръ
дикой Европы! Вопгъ каковы были шѣ на-
роды, копорыхъ мощную силу прежде все-
го должны были испытать Римляне. И ес-
ли Всемирная Имперія не пала гораздо ранѣ,
шѣ причиною зпаго были: чрезвычайное раз-

дробленіе народовъ Германскихъ, положеніе Европы препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заспалявшая ихъ довольствовашься грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, шакъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, освадлость и любовь къ свободѣ, заспалявшая ихъ удаляясь во глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ Европейскихъ народовъ. И отъ того никакая изъ границъ Имперіи: ни Восточно-Азійская, ни Южно-Африканская не была шакъ защищена, какъ Сѣверо-Европейская. Сюда, можно сказать, спеклась вся сила ихъ. И должно признашьяся, что средства защиты при тогдашнемъ изнемогающемъ состояніи Имперіи были приняты самыя благоразумныя. Имперія отдавала опасныя границы своей свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые лучше всего могли защищать ихъ и были довольны въ началѣ немногимъ. Но къ чести народовъ Германскихъ нужно сказать, что одна шолько сильная необходимость заспаляла ихъ принимая эшошъ даръ Римлянъ. Эша зависимость казалась для нихъ рабствомъ и они спѣшили въ глубину лѣсовъ

своихъ скрышь шамъ свою свободу. Покушенія Римлянъ принуждали ихъ сославляшь сильныя между собою союзы, но эши союзы никогда не были нападашельны; цѣль ихъ была полько привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣщенный подъ именемъ союза Франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился благодаря благопріятному положенію земли и умножавшимся напискамъ со спороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена его сославившіе, заняли часть Веспфаліи и Гессена и шакъ шѣсно слились, что сославили наконецъ одну націю подъ именемъ Франковъ. Но эшотъ союзъ не былъ бы шакъ спрашенъ для Римлянъ и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйшвовали на нее поспороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восшочная часть Европы была очень спрашна своими равнинами. Эшо были широкіе вороша въ Западную Европу, большая дорога, черезъ копорую переходили попеременно разноцвѣшныя народы; лѣса были сдѣсь болѣе вызжены, нежели въ другихъ мѣсшахъ; болоша скорѣе высохли

и съ каждымъ спользіемъ она спановилась проспорнѣе и удобнѣе для переходовъ. Опкрыпныя мѣспа ея давали средспво народамъ и племенамъ соединяшсь въ большія массы, предспавляли удобность для кочующей жизни, которая даетъ средспва производспъ великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ поднаться съ легкихъ жилищъ, своихъ и произвеспи всею массою самое спрашное ни чѣмъ не опразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ Германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвеспи всеобщее движеніе. Эпошъ народъ былъ: Гошы (*), народъ, надъ копорымъ казалось шягошѣло какое-шо проклятіе, осудившее его на скишаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался, шо въ Скандинавіи на прошивуположныхъ берегахъ Балшійскаго моря, шо наконецъ на широкомъ воспокѣ Европы. По свидѣтельспву Испорика Юрнанда, онъ первоышнюю жизнь велъ въ Скандинавіи. Можешъ бышъ даже, что эпош былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перебравшисъ изъ снѣговой своей

(*) О Гопахъ : Прокофій, Юрнадъ, Гиббонъ.

опчизны онъ успремился на берегъ Пруссіи и произвелъ спрашный всемірный переворотъ выпѣсивъ опшуда Вандаловъ, Ломбардовъ, Геруловъ, Бургундовъ и Саксовъ, и прошивъ ихъ собспвенной воли заспавиль ихъ бышь одѣми изъ ревмоспныхъ дѣяпелей въ разрушеніи Западной Имперіи. Всеобщее поспрясеніе опущилось во всей Европѣ: Вся эпа цѣпь сильныхъ Прибалтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ Римскимъ, пошѣснила въ горы и болоша множеспво племень, сжала сильнѣе ихъ силу и Римляне должны были завеспм новое знакомспво: Герулы, Вандалы, Ломбарды уже спали появляшься въ войскахъ ихъ.

Между шѣмъ Гошпы прочиспивши передъ собою дорогу опчаспи разогнали, опчаспи покорили Придунайскихъ народовъ: Маркомановъ, Квадовъ; соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи, въ многочисленныя массы и съ приведенными подѣ власпъ свою народами успремались къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу шѣмъ удобнѣе была имѣ дорога и шѣмъ быспрве былъ ихъ пушь; наконецъ они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи выжгли берега Чернаго

моря. Халцедонъ, Эфесъ были обращены въ пепель; Аѳины были разграблены спрaшно, безжалосшно. Императоръ Децій видѣлъ опасность Восточныхъ границъ обширной своей Имперіи и между шѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ Вандалами, Свевами, Герулами, сдвинутыми съ мѣстъ Гошами, онъ самъ предводилъ войсками на воспокъ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Гошы съ великою добычею возвратились, заняли нынѣшнюю Россію, приобрѣли спракшапомъ ошъ Римлянъ всю Дакію и остались сдѣсь владычествуя надъ Придунайскими народами и спревожа присущивіемъ своимъ безопасную Имперію. Тогда Всемирные Императоры, узнавшіе несчастнымъ опышомъ дикое мужество Гошовъ, составили планъ принимашъ ихъ въ свои войска и выдавашъ жалованье эшимъ неодолимымъ дикарямъ. Симъ приобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ шѣмъ приобрѣли и сильныхъ непріятелей, пошому что открыли имъ шайну благоуспроенной шакшики, кошорая еще болѣе могла придашъ имъ перевѣса. Но впрочемъ шакшика Гошовъ џ безъ шого была неодолима. Она соединяла въ себѣ вмѣстѣ и шакшику наро-

ровъ легкиѣ и кочующихъ и шакшипу неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ попухающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды не возможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали, также какъ и другія Германскіе племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашались имена древнихъ героев Фридигера, Видигана, Эшесбамера и другихъ. Власъ религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, копорый былъ вмѣстѣ и царь, и предводитишель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ зависѣлъ ошъ совѣша храбрыхъ.

У Готтовъ съ незапамятныхъ временъ шинулось царшвенное поклѣннє Бальшовъ, изъ копорыхъ только однихъ можно было избирать Царей. Поклонялись Водану бывшему въ ошдаленные вѣки ихъ предводитишелемъ вмѣстѣ съ Оденемъ, эшимъ сѣвернымъ Улисомъ (*). Изъ всѣхъ народовъ Германскихъ Готы болѣе другихъ способны были принять цивилиза-

(*) Шлегель.

цію. До середины четвертаго вѣка власнѣ Гоповѣ признавалась болѣе, или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на воспокъ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германриха было уважаемо опѣ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество Гоповѣ было смущено великимъ Азіяшскимъ нашествіемъ Гунновъ.

Гунны или Гюнгну по свидѣтельству Дегине, были племена сильныя, занимавшіе великія степи Ташаріи, Манжуріи, пошряшіе Кипай, но неумѣвшіе прошивишся Кипайской лукавой полишикѣ и обратившишся въ послѣдствіи въ данниковъ Кипайскихъ Монарховъ. Однакоже многочисленная часпъ поднялась съ своими кибишками и шабунами направляя на западѣ, заняла Закаспійскія земли и скрылась шакимъ образомъ изъ виду Кипая. Поселеніе ихъ на берегахъ Каспійскихъ Ишоріи Римскіе относятъ ко времени Доминиціана. Немѣшаешь при эшомъ замѣшишъ что образованный шогдашній Римско-Греческій міръ ничего незналъ даже о шомъ, существоешь ли на свѣшѣ эшощъ народъ до времени Императора Валенса, ш. е. до шого времени, когда увидѣли вдругъ извергавшишя изъ горъ Азіи шолпы Гун-

новъ и съ ними Аваровъ, Гуниуюровъ, Ульзингуровъ и другихъ народовъ, кошорыхъ имена дико звучали для ушонченнаго и вмѣшъ испорченнаго слуха Римлянъ - Грековъ. Набвгъ эшихъ обитателей Азіи; разрушительной, неопразимый, обычай ихъ есая сырое мясо, пишь изъ непріятельскихъ череповъ и приносишь на окровавленномъ коспрѣ въ жершву швнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плвнниковъ, самыя ихъ Калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робоспъ однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ, ихъ приземистый ростъ, весь соспоявшій изъ однихъ мускуль, привели въ шакой ужасъ Азіяпско - Римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ опгъ челоувчскаго племени. Они думали что маги и волшебники неизмѣримыхъ Каспійскихъ пуспшь вошли въ нечиспное сношеніе съ дьяволами и опгъ эшаго союза произошли Гунны.

Гунны, по какому-шо спранному инспинкшу, или можепъ бышь испугавшись слпшкомъ неспрой поверхности Римской Азіи, устьянной садами и городами, кошорыхъ всегда убвгаюпъ кочевые народы, считающіе ихъ шемницами, или не находя вольныхъ

пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ немнчисляемыхъ стадъ, какъ бы по нибллю только они двинулись вѣспо того чшобы на югъ, на сѣверо-западъ; зацѣпили пушемъ своимъ Кавказа, сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ Кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эша кочевая полпа высышала въ Европу. Великій аванпостъ Европы заняпъ былъ, какъ мы уже видѣли, владычеспвомъ Гошовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея спражами и наполняли ея обширныя вороша, къ несчаспю слишкомъ обширныя для шакой небольшой часпи свѣша какова Европа. И Гошы, пѣ Гошы, кошорые считались непобѣдимымъ ея ошломъ и силою, уснупили передъ ними. Эшо шакъ и долженствовало бышь. Тайна Азіяпскаго многочисленнаго набѣга была совершенно неизвѣспна Гошамъ. Если бы они знали чшо Азіяпское нападеніе болѣе всего спрашно силою перваго порыва, чшо умѣніе долѣ прошивушашъ ему и продлпшь бпшву одни шолько могутъ выиграшь, если бы Гошны знали эшо, шо Гунны убрались бы снова за Кавказъ и Европа не почувствоввала бы сильнаго потрясенія измѣнившаго снова

ей видѣ. Но эша шайна не была постигнуша Гопнами. Впрочемъ надобно сказать и то, что нужно было имѣть не человеческую храбрость и крепость духа, чтобы выдержать первый напоръ Гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ; многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ будто бы была сброшена съ крупаго утеса и не въ соспояніи была сама удержаться бѣга, узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ ихъ глазъ былъ такъ быспрѣ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали сколько измѣненій ходу бѣгвы, такъ быспро могли разсыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собрались въ кучи; такъ мѣшко высылашь лепящій лѣвъ спрѣль, даже убѣгая такъ ловко, они умѣли опспрѣливаться и все эшо сопровождали такимъ дикимъ оглушительнымъ крикомъ, что врядъ ли могъ сыскапсья предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы и голова незакружилась въ бѣгвѣ съ ними.

Погнавши Гоповъ, Гунны заняли нынѣшній Польской Западъ Россіи да Сѣверныя и Дунайскія земли — и географія Евро-

пы изменилась снова. Занявши такое огромное пространство Гунны необходимо должны были произвести сильное поспрашение и всеобщую перемѣну мѣспѣ. Сдвинувшыя Готы хотя съ спрудомъ, но подались на Западъ и Югъ; Вандалы и Спевы, съ копорыми Римляне, или лучше сказашъ Римскіе Германцы мѣрлись уже на самыхъ границахъ своими силами ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испаніи ко всеобщему изумленію сполкнулись народы совершенно съ прошивуположныхъ спранъ свѣпа: Спевы съ береговъ Балтики и сѣвжной Скандинавіи и Алане, оппорванные Гуннскимъ порывомъ съ подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли шабуны въ спеченіи цѣлыхъ пшидесяти лѣспъ непроизводя дальнихъ завоеваній, поспому что Западную Европу и на топъ разъ спасало лѣспистое и неровное положеніе и поспому что Гуннамъ недоспавало предпріимчиваго Предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, копорые обыкновенно соспояли въ хищничесспѣвъ женѣ, дѣспей и въ угонкѣ спадъ въ свои предѣлы. Эти

хищничества болѣе всего должны были испытать Готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви на Визиготовъ, копорыхъ Цари были избираемы изъ прежней царственной линіи Бальшовъ и Оспрогошовъ избравшихъ Царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Сполкнушые Гуннами они припѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Ненашедшая безопасности часть Визиготовъ подъ начальствомъ Фридигера, Алепа, Сафраха обратилась съ просьбою къ Римскому Императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и поселившись на южной сторонѣ его защищать провинціи отъ нападенаіа усиливавшихся варваровъ. Императоръ Валеншиніанъ управлявшій Имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валенсомъ, принялъ съ радостію неожиданную помощь— и Визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ Оспрогошы и часть Визиготовъ жившихъ на Юго-Востокѣ, шерпѣли часто голодь и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили Императора Валенса, копорый имѣлъ надзоръ надъ Восточными провинціями и жилъ въ Конспаншинополѣ снабдишь ихъ нужными произве-

деніями и позволишь имъ торговать съ шамошними жишелями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ Фракійскимъ Правителямъ Луципину и Максиму, которые были совершенные Греки временъ Византійскихъ, коварные, гоповые оказашъ злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почтшавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили Гоповъ и доводили ихъ до крайности продавая женъ и дѣшей; наконецъ подъ видомъ пріязни призывали доблестнѣйшихъ Гоповъ и рѣшились тайно умершвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальные человѣческіе чувства народъ. Многочисленныя толпы Гоповъ ворвались во Фракію и до самага Константинополя жгли, грабили и обрали въ пепель всѣ находившіяся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный Аріанецъ, и потому гналъ безъ милосердія проповѣдниковъ секшы, потому имѣлъ враговъ и самъ бранъ его Валентиніанъ императорспвовавшій въ Римѣ отказалъ подать ему помощь; кромѣ того Импера-

поръ Валеншъ былъ жестокъ и ужасно подозрительнъ: ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ опъ чловѣка, котораго имя начинается словомъ *Фео* — и онъ перерѣзалъ и передушилъ всѣхъ Феодориковъ, Феодосовъ и Феодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности. Само собою разумѣется, что такіе поступки невнушили его подданнымъ излишняго жара защищать своего Монарха. При томъ и самые подданные были жалкой безхарактерной народъ, войска умѣли только бунтоваться и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; Финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго духовенства. И такъ Валеншу наконецъ пришлось поплапиться за прежнюю жизнь свою. Оспавленный бѣгущими войсками онъ спрясался въ бѣдную хижину и былъ созженъ вмѣстѣ съ нею мстительными Гопами. Констанцинополь уцѣлѣлъ благодаря незнанію Гоповъ осаждать города. Гопы съ шоржествомъ съ безчисленною добычею возвратились въ свои жилища оспавивъ Римлянамъ спрашную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ эпаго произошло совершенное раздѣленіе Римской Имперіи. Императоръ Θεодосій думалъ спасши ее чрезъ эту секуляризацію, приписывая слабость ея неизмѣримости и невозможности одному управлять. Воспочная Имперія, которая очень справедливо спала называться Греческою, а еще справедливѣе могла бы называться Имперіей евнуховъ, комедіаншовъ, любимцевъ, респалищъ, заговоровъ, низкихъ убійць и диспуштвующихъ монаховъ доспалась Аркадію, копорымъ управлялъ пронырливый опекунь его Руфимъ; Западная, которая шоже весьма несправедливо называлась Римскою, пошому что всѣ административныя значительныя мѣспа были заняшы выслужившимися варварами изъ Готшовъ, Вандаловъ и другихъ Германцевъ, получившихъ шолько слабый наружный лоскъ Римскаго образованія, копорая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно шѣснившихся враговъ, копорая въ живомъ шрупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмѣніе жизни, эша Западная Имперія вручена была малолѣтшному Гонорію, копорымъ управлялъ Спиликонъ, родомъ Вандалъ, бывшій вѣрнымъ и храбрымъ при Θεодосіѣ

и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны правительствовавшіе въ разныхъ углахъ Европы ненавидѣли другъ друга. Первый подарокъ, копорый Руфимъ хитрый какъ Византійскій Грекъ, препроводилъ къ своему непріятелю Спиликону, состоялъ въ сильныхъ войскахъ Визиготовъ, копорыхъ онъ насстроилъ воевашъ Ипалію обѣщая съ своей стороны неподавашъ никакой помощи. Всѣ Визиготы поднялись съ своихъ становищъ въ Дакію и съ береговъ Дуная и всступили въ Ипалію. Но Спиликонъ вмѣсто того чтобы утрашиться шакого нашествія въ шайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ эшими свѣжими многочисленными и сильными варварами испребишь другихъ варваровъ уже вшѣснявшихся въ самыя предѣлы Римской Имперіи. Тогда Галлія и принадлежала, и не принадлежала Римлянамъ. Сильный Франкскій союзъ сполялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на Воспокъ и на Югъ ш. е. въ нѣдрѣ самой Франціи вольно расположились Алеманы и Бургунды. Въ Испаніи Свѣвы, Алане и Вандалы захвашили всю лучшую часть

ея, п. е. Югъ. Среди ихъ Римскіе Префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣли достоинство безъ власти. Казалось вмѣсто Римской Имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная пѣнь ея. Имперія была похожа на пышнѣйшій дубъ, который изумляетъ своею প্রশною полщиною и котораго середина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно ошклонилъ Алариха отъ желанія поселиться въ Италію и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратиться эпитъ варваровъ прошивъ врага своего Руфима, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже въ случаѣ удачи объявить себя Императоромъ вмѣсто слабого Гонорія, но черезъ чуръ перешибрилъ и собственная голова слезла съ плечъ его. Слабый ничтожный Гонорій, непонявшій ни одного прожекта Стиликона велѣлъ одному изъ своихъ также мерзавцевъ напасть съ пыла на Готтовъ уже выступавшихъ въ Испанію съ тѣмъ чтобы нанести имъ какой-нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій по обыкновенію бѣжалъ. Сенатъ видѣвши безсиліе

свое умолил могущественнаго Гопа опспушить общая дань, часшь копорой ему была выдана погда же, опспальной рѣшилсь побѣдипель ждашь и опспушил опъ Рима. Какъ полько узналъ Гонорій что опасность миновалась, какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ плашпшь дани. На эпошь разъ Аларихъ явился подъ спѣтнами уже гнѣвный грозившій обрашпшь въ пещель вѣчный городъ. 23 Августа 1409 года спѣтны всемірной спшлицы увидѣли среди себя Предводишеля Гоповъ. Великолѣпные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларихъ запрешилъ зажигапшьспво и пролишпє кровп. Изъ эпаго можно видѣпшь силу воли и власпшь какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями удержавъ ихъ опъ шого, опъ чего иногда невласпешъ удержавъ и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже небыло въ Римѣ, онъ давно умѣлъ скрыпшься. Но за шо побѣдипель показалъ въ величайшей спшенени презрѣнпє какое чувспшвовалъ къ Римлянамъ: возвелъ имъ Царя ихъ же Префекта Апала и заспавилъ его ползашъ у дверей палашъ своихъ. Насыпшпвъ свое мщеппє опспавилъ онъ Римъ и обрашплся на югъ Ипшалп. Здѣсь

онъ замышлялъ великіе планы, спроелъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть ошановила его подвиги. Для гробницы его Визиготы опвели печеніе рѣки Везанпо, вырыли на бывшемъ днѣ ее глубокую могилу въ копорую зарыли шрупъ и пошомъ снова возвращили ея на прежнее лоно, чшобы никпо немогъ осквернишь и поругашься надъ могилою Великаго Гоша. Избранный послѣ него Аспольфъ наконецъ вывелъ Гошовъ въ Испанію, гдѣ они быспро ушвердились и соспавили сильное Гошское Королевство, изгнавъ неимѣвшихъ значенія Римскихъ начальниковъ.

Впорженіе Визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Ала-не и Свевы были крѣпко спѣснены и большая часть ихъ должна была признашь власшь Гошовъ. Даже Вандалы бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи были сильно пришѣснены и придвинушы къ Средиземному морю. Уже король ихъ Гензерихъ помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе какъ будто нарочно ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ именемъ малолѣшняго Валентиніана и его машери знаме-

нишый Аэцій, предприимчивый. честполюбивый, хипрый, неслишкомъ разборчивый на средспва къ доспиженію желаемаго. Онъ имѣлъ сильнаго прошивника въ Бонифаціѣ правипель Африки и рѣшился его погубишь; для эшаго призывалъ его именемъ Императора въ Римъ. Бонифацій проникнувши умысель, рѣшился ошпашься въ Африкѣ и призвашь на помощь Гензериха. Въ 1427 году Гензерихъ съ Вандалами и частію Алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ пущь свой пожарами и опуспошеніями. Бонифацій увидѣлъ наконецъ свою ошибку, что призывалъ шакого гостя. Онъ успѣлъ уже примиришься съ Императоромъ и рѣшился постпавишь преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ непакъ было легко управишься. Бонифацій былъ разбишь. Гензерихъ зажегъ Карфагену, ограбилъ дома, рубилъ жишелей и извлекъ гдѣ шолько могли скривашься сокровища.

Быспрые успѣхи разожгли его хищное честполюбіе. Скоро весь Сѣверный берегъ Африки подвергнулся его Вандальскому владычеству. Огнемъ и мечемъ окрестилъ онъ его въ Аріанспво и соспавилъ сильнѣйшее въ эпопѣ мяшежный и шѣмный вѣкъ Госу-

дарство. Съ эпого времени разгулялся Гензерихъ. Спрашнѣй флотъ его разсыпался по Средиземному морю и прекрашилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждой годъ эпошъ Нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря опъ Греціи и Илирии до Гибралшара собирая, какъ жапву на собственномъ полъ, все, что могла полько произвестъ цвѣшущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія Далмація попеременно чувствовали ужасную разрушительную руку эпого вѣчаннаго Пираша, который такъ быспро воздвигнулъ первое Государство Христіанскихъ корсаровъ. Но наконецъ среди величія и награвленныхъ богатствъ имъ овладѣло по состояніе духа, ша свирѣпая задумчивость, которая сущипъ, мучипъ душу и служипъ близкимъ предвѣстіемъ пиранства, ужасной нравственной болѣзни влашителя. Онъ спалъ подозрѣвашъ всѣхъ окружающихъ и подозрѣніе наконецъ проспѣръ на жену свою, дочь Визиготскаго короля; ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ оправить его. Наполненный эпою мыслию онъ приказалъ опрѣзашъ ей носъ и уши и въ шакомъ видѣ опправить къ ея опцу. Но испугавшись

самъ мщенія Готовъ пригласилъ Ашилу предводителя Гунновъ напасть съ Сѣвера на Испанію и Италію.

Ашшила имѣлъ свою резиденцію въ Дакии, гдѣ недалеко отъ Дуная находилось спановище изъ грубыхъ деревянныхъ юрть, среди копорыхъ возвышался неуклюжій дворець его. Ашшила былъ именно такою предводителемъ какого дошолъ недоспавало Гуннамъ. Онъ показалъ какъ можетъ быть ужасна стремительная Азіатская сила. Весь сѣверо-востокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣль народовъ несшихъ дань непобѣдимому царю Гунновъ начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, Гепиды, Алане, Герулы, Аказиры, Туринги и Славяне очутились въ границахъ его быспро раздавшейся кочевой Имперіи. Греческій Императоръ слышывавшій его презрѣніе униженно присылалъ ому дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькой человѣчекъ, почти Карло, съ огромною головою, съ небольшими камыщкими глазами, но такъ быспрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его немогъ выносить ихъ безъ невольнаго пренеша. Однимъ эшимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племе-

нами, копорые несмотря на расбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ блиспавшихъ награбленнымъ золошомъ, эпошъ необыкновенный человекъ носилъ грубую широкою одежду, лежалъ на проспомъ войлокъ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго кошла, ни сѣдло ни лошадь его невидали на себѣ драгоценныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичемъ Божиимъ посланнымъ для того чшобы исправить міръ. Власшь его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило чшо у него находилсѣ чудесный мечъ, копорый долженъ завоевашь ему весь міръ. Повиновение покоренныхъ народовъ было изумишельно. Впрочемъ невозможно было и думать имъ о возмущеніи пошому, чшо Ашшила могъ выпсавишь во злѣ своей спавки шакую пирамиду изъ опрубленныхъ головъ, глядя на копорую немного находилось охощниковъ. Онъ нелюбилъ заводишь напрасно войны, особенно когда міръ могъ ему доспавишь поже самое. Справедливосшь его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но шолько рабамъ проспершымъ у ногъ его. Мищеніе же Ашши-

лы... но вызвашь его мщение никпо немъль духа.

Предложеніе Гензериха казалось упредило его собственную мысль. Власпипельно собрадъ онъ безчисленныя племена свои и шель на западъ. Римская Имперія почувспвовала всю опасносшь. Всъ народы соспавлявшіе погда западъ Европы вспревожались. И погда случилось спранное событіе: Вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились съ своими разрушителями Визигопами, Аланами, Франками. Народы кочующіе и паспушескіе шли на неподвижныхъ и уже опчастши земледъльцевъ. Спремишельная и деспотическая Азія на крьпкуую и вольную Европу. Нужно замъшишь, что Германскія народы чъмъ ближе къ западу, тъмъ болъе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ Европейской свободы и вокругъ ихъ на далекое разспояніе племена хранишъ еще и донынъ чершы независимоспи. Равнинамъ близъ Марны во Франціи опредълено было бышь шаешромъ эшой единспвенной бишвы. Западная вольная Европа изъ Римлянъ, Визигоповъ, Армориканъ, Бреоновъ, Бургундовъ, Саксо-

новъ, Алановъ и Франковъ подъ начальствомъ Королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аеція и воспочная кочевая Европа изъ Оспрогповъ, Алановъ, Гепидовъ, Маркомановъ, Венедовъ, Ломбардовъ, Геруловъ, Аказировъ, Аваровъ, Туринговъ, Роксолановъ и нѣкошорыхъ племенъ Славянскихъ подъ начальствомъ своихъ Князей, Королей и Принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Апшилы должны были рѣшить многое важное въ попомспвѣ. Вольная Европа усполя. Неошразимая, разрушительная конница Апшилы была опрокинуша вмѣспѣ съ союзными народами и непобѣдимый Гуннъ, упошребившій все возможное напряженіе своей воли поворошилъ свои шабуны и народы въ равнины Венгрии и Паноніи. Аецій нежелая дасть перевѣса Визигошамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ эшой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе. Великая Лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала увидя минувшую опасность.

Но ужасный предводитель Гунновъ рвалъ на себѣ благородный клокъ волосъ своихъ ошѣ гнѣва и черезъ годъ пополнивши свои

войска новыми вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный Императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую руку былъ Аквилея. Онъ его обрашилъ въ пепелъ и засапилъ горсть спасшихся жителей зародить на Адриатическомъ морѣ Ванецію. Отсюда прошелъ онъ всю Италію дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города Конкордія, Бресція, Виченца, Падуа, Верона, Маншуа, Миланъ, Модена, Парма предсавили однѣ обнаженныя спѣны. «Клянусь» гордо провозгласилъ дикой Гуннъ «что гдѣ коснешся копытъ коня моего, шамъ болѣ невыроспешъ права!» Наконецъ и Римъ увидѣлъ подъ спѣнами своими Ашшилу. Испуганный Папа въ облаченіи со всѣмъ крестнымъ ходомъ вышелъ на встрѣчу неумолимому Гунну и великолѣпный ли обрядъ христіанства, или мысль разбѣянная между дикими даже языческими народами о пребываніи чего то священнаго въ Римѣ, что бы то ни было, но Ашшила опшсупилъ взявши великой выкупъ и вышелъ изъ Италіи:

Теперь предсполя очередь испыташь его мщеніе и силу соединенной лигъ западныхъ народовъ, — но внезапная смерть его спасла

ее. Апшила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный, не позволявшій золошымъ украшеніямъ и камнямъ убрать даже рукояши сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочепавшись бракомъ съ дочерью Бакпріанскаго Царя необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострасшію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изъ рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пущынѣ, среди глубокой ночи копали могилу Апшилѣ сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройной гробъ изъ золоша, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя збруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не въдалъ о мѣспѣ, гдѣ лежатъ кости великаго человѣка.

По смерти Апшилы Гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались какъ всякой Азіатской народъ связанный только могуществомъ

(*) О Гуннахъ и объ Атилахъ: Юрвандъ, Дегине, Фишеръ.

ною волею предводителя. Тогда Европейскіе народы шире и вольнѣе раздѣлись и болѣе приняли самостоятельности, и на воспоки начали виднѣе показываться племена Славянъ, копорыя мало по малу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей (*) проптанулись до Тироля, прошумѣли по уходы Остроготовъ на границахъ Имперіи Греческой и углубившись въ великія пространства, наконецъ превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ народовъ.

Испалія еще дымилась послѣ опустошеній Аппилы, по и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея, крылись еще происки. И въ этомъ изнеможенномъ Государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ Императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шашкаго прона — Аэція и неблагодарный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ умерщвленный Максимомъ, копорый надѣлъ на свою дѣшски-честолюбивую голову Императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова раздраженная низкимъ умер-

(*) Конрадъ Геснеръ.

цвлениемъ своего супруга и мало заболѣвшая объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступишь въ Римъ и отмстить за смерть Императора, его союзника и друга.

Гензерихъ нелюбилъ заспавлять долго ждаль себя, онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ полками своихъ Ванда-ловъ на Пирапскихъ судахъ и высадился въ Италію. И что только уцѣло отъ меча Аппиллы все то испребылъ по своему обыкновенію Гензерихъ. Онъ не очень разбираль что правъ, что виноватъ и кому онъ долженъ оказаль помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣль необыкновенное искусство грабиль: послѣ него уже никто немогъ ничѣмъ поживишься. Римъ, который дополь щажень былъ даже язычниками былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ Христианскимъ Королемъ; все, что только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполниль множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ незналь что дѣлаль; вывезъ множество арпистовъ и художниковъ, увезъ даже супругу Императора, къ которой пришелъ самъ на помощь вмѣстѣ съ дочерьми ее, наконецъ даже со-

рвалъ золотой куполъ съ Капитолія и упавшигь его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

Послѣ всѣхъ эпитихъ событій Италія не походила и на нѣнь прежней своей славы. Цвѣтущая, прекрасная — вѣнецъ Европейской природы, она предсхавила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Типло Императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій Императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ соспоянїи даже плашить жалованья собсшвенному войску, набранному изъ Геруловъ, Ругіевъ и Турцелинговъ. И тогда предводителъ ихъ Одоакръ опрѣшилъ своего Императора опъ должности; сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять Императорскаго достоинства, но назвался просто Королемъ Геруловъ. Еще часть Римскаго войска находилась какъ бы опрѣзанною за Альпами въ Галліи и предводителъ ея Сіагрій не зная ничего о происшествіяхъ въ Италіи защищалъ не существующую имперію противъ соединеннаго Франкскаго союза, которій сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ пошому, что имѣлъ предприимчиваго Коро-

ля и полководца Кловиса: Сіагрію опрѣзанному опъ своего государства, неполучавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было проптивуборствовать эпимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ — и Галлія попоплась Франискими народами. Скоро послѣ того Острігопы предводимые Теодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ Имперіи Воспочнои и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того Англосаксы на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ перебрались черезъ море и овладѣли Англіею — и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами, совершенно оспановились, но въ частности и малыми силами, они производились непрерывно. Дикіе охотники, воспитанные эпими всеобщими странствіями и непрерывною перемѣною мѣстъ, получили спрасъ къ приключеніямъ и путешеспвіямъ, и вся Европа, несмотря на то, что повидимому уже казалася неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Въ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было опыскашь совершенно цѣльной; и только въ послѣдствіи поспоянный образъ правленія, или занятій, сообщилъ

главнымъ изъ нихъ нѣкопорую особенность и нѣкопорые признаки опличія. Тогда было чешыре первенспвующихъ великихъ собраній или массъ народа, чешыре главные пункша Европейской силы: Въ Испаніи Визиготы впоргнувшіеся гуда съ частію покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи Алановъ, Свевовъ, Вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Аспурійскихъ. Въ Галліи Франки уже сосшавившіе націю изъ прежнихъ сосѣдей Римлянъ Дунайскихъ и Рейнскихъ Германцевъ: Уэипешровъ, Сигамбровъ, Херусковъ, Хашовъ, Брукшеровъ, Ангриваріевъ, Хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ шудемцами Римскими Галлами, соединившіеся, но неслившіеся съ покоренными Армориканами, Брептонами, Алеманами, Бургундами, опчаспи Бауарами и Фризами, и проспершіе владычештво за Альпы и Рейнъ. — Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ Сѣверной Германіи Саксоны спрашные своею дикоспью и пиратшвомъ, менѣе смѣшавшіеся съ другими народами, и въ Италіи Оспротоны имѣвшіе въ шолпахъ своихъ множештво опродій

народовъ спраншвовавшихъ по воспочной Европѣ Свевскихъ, Аланскихъ, Аварскихъ, Славянскихъ, Гепидскихъ и подѣ расшороннымъ, швердымъ правленіемъ Феодорика, получившіе на время перевѣсь въ Европѣ. Сверхъ того еще всѣ эши великія массы народовъ распротраняли покровишельспвенную власшь свою надѣ многими опдаленными племенами. — Взаимныя границы ихъ часшо перялись въ неопредѣленныхъ протспранспвахъ; въ эшихъ промежушкахъ земли, иногда череполосно и независимо сохрощались многіе народы. Такимъ образомъ въ Средней Германіи Ломбарды, пошомъ блеснувшіе въ Ишаліи, часть Бауаровъ, всѣ народы жившіе въ неизмѣримыхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гориспихъ уклоненіяхъ Альпъ. Воспокъ Европы занимали совершенно расбросанные племена Славянскіе кошорые находясь подѣ вѣчнымъ угнепъніемъ всѣхъ спремившихся изъ Азіи народовъ еще неуспѣли явшись дѣяшелями Всемирной Истории. За означеннымъ кругомъ на сѣверъ и на воспокъ разсѣвались народы еше покрышые темною недѣяшельностью.

Такова была Европа въ эшо шумное окончаніе V вѣка, когда непосшижимою волею

Провидѣнія величественный хаосъ носив-
шій темныя начала Поваго свѣта опустился
на Европу, когда разрушающіе народы безо-
бразными массами шекли на народы, коло-
сально совершались мрачныя событія, когда
имена Алариха, Гензериха и Аппилы про-
неслись беспокойными кометами, когда меж-
ду шѣмъ Древній міръ долго дошлѣвалъ на
воспокъ, робкое Римское просвѣщеніе при-
жалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Ца-
реграда и ереси Несторія и Евсихія раз-
дирали дряхлыя спарческія его силы.

ЗАПИСКИ

СУМАСШЕДШАГО.

КЛОЧКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СУМАСШЕДНАГО.

=

Октябрь 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всналь поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги я спросилъ кошпорой часъ. Услышавши, что уже давно билодесять, я посвѣшилъ воскорѣ одѣться. Признаюсь

я бы совсѣмъ не пошелъ въ Департаментъ, зная заранѣе какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ Начальникъ Ошдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда Ералашъ такой? Ты иной разъ метаясь какъ угорьмой, дѣло подѣ часъ такъ спутаешь, что самъ сапана не разберешь, въ пишуль поспавишь маленькую букву, не выспавишь ни числа, ни номера. Проклятая цапля! онъ вѣрно завидуешь, что я сажу въ Директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для Его Пр-ва. Словомъ я непошелъ бы въ Департаментъ, если бы не надежда видѣться съ Казначеемъ и авось либо выпросишь у эшаго Жида хоть сколько нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чшобы онъ выдалъ когда нибудь впередъ за мѣсяць деньги — Господи Боже мой, да скорѣе спрашный судъ придетъ. Проси, хоть шресни, хоть буть въ разнуждѣ — невыдастъ съдой черпъ. А на кварширѣ собшвенная кухарка бьелъ его по щекамъ. Это всему свѣшу извѣстно. Я не понимаю выгодъ служишь въ Департаментѣ. Ни какихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ Губернскомъ Правленіи, Гражданскихъ и Казенныхъ Палатахъ совсѣмъ дру-

гое дѣло: шамъ смошришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрашишка на немъ гадкой, рожа пакала, чпо плюнуть хочешся, а посмотри пы какую онъ дачу нанимаешъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: эшо, говоритъ, докторской подарокъ, а ему давай пару рыжакъ, или дрожки, или боберь рублей въ шриса. Съ виду шакой пихинькой, говоритъ шакъ деликатно: одолжите ножичка починишь перышко, а шамъ обчиспишь шакъ, чпо шолько одну рубашку оспавишь на просителъ. Правда, у насъ за шо служба благородная, чисшоша во всемъ шакала, какой во вѣки невидъшь Губернскому Правленію: шшолы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на вы. Да, признаюсь, если бы не благородштво службы я бы давно оспавилъ Де-наршаменшъ.

Я надѣлъ спарую шинель и взялъ зоншикъ, пошому чпо шель проливной дожжикъ. На улицахъ небыло никого; однѣ шолько бабы, накрывшись полами, да Рускіе купцы подѣ зоншиками, да кучера попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ шолько нашъ брашъ чиновникъ плелся. Я увидѣльсего на перекрешкѣ. Я какъ увидѣль

его шопчасъ сказалъ себѣ: эге! нѣтъ голубчикъ, шы не въ Дапаршаменшъ идешь, шы сѣдшишь вонъ за шюю, чшо бѣжишь впереди и глдишь на ея ножки. Чшо это за бешіа нашъ брашъ' чиновникъ! Ей Богу неуспуишь никакому офицеру: пройди какая нибудь въ плянкъ, непременно зацѣпишь. Когда я думалъ это, увидѣлъ подвѣхавшую карешу къ магазину, мимо копорого я проходилъ. Я сей часъ узналъ ее. Это была кареша нашего Дирекшора. Но ему не зачѣмъ въ магазинъ, я подумалъ, вѣрно это его дочка. Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей опворилъ дверцы и она выпорхнула изъ карешы какъ пшичка. Какъ взглянула она на право и на лѣво, какъ мелькнула своими бровями и глазами Господи, Боже мой! пропалъ я, пропалъ совсемъ. И зачѣмъ ей выгѣзжашъ въ шакую дождевую пору. Ушверждай шеперь, чшо у женщинъ не велика спрасшъ до всѣхъ эшихъ пряпокъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно спарался закушашься какъ можно болѣе; пошому чшо на мнѣ была шинель очень запачканая и пришомъ спараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными верошниками, а на мнѣ были корошенькія

одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дигашированное. Собаченка ея неуспѣвши вскочить въ дверь магазина, осналась на улицѣ. Я знаю эту собаченку. Ее зовутъ: Меджи. Не успѣлъ я пробыть минушу, какъ вдругъ слышу поненькій голосокъ: здравствуй, Меджи! «Вошь шебъ на! кпо это говоритъ! Я обсмошрѣлся и увидѣлъ подь зонпикомъ шедшихъ двухъ дамъ: одну спарушку, другую молоденькую; но они уже прошли, а возлѣ меня опять раздалось: «грѣхъ шебъ меджи!» Чшо за чоршъ! я увидѣлъ чшо Меджи обнюхивалась съ сабаченкою шедшею за дамами. Эге! сказалъ я самъ себѣ, да полно не пьянъ ли я? Только это кажешся со мною рѣдко случается. «Нѣтъ фидель, шы напрасно думаешъ,» я видѣлъ самъ чшо произнесла Меджи «Я была, авъ! авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна.» Ахъ шы жъ собаченка! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по человѣчески. Но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, шо шогда же переспалъ удивляпшься. Дѣйствительнo на свѣшѣ уже случилось множесиво подобныхъ примѣровъ. Говорящъ, въ Англии выплыла рыба, кошoрая сказала два слова на шакомъ спранномъ

языкъ, что ученые уже при года спаряются опредѣлить и еще до сихъ поръ ни чего не открыли. Я читалъ по же въ газетахъ о двухъ коровахъ, которые пришли въ лавку и спросили себя фунтъ чаю. Но признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно Полканъ не принесъ письма моего!» Да чтобъ я не получилъ жалованья! Я еще въ жизни не слыхивалъ, чтобъ собака могла писать. Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такіе вещи, которыхъ ни кто еще невидывалъ и не слыхивалъ. Пойду-ка я, сказалъ я самъ себѣ, за этой собаченкою и узнаю, что она и что такое думаетъ. Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поверошили въ Мѣщанскую, опшуда въ Соллярную, наконецъ къ Кокушкину мосту и оспановились бередъ большимъ домомъ. Эпомъ домъ я знаю, сказалъ я самъ въ себѣ. Эпо домъ Звѣркова. Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! а нашей брашья чиновниковъ какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, ко-

шорой хорошо играетъ на трубу. Дамы взошли въ пляшій этажъ. Хорошо, подумалъ я, теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ непременно воспользоваться.

Октябръ 4.

Сегодня Середа, и потому я былъ у нашего Начальника въ кабинетъ. Я нарочно пришелъ пораньше и заставши перечинилъ весь перья. Нашъ Директоръ долженъ быть очень умной человекъ. Весь кабинетъ его уславленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣжкопорохъ: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нѣтъ: все или на Французскомъ, или на Нѣмецкомъ. А посмотришь въ лице ему: Фу, какая важность сіяешь въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чшобы онъ сказалъ лишнее слово. Только развѣ когда подашь бумаги, спросишь: каково на дворъ? — Сыро, Ваше Превосходительство! Да, не нашему брату чеша! Государственный человекъ. Я замѣчаю однако же, что онъ меня особенно любитъ. Если бы и дочка . . . эхъ канальство! . . .

Ничего, ничего, молчаніе! — Чисалъ пчелку. Эка глупой народъ Французы! Взять бы ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же чисалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное Курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ эшаго замѣнилъ я, что уже било половину перваго, а Нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины вшораго случилось происшествіе, кошораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ что Директоръ и вскочилъ со стула съ бумагами; Но это была она, она сама! Сяпшители, какъ она была одѣта! плашье не ней было бѣлое какъ лебѣдь: фу какое пышное! а какъ глянула: солнце! ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: «Папа здѣсь не было?» Ай, ай, ай! какой голось! Канарейка, право канарейка! Ваше Превосходительство хошълъ я было сказашъ, не прикажете казнишь, а если уже хошите казнишь; шо казнише вашею Генеральскою ручкою. Да, чоршъ возьми, какъ-шо языкъ неповорошилъ, и я сказалъ шолько: никакъ нѣтъ-съ. Она поглядѣла на меня, на книги и уронила плашокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, подскользнулся на проклятомъ парке-

нѣ и чухъ-чухъ нерасклеилъ носа, одна-кожъ удержался и доспалъ плапокъ. Свя-тые, какой плапокъ! спончайшій, баписпо-вый — амбра, совершенная амбра! шакъ и дышешъ опъ него генеральствомъ. Она по-благодарила и чухъ-чухъ усмѣхнулась, шакъ чшо сахарныя губки ее почпи непронулись и послѣ эшаго ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей и сказалъ: спу-пайше Аксеншій Ивановичъ домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому. Я переплъ немогу лакейскаго круга: всегда развалился въ передней и хопъ бы головою пошрудился кивнушь. Эшаго мало: одинъ разъ одна изъ эшихъ бесшій вздумала меня неvspавая съ мѣста подбивать шабачкомъ. Да знаешъ ли шы глупой холопъ, чшо я чиновни-къ, я благороднаго происхожденія. Одна-кожъ я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, пошому чшо эши господа ни-когда неподадутъ, и вышелъ. Дома боль-шею часшю лежалъ на кровашъ. Пошомъ переписалъ очень хорошіе спшшки: Ду-шеньки часокъ невидя, Думалъ годъ ужъ невидаль; Жизнь мою возненавидя Лзья ли жишь мнѣ я сказалъ. Должно бытъ Пуш-кина сочиненіе. Въ вечеру закушавшись въ

ниисель. ходилъ къ подъезду Ея Пр-ва и
поджидалъ долго не выйдешъ ли съспшь
въ карешу чшобы посмошрѣшь еше разикъ, —
но нѣшъ, невыходила.

Нолбра 6.

Разбѣсиль Начальникъ Ошдѣленія. Когда
я пришелъ въ Депаршаментъ оцъ подозвалъ
меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить шакъ:
ну скажи пожалуйста, чшо ты дѣлаешъ?
»Какъ чшо?« Я ничего недѣлаю» отвѣчалъ
я.« Ну размысли хорошенько! вѣдь шебѣ
уже за сорокъ лѣшъ — нора бы ума набрашъ-
ся. Чшо ты воображаешъ себѣ? Ты ду-
маешъ я незнаю всѣхъ швоихъ проказъ?
Вѣдь ты волочишся за Дирекпорскою до-
черью! Ну посмошри на себя, подумай шоль-
ко чшо ты? вѣдь ты нуль, болѣе ниче-
го. Вѣдь у шебя нѣшъ ни гроша за ду-
шею. Взгляни хошь въ зеркало на свое
лице, куды шебѣ думаешъ о шомъ.» Чоршъ
возьми, чшо у него лице похоже нѣсколь-
ко на ашшекарской пузырекъ, да на го-

ловъ клочекъ волосъ завшиный тохолкомъ, да держишь ее къ верху, да примазываетъ ее какою-шо розешкою, шакъ уже думаешь что ему шолько одному все можно. Понимаю, понимаю, опть чего онъ злился на меня. Ему завидно; онъ увидѣлъ можешь бышь предпочтительнo мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность Надворный Советшникъ! вывѣсилъ золошую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по шридцати рублей — да чоршъ его поberi! я развѣ, изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ поршнихъ, или изъ уншеръ-офицерскихъ дѣшей? Я дворянинъ. Чшожъ, и я могу дослужишься. Мнѣ еще сорокъ два года — время шакое, въ кошорое по насшоящему шолько-что начинается служба. Погоди прѣшель? будемъ и мы Полковникомъ, а можешь бышь еспьли Богъ дасшъ, шо чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ репушацию еще и получше швоей. Чшожъ шы себѣ забралъ въ голову, что кромъ шебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка. Дайка мнѣ Ручевской фракъ, сшишой по модѣ, да повяжи я себѣ шаккой же какъ шы галсшукъ, — шебѣ шог-

да неспашь мнѣ и въ подчешки. Доспашковъ нѣтъ — вошь бѣда.

Ноября 8.

Былъ въ театръ. Играли русскаго дурака Филашку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными спешками на шряпчихъ, особенно на одного Коллежскаго Регистратора весьма вольно написанные, такъ что я дивился какъ пропустила цензура, а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавной куплетъ: что они любятъ все бранить и что авторъ проситъ отъ публики защиты. Очень забавныя пьесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театръ. Какъ только грошъ заведется въ карманъ — никакъ не упершишь непойши. А вошь изъ нашей бранни чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшишельно непойдешъ мужикъ въ театръ; развѣ уже дашъ ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я

вспомнилъ о шой... эхъ канальство!... ничего, ничего... молчаніе.

—
Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ Департаментъ. Начальникъ Опдѣленія показалъ шакой видъ, какъ будшо бы онъ незамѣшилъ моего прихода. Я шоже съ своей стороны какъ будшо бы между нами ничего небыло. Пересматривалъ и свѣрлялъ бумаги. Вышелъ въ чешыре часа. Проходилъ мимо Директорской кварширы, но никого небыло видно. Послѣ обѣда большею часшю лежалъ на кровати.

—
Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего Директора починилъ для него 25 пера, и для ея, ай! ай... для Ея Превосходительства чешыре пера. Онъ очень любитъ чшобы снювало побольше перьевъ. У! долженъ бышь голова! Все молчишь, а въ головѣ я думаю

все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать о чемъ онъ больше всего думаетъ; что такое зашъвается въ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, все эти экивоки и придворныя шпунки, какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу — вотъ чтобы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ Его Пр-вомъ, только чортъ возьми никакъ не слушается языкъ: скажешь только холодно, или тепло на дворѣ, а больше рывишительно ничего невыговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ госпинную, куда видишь только иногда опворенную дверь, за госпинною еще въ одну комнату. Эхъ какое богатое убранство! какіе зеркала и фарфоры. Хотѣлось бы заглянуть туда на ту половину гдѣ Ея Пр-во, вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! Въ будуарѣ, какъ шамъ, сидятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе что и дохнуть на нихъ спрашно, какъ лежатъ шамъ разбросанное ея платье больше возожее на воздухъ чѣмъ на плашь. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... шамъ это я думаю чудеса, шамъ это я думаю рай! Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которой она сидитъ всшая съ

поспели свою ножку, какъ надѣваешься на эту ножку бѣлый какъ снѣгъ чулочикъ.... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніа.

Сегодня однакожъ меня какъ бы съшомъ озарило: я вспомнилъ шопъ разговоръ двухъ собаченокъ, копорый слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. Хорошо подумалъ я самъ въ себѣ. Я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, копорую вели между собою эти дрянныя собаченки. Тамъ я вѣрно кое-что узнаю. Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ: послушай Меджи, вошь мы теперь одни, я когда хочешь и дверь запру, такъ что никто небудеть видѣть, расскажи мнѣ все что знаешь про барышню, что она и какъ? я себя побужусь что никому не открою. Но этакая собаченка поджала хвостъ съжалась вдвое и вышла тихо въ дверь такъ какъ будтобы ничего неслышала. Я давно подозрѣвалъ что собака гораздо умнѣе человека; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайной полиптикъ: все замѣчаетъ, все шаги человека. Нѣтъ, во чтобы то ни стало я завтра же отправлюсь въ домъ Звѣркова.

допросу Фидель и еспьян удастся перехвачу всё письма кошорые писала къ ней Меджи.

Ноябрь 12.

Въ два часа по полудни опсправился съ шьемъ, чшобы непременно увидѣшь Фидель и допросить ее. Я шерпѣшь нелюблю капустны, завахъ кошорой валишь изъ всѣхъ мелочныхъ лавокъ въ мѣщанской; къ шому же изъ подворошъ каждаго дома несеть шакой адъ, чшо я зашгнувъ носъ бѣжалъ во всю прышь. Да и подлые ремесленники напускають копоны и дѣму изъ своихъ ма-сперскихъ шакое множесиво, чшо рѣши-тельно невозможно здѣсь прогуливашься. Когда я пробрался въ шестной эшажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка не совсѣмъ дурная собою съ маленькими ве-снущками. Я узналъ ее. Эшо была ша самая кошорая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко покраснѣлась и я шопчасъ смѣк-нуть: пы голубушка жениха хочешь. «Чшо вамъ угодно?» сказала она. «Мнѣ нужно по-

говоришь съ вашей собаченкой.» Дѣвчонка была глупа! я сей часъ узналъ что глупа! Собаченка въ это время прибѣжала съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но мерзкая чужь несхватила меня зубами за носъ. Я увидалъ однакоже въ углу ея лукошко. Э, вопъ эшаго мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и къ необыкновенному удовольствію своему вышпиль небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собаченка увидѣвши это сначала укусила меня за якру, а потомъ когда пронюхала, что я взялъ бумаги начала визжать и ласпиться, но я сказалъ: нѣтъ голубушка прощай и бросился бѣжать. Я думаю что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой я хотѣлъ было пошъ же часъ приняшь за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мышь полъ. Эти глупыя чухонки всегда неспаша чистоплошны. И потому я пошелъ прохаживашья и обдумывашь это происшествіе. Теперь по наконецъ я узнаю всѣ дѣла, помышленія всѣ эти пружины, и доберусь наконецъ до всего. Эти письма

миѣ все опскароушѣ. Собаки народѣ умный, они знаюшѣ все политическiя отношенiя и попому вѣрно шамѣ будешѣ все: поршпрешѣ и все дѣла эшаго мужа. Тамѣ будешѣ что-ни-будѣ и ошой, копорая... ничего, молчанiе! Кѣ вечеру я пришелѣ домой. Большею часшю лежалѣ на кровашѣ.

Нодбръ 13.

А ну посмошримѣ: письмо довольно чопское. Однако же вѣ почеркѣ все ешѣ какѣ будшо что-шо собачѣ. Прочишамѣ:

Милая Фидель, я все немогу привыкнушѣ кѣ швоему мѣщанскому имени. Какѣ будшобы уже немогли дашѣ шевѣ лучшаго? Фидель, Роза — какой пошлой шонѣ, однакожѣ все это вѣ спорону. Я очень рада что мы вздумали писашѣ другѣ кѣ другу.

Письмо шисано очень правильно. Пунктуация и даже буква ѣ вездѣ на своемѣ мѣстѣ. Да эдакѣ просто менашшешѣ и нашѣ Начальникѣ Ошдѣленiя, хонiя ошѣ и шодкуешѣ

что гдѣ-то учился въ университетѣ. По-
смотримъ далѣе:

Мнѣ кажется, что раздвѣляшь мысли, чувству
и впечатлѣнія съ другими, ешь одно изъ первыхъ
благъ на свѣтѣ.

Гм. мысль почерпнула изъ одного сочине-
нія переведеннаго съ Нѣмецкаго. Названія не-
припомню.

Я говорю это по опыту, хопя и небѣгала по
свѣту далѣе воровъ нашего дома. Моя ли жизнь
не пропекаешь въ удовольствіи? Моя барышня,
которую папа называешь Софи, любишь меня безъ
памяти.

Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчаніе.

Папа шже очень часто ласкаетъ. Я пью чай
и кофій со сливками. Ахъ, па chere, я должна ше-
бъ сказать, что я вовсе невижу удовольствія въ
большихъ обглоданныхъ кошпяхъ, которыя жрешь
на кузнѣ нашѣ Полканѣ. Кошпи хороши поль-
ко изъ дичи и прищомъ шгда, когда еще ни-
кто не высосалъ изъ нихъ жбга. Очень хорошо
мѣшаешь нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но шлько
безъ каперсовъ и безъ зелени; но я незнаю ничего
хуже обыкновенія даваешь собакамъ скапаннне изъ
хлѣба шарики. Какой нибудь сидѣцій за столомъ

господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянъ, начнешь мяшь этими руками хлѣбъ, подзовешь себя и сунешь себя въ зубы шарикъ. Отказашься какъ то неучиво, ну и зшь; съ опш-вращеніемъ, а зшь...

Чоршъ знаешь что шакое. Экой вздоръ! Какъ будто бы небыло предмета лучше о чемъ пишашь. Посмошримъ на другой спраниць. Небудешь ли чего подльнѣе.

Я съ большею охоткою гошова себя уведомляшь о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже себя кое-что говорила о главномъ господинѣ котораго Софи называшь Папа. Это очень спранный человекъ.

А! вошь наконецъ! Да; я зналъ: у нихъ полишической взглядъ на всѣ предметы. Посмошримъ что Папа:

...очень спранный человекъ. Онъ больше молчишь. Говоришь очень рѣдко; но недѣлю назадъ безпрешанно говоришь самъ съ собою: получу или не получу? Возьмешь въ одну руку бумажку, другую сложишь пущую и говоришь: получу или не получу? Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вошромъ: какъ шы думаешь Меджи? получу, или не получу? я ровно ничего немогла понять; понюхала его сапогъ и ушла прочъ. Пошомъ та chere

черезъ педью Папа пришелъ въ большой радости. Все упря ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ тѣмъ-то поздравляли. За споломъ онъ былъ шакъ веселъ какъ я еще никогда не видала.

А! шакъ онъ чесполобець! Эшо нужно взяшь къ свѣдѣнью.

Прощай! та сшеге! я бвгу и прочее . . . и прочее . . . Завпра окончу письмо. Ну здравствуй! я шеперь снова съ шобою. Сегодня барышня моя Софи

А! ну, посмотришь, чшо Софи. Эхъ, канальство! . . . Ничего, ничего . . . будемъ продолжашь.

. . . барышня моя Софи была въ чрезвычайной сумашохъ. Она собиралась на балъ и я обрадовалась, чшо въ опсушшвие ея могу писать къ шебъ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада вхашь на балъ, хопя при одвваніи всегда почши сердилсь. Я никакъ не понимаю, та сшеге, удовольсьвія вхашь на балъ. Софи пріѣзжаепъ съ балу домой въ 6 часовъ ушра и я всегда почши угадываю по ея блѣдному и шощему виду, чшо ей бѣдняжкъ не давали шамъ вшпъ. Я признаюсь, никогда бы не могла шакъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, шо . . . я не знаю чшо-бы со мною было. Хорошъ шакже соусъ съ кашкою.

А морковь, или рѣпа, или аршишоки никогда не будутъ хороши. . .

Чрезвычайно неровный слогъ. Тотчасъ видно что не человекъ писалъ. Начнешь такъ какъ слѣдуешь, а кончишь собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмо. Что-то длинновато. Гм! и числа не высшавлено.

Ахъ! милая, какъ ошущительно приближеніе весны. Сердце мое бьется какъ будто все, чего - то ожидаетъ. Въ ухахъ у меня вѣчный шумъ. Такъ что я часомъ поднявши ножку спою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я шебъ опкрою, что у меня много куршизановъ. Я часомъ сидя на окнѣ разсмаприваю ихъ. Ахъ, если бѣ цы знала какіе между ними естъ уроды. Иной преаляповатой, дворняга, глупъ спрашно, на лицѣ написана глупость, переважно идееть по улицѣ и воображаетъ, что онъ пренашная особа, думаетъ что такъ на него и заглядяпса всѣ. Ни чущь. Я даже и вниманія не обратила, такъ какъ бы и не видала его. А какой спрашный дога оспанавливаетъ передъ моимъ окномъ! Если бы онъ спалъ на заднія лапы, чего грубиянъ онъ вѣрно не умѣетъ, шо онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, кошорый поже довольно высокаго росша и шолсптъ собою. Эшощъ бол-

ванъ должно быть наглець преужасной. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало. Хоть бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядишь въ окно — пакой мужикъ! Но неужели ты думаешь, та ссере, что сердце мое равнодушно ко всемъ исканіямъ, — ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелезающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора, Ахъ, та ссере, какая у него мордочка!

Тьфу къ чоршуту!... Экая дрянь!... И какъ можно наполнять эдакими глюпоспями. Мнѣ подавайше челоуѣка! Я хочу видѣшь челоуѣка; я шребую нищи, шой, кошорая бы пишала и услаждала мою душу; а виѣшно шого эдакіе пущяки... перевернемъ черезъ шпраницу не будешъ ли лучше:

... Софи сидѣла за шполикомъ и что-шо пила. Я глядѣла въ окно, пошому что я люблю разшпривашъ проложихъ. Какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ!» «Проси.» Закричала Софи и бросилась обнимать меня. «Ахъ, Меджи, Меджи! Если бы ты знала кшо это: брюнешъ, Камеръ-Юнкеръ, а глаза какіе! черныя и свѣшлые какъ огонь? и Софи убѣжала къ себѣ. Минушу спушла вошелъ молодой Камеръ-Юнкеръ, съ черными бакен-

бардами; подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы и осматривалъ комнату. Я поворчала и съѣла на своемъ мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себя шакъ какъ будишо незамѣчая ничего продолжала глядѣшь въ окошко; однакожь голову наклонила нѣсколько на бокъ и спаралась услышашъ о чемъ они говорятъ. Ахъ, та сѣге, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о помѣ, какъ одна дама въ шанцахъ вмѣсто одной какой-то фигуры сдѣлала другую. Также чшо какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на Аиспа, и чупъ было не упалъ. Чшо какая-то Лидина воображаешъ чшо у ней голубые глаза, между пѣтъ какъ они зеленые — и пому подобное. Я не знаю, та сѣге, чшо она нашла въ своемъ Тепловѣ. Опъ чего она шакъ имъ восхищаешся? . . .

Мнѣ самому кажешся здѣсь, чшо нибудь да не шакъ. Не можешъ бышь чшобы ея могъ шакъ обворожишь Тепловъ. Посмотришь далѣ :

Мнѣ кажешся, еслиэпопъ Камеръ-Юнкеръ правишся, шо скоро будешъ правишся и попъ чиновникъ, который сидишь у папа въ кабинетѣ. Ахъ, та сѣге, еслибъ шы знала какой эшо уродъ. Совершенная черепаша въ мѣшкѣ. . . .

Какой же бы эшо чиновникъ?

Фамилія его преспранныя. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса наголовъ его очень похожи на свѣно. Папа всегда посылаетъ его вмѣстѣ слуги...

Мнѣ кажешся, что эта мерзкая собаченка мѣшишь на меня. Гдѣжь у меня волоса какъ свѣно?

Софи ни какъ не можешь удержаться отъ смѣха, когда глядишь на него.

Врешь ты, проклятая собаченка! Экой мерзкой языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависни. Какъ будто я не знаю чьи здѣсь шпунки. Это шпунки Начальника Опдѣленія. Вѣдь поклялся же человекъ не примиримою ненавистію — и вопшь вредишь да и вредишь, на каждомъ шагу вредишь. Посмотримъ однако же еще одно письмо. Тамъ можешь быть дѣло раскроешся само собою.

Ma chere Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно справедливо сказалъ, какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Припомъ же у насъ въ домъ шеперь большія перемены. Камеръ-Юнкеръ шеперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я да-

же слышала отъ нашего Григорія, которъй мѣ-
нѣшь полъ и всегда почти разговариваетъ самъ
съ собою, что скоро будетъ свадьба; пошому
что папа хочетъ непременно видѣть Софи, или
за Генераломъ, или за Камеръ-Юнкеромъ, или за
военнымъ Полковникомъ. . . .

Чортъ возьми! я не могу болѣе чинать...
Все или Камеръ-Юнкеръ, или Генераль. Же-
лалъ бы я самъ сдѣлаться Генераломъ, не
для того чтобы получишь руку и прочее.
Нѣтъ; хотѣлъ бы быть Генераломъ для то-
го только чтобы увидѣть какъ они бу-
дутъ, увиваться и дѣлать всѣ эти разныя
придворныя шпунки и эквивоки, и пошомъ
скажешь имъ, что я плюю на васъ обоихъ.
Чортъ побери. Досадно! Я изорвалъ въ клоч-
ки письмо глупой собаченки.

Декабря 3.

Неможеть быть. Враки! Свадьбъ небы-
вать! Чшожь изъ того, что онъ камеръ-
юнкеръ. Въдь это больше ничего кромъ до-
стоинство; не кака-нибудь вещь видимая,

копоруку бы можно взять въ руки. Въдъ черезъ по чпо камеръ-юнкеръ не прибавился прешій глазъ на лбу. Въдъ у него же носъ не изъ золотна сдѣланъ, а шакже какъ и у меня, какъ и у всякаго; въдъ онъ имъ нюхаетъ а не ѣсптъ, чихаетъ а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хопѣлъ добранься опъ чего происходить всѣ эти разности. Опъ чего я Типулярный Совѣшникъ и съ какой спаша я Типулярный Совѣшникъ? Можешъ бышь я какой-нибудь Графъ или Генералъ, а шолько шакъ кажусь Типулярнымъ Совѣшникомъ? Можешъ бышь я самъ незнаю кпо я шакое. Въдъ сколько примѣровъ по Испоріи: какой-нибудь проспой, не по уже чшобы дворянинъ, а проспо какой-нибудь мѣщанинъ, или даже крестъянинъ — и вдругъ ошкрывается, чшо онъ какой-нибудь вельможа, или Баронъ, или какъ его. Когда изъ мужика, да иногда выходишь эдакое, чшо же изъ дворянина можешъ вышши? Вдругъ напримѣръ я вхожу въ Генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполеша и на лѣвомъ плечѣ эполеша, черезъ плечо голубая лента—чшо? какъ шогда запоешь красавица моя? чшо скажешъ и самъ папа Директоръ нашъ? О!

это большой честолюбец? это масонъ, непременно масонъ, хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я шлопчасъ замѣтилъ что онъ масонъ: онъ еспыли даспъ кому руку, шо высывываецпъ шолько два пальца. Да развѣ я немогу бышь сшо же мнупу пожалованъ Генераль-Губернашоромъ, или Иншенданшомъ, или шамъ другимъ какимъ-нибудъ. Мнѣ бы хотѣлось знатъ ошпъ чего я Тишулярный Совѣшникъ? Почему именно Тишулярный Совѣшникъ?

Декабрь 5.

Я сегодня все ушро чиншалъ газешы. Спранныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже немогъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что пресполь упраздненъ и что чины находящя въ зашруднишельномъ положеніи о избраніи наследника и ошпъ шого происходятъ возмущенія. Мнѣ кажеться это чрезвычайно спраннымъ. Какъ же можешъ бышь пресполь упразднешь? говорятъ какая-шб Дона должна взойши на пресполь. Неможешъ взойши Дона на пресполь. Ни-

какъ неможешъ. На пресноль долженъ бышь Король. Да говоряшь нѣшь Короля — неможешъ спашься чшобы небьмо Короля. Государство неможешъ бышь безъ Короля. Король еснѣ да полько онъ гдѣ-нибудь находнсья въ неизвѣстности. Онъ спашься можешъ, находнсья шамъ же, но какія-нибудь или фамильныя причины, или опасенія со спороны сосѣдственныхъ державъ какъ то: Франціи и другихъ земель заставляющъ его скрыватьсь, или еснѣ какія-нибудь другія причины.

Декабра 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ идши въ Департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все немогли выйши изъ головы Испанскія дѣла. Какъ же можешъ это бышь, чшобы Дона сдѣлалась Королевою? Непозволяшь этого. И вопервыхъ Англія не позволишь. Да припомъ и дѣла политическія всей Европы: Австрійскій Императоръ... признаюсь эши

происшествія шакъ меня убили и попрысли, чшо я рѣшишельно ничемъ немогъ заняпшься во весь день. Мавра замѣчала мнѣ чшо я за слоомъ былъ чрезвычайно развлечень. И почно я двѣ шарелки кажешся въ разсѣянносини бросилъ на полъ, кошорья шупшь же разшиблись. Послѣ обѣда ходилъ подь горы. Ничего поучишельнаго немогъ извлечь. Большею часпю лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000 Апрелья 43 числа.

Сегоднишній день — естъ день величайшаго торжеспва! Въ Испаніи естъ Король. Онъ опыскался. Эшопъ Король я. Именно шолько сегодня обь эшомъ узналъ я. Признаюсь меня вдругъ какъ будшо молніей освѣшило. Я непонимаю какъ я могъ думашь и воображашь себѣ, чшо я Типулярный Совѣтникъ. Какъ могла взойши мнѣ въ голову эша сумазбродная мысль. Хорошо чшо еще недогадался никшо посадишь меня шогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною

все открышо. Теперь я вижу все какъ на ладонѣ. А прежде, я непонимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то шуманѣ. И эшо все происходишь думаю опъ шого, чшо люди воображаюшь, будшо человеческой мозгъ находишь въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносишь въпромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Мавръ кшо я. Когда она услышала чшо передъ нею Испанскій Король, шо всплеснула руками и чупъ неумерла опъ спраху. Она глупая еще никогда невидала Испанскаго Короля. Я однако же спарался ее успокоишь, сказавши чшо я вовсе несержуеъ за шо чшо она мнѣ иногда дурно чиспила сапоги. Въдь эшо чернѣй народъ. Имъ нельзя говоришь о высокихъ маперіяхъ. Она испугалась опъ шого чшо находишь въ увѣренности, будшо всѣ Короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я располковалъ ей, чшо между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого сходства. Въ Департаментъ неходилъ. Чоршь съ нимъ! Нѣтъ пріятели, шеперь незаманише меня; я несману переписывашъ гадкихъ бумагъ вашихъ!

*Мартабря 86 числа. Между
днемъ и ночью.*

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ шѣмъ, чшобы я шелъ въ Департаментъ, что уже болѣе шрехъ недѣль какъ я нехожу на должностъ. Я для шпуки пошелъ въ Департаментъ. Начальникъ Опдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и спану изви-няшся, но я посмошрѣлъ на него равнодушно нислишкомъ гѣвно и нислишкомъ благосклонно, сѣлъ на свое мѣсно какъ будшо никого незамѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: что ешшли бы вы знали кто между вами сидишъ... Господи Боже! какую бы вы яралашъ подняли да и самъ Начальникъ Опдѣленія началъ бы мнѣ шакже кланяшся въ поясъ, какъ онъ шеперь кланяшся передъ Директоромъ. Передо мною положили какіе-шо бумаги, чшобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстракшъ. Но я и пальцемъ непришпрунулъ. Чрезъ нѣсколь-ко минушъ все засуешилось. Сказали что Директоръ идешъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ чшобы показашъ себя передъ нимъ. Но я ни съ мѣсна. Когда

онъ проходилъ чрезъ наше ошдѣленіе, всѣ засшегнули на пуговицы свои фраки; — но я совершенно ничего! Чшо за Дирекшоръ! чшобы я вспалъ передъ нимъ — никогда! Какой онъ Дирекшоръ? онъ, пробка, а не Дирекшоръ. Пробка обыкновенная, просшая пробка больше ничего. Воптъ которою закупориваютъ бупылки. Мнѣ больше всего было забавно когда подсунули мнѣ бумагу чшобы я поднисалъ. Они думали чшо я напишу на самомъ кончикѣ листа: Сполоначальникъ накой-шо, какъ бы нешакъ? а я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается Дирекшоръ Депаршамеша, черкнулъ: Фердинандъ VIII. Нужно было видѣшь, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я кивнулъ шолько рукою сказавъ: «Ненужно никакихъ знаковъ подданничества!» и выпелъ. Ошшуда я пошелъ прямо въ Дирекшорскую квартиру. Его небыло дома. Лакей хоптъль меня невнущипшь, но я ему шакое сказалъ, чшо онъ и руки опушилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и ошспушила ошъ меня. Я однако же неказалъ ей чшо я Испанскій Король. Я сказалъ шолько чшо счастлие ее ожидаетъ шакое, какого она и вообразипшь себѣ немо-

жешъ и чшо несмошря на козни непріа-
шей мы будемъ вмѣспѣ. Я больше нічего
нехошѣлъ говоритъ и вышелъ. О эшо ко-
варное существо женщины. Я шеперь поль-
ко постягнулъ чшо такое женщина. До
сихъ поръ нікто еще неузналъ въ кого она
влюблена: я первый опкрылъ эшо. Женщи-
на влюблена въ чорша. Да, нешуща. Физи-
ки пишущъ глупосши, чшо она по и по —
она любитъ полько одного чорша. Вонъ
видише, изъ ложи перваго яруса она наво-
дишь лорнешъ. Вы думаете чшо она гля-
дишь на эшаго полсняка со звѣздой? —
совсѣмъ нѣшь она глядишь на чорша чшо
у него сшоитъ за спиною. Вонъ онъ спря-
шался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ
опшуда къ ней пальцемъ! И она выйдепъ
за него. Выйдепъ. Все эшо чешполубіе и
чешполубіе опъ шого, чшо подъ язычкомъ
находипся малинькой пузырекъ и въ немъ
небольшой червячокъ величиною съ булаво-
чную головку, и эшо все дѣлаешъ какой-то
цирюльникъ, копорый живепъ въ Горохо-
вой. Я непомню какъ его зовущъ; но досповѣр-
но извѣспно чшо онъ вмѣспѣ съ одною пови-
вальною бабкою хочепъ по всему свѣшу рас-
проспранитъ магомешаншво и опъ шого

уже говорятъ во Франціи большая часть народа признаешъ вѣру магомеша.

—
*Никотораго числа. День было
безъ числа.*

Ходилъ инкогнишо по Невскому проспекту; однако же неподалъ никакого вида что Испанской Король. Почелъ неприличнымъ ошкрышья шупъ же при всѣхъ; пошому, что прежде всего нужно предшавишья ко Двору. Меня ошпанавливало шомко шо, что я до сихъ поръ не имѣю Испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую нибудь досташъ маншю. Я хошълъ было заказашъ поршному, но эшо совершенные ослы, пришомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею рабошою, ударились въ аферу и большею частію мосшашъ кампи на улицъ. Я рѣшился сдѣлашъ маншю изъ новаго вицъ - мундира, кошорый надѣвалъ всего шолько два раза. Но чтобы эши мерзавцы немогли испоршить, шо я самъ рѣшился шить, заперши дверь чтобы нишо невидалъ. Я изрѣзалъ ножницами его

весь, пошому что покрой долженъ быть совершенно другой.

*Числа непомню. Мѣсяца тоже
небыло. Было что-то злѣе
что такое.*

Маншія совершенно гошова и спина. Мавра вскрикнула когда я надѣлъ ее. Однако же я еще нерѣшаюсь представляться ко Двору. До сихъ поръ нѣтъ Денушациі изъ Испаніи. Безъ денушашовъ неприлично. Никакого небудешъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Число 1.

Удивляешъ меня чрезвычайно медленностію Денушашовъ. Какіе бы причины могли ихъ оспановить. Неужели Франція? Да, это самая неблагопріятствующая Держава. Ходилъ справляшся на почту неприбыли ли Испанскіе Денушашы. Но Почтмейстеръ

чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ: Нѣтъ, говорите, здѣсь нѣтъ никакихъ Испанскихъ Депушаговъ, а письма если угодно напишете, то мы примемъ по установленному курсу.—Чортъ возьми! Чпо письмо? Письмо вздоръ. Письма пишушь Апшечари....

Мадридъ. Февруарій тридцатой.

И такъ я въ Испаніи и это случилось такъ скоро, чпо я едва могъ очнуться. Сегодня поущру явились ко мнѣ Депушавы Испанскіе и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карешу. Мнѣ показалось спранныю необыкновенная скороспъ. Мы ѣхали пакъ шибко, чпо черезъ полчаса достигли Испанскихъ границъ. Впрочемъ вѣдь шеперь по всей Европѣ чугуныя дороги и пароходы вѣдять чрезвычайно скоро. Спранныя земля Испанія: когда мы вошли въ первую комнату, чпо я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я однако же догадался, чпо это должны бышь или Гранды, или солдавы, пощому чпо они брѣюшъ головы. Мнѣ пока-

здесь чрезвычайно страннымъ обхожденіе Государственнаго Канцлера, который велъ меня за руку, онъ толкнулъ меня въ небольшую коммату и сказалъ: сиди шупь и дспля шы будешъ называшъ себя Королемъ Фердинандомъ, по я изъ себя выбью эшу охощу. Но я знаа, что эшо было больше ничего кромъ искушеніе, опвбчалъ оприцашельно, — за чшо Канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ пакъ больно что я чупъ было не вскрикнулъ, но удержался вспомнивши что эшо рыцарскій обычай при всщупленіи въ высокое званіе, поэтому что въ Испаніи еще и доннѣ всдушся рыцарскіе обычай. Оставшись одинъ я рѣшился заняшъся дѣлами Государственными. Я ошкрылъ что Кишай и Испанія совершенно одна и шаже земля и шолько по невѣжеству считающъ ихъ за разныя Государства, Я совѣшую встѣмъ нарочно написашъ на бумагѣ Испанія, по и выйдешъ Кишай. Но меня однакоже чрезвычайно огорчало событіе, имѣющееся бышь завштра. Завштра въ 7 часовъ совершишся странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ эшомъ и знаменишой Англійскій Химикъ Велигтонъ пишешъ. Признаюсь я ошущилъ сер-

дечное беспокойство, когда вообразилъ себя необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно дѣлается въ Гамбургъ; и прескверно дѣлается. Я удивляюсь какъ не обратишь на это вниманіе Англія. Дѣлаетъ ее хромой бачаръ и видно что дуракъ никакого понятія неимеетъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канашъ и часъ деревяннаго масла; и опгъ того по всей землѣ вонь спрашная: такъ что нужно запыкашь носъ. И опгъ того самая луна шакой нѣжной шаръ, что люди никакъ немогутъ жить и шамъ пеперь живушь полько однѣ носы. И попому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находяшся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещь шважное и можетъ настѣвши размолотъ въ муку носы наши, то мною овладѣло шважное беспокойство что я надѣвши чулки и башмаки послѣшилъ въ залу Государшвеннаго Совѣща съ шѣмъ чтобы дашь приказъ Полиціи недопустишь землѣ състѣ на луну. Бришые Гранды, копорыхъ я заспалъ въ залѣ Государшвеннаго Совѣща великое множешво, были народъ очень умный и когда я сказалъ: »господа спасемъ луну, попому что земля хочешъ състѣ на

нее» по всѣмъ въ шуже минушу бросились исполнять мое Монаршее желаніе и многіе полѣзли на спѣху съ шѣмъ, чшобы доснашь луну; но въ эшо время вошелъ Великій Канцлеръ. Увидѣвши его всѣ разбѣжались. Я какъ Король оспался одинъ. Но Канцлеръ къ удивленію моему ударилъ меня налкою и прогналъ въ мою комнашу. Такую мнѣюшъ власпъ въ Испаніи народныя обычаи!

=

Январь того же года, случившійся посль Феврала.

До сихъ поръ немогу понять чшо эшо за земля Испанія. Народныя обычаи и эшикетшы Двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, непонимаю, рѣшипельно непонимаю ничего. Сегодня выбрали мнѣ голову несмотря на шо, чшо я кричалъ изо всей силы о нежеланіи бышь монахомъ. Но я уже немогу и вспомнишь чшо было со мною погда, когда начали мнѣ на голову капашъ холодною водою. Такого ада я еще никогда нечувшвовалъ. Я гошовъ былъ власпъ въ

бъшенство, шакъ чпо едва могли меня удержашь. Я непонимаю вовсе значенія эпаго спраннаго обычая. Обычай глупой, безсмысленный! Для меня непоспижима безразсудность Королей, кошорые до сихъ поръ неуничтожаютъ его. Судя по всемъ върошпямъ догадываюсь: не попался ли я въ руки Инквизицш, и шопъ, кошораго я пршнлшь за Канцлера не еспшь самъ великшй Инквизишоръ. Только я все немогу понашшь какъ же могъ Король подвергнушься Инквизицш. Оно правда могло со спороны Францш и особенно Полиншакъ. О, эшо бесшшя Полиншакъ! Поклялся вредшшь мнъ по смершшь И вошъ гоншшь да и гоншшь; но я знаю пршпелъ чпо шебя водшшь Англшчанинъ. Англшчанинъ большой полишникъ. Онъ вездъ юлшшь. Эшо уже извъспно всему свъшу, чшо когда Англшя нюхаешъ шабакъ, шо Францшя чшхаешъ.

Число 28.

Сегодня Великшй Инквизишоръ пршшелъ въ мою комнашу, но я услышавши еше из-

дали шага его, спрятался под спуль. Онъ увидѣвши что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: Поприщигь!—я ни слова. Попомъ: Аксеншій Ивановъ! Тишулярный Совѣшникъ! дворянинъ! — Я все молчу — Фердинандъ VIII, Король Испанскій! — я хопвалъ было высунушь голову, но послѣ подумалъ нѣтъ брашъ ненадуешь! знаемъ мы шебя: опяшь будешь лишь холодную воду мнѣ на голову. Однакоже онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ спула. Чрезвычайно больно бѣшся проклятая палка. Впрочемъ за все эшо вознаградило меня нѣтъшнее ошкрышье: я узналъ что у всякаго пѣшуха ешь Испанія, что она у него находится подъ перьями. Великій Инквизишоръ однакоже ушелъ опъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ шо наказаньемъ. Но я совершенно пренебрегъ его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйспвуешь какъ машина, какъ орудіе Англичанина.

Чи 34 сло Мц, гдао. *срвдооф* 349.

Нѣтъ я больше неимью силъ пертъшь.
Боже! чпо они дѣлають со мною! Они
любють мнѣ на голову холодную воду! Они
невнемляють, невидяють, неслушаютъ меня.
Чпо я сдѣлалъ имъ? За чпо они мучають
меня? Чего хопяють они опъ меня бѣднаго?
Чпо, могу дасть я имъ? Я ничего неимью.
Я не въ силахъ, я немогу вынеспи всѣхъ
мукъ ихъ, голова горитъ моя и все кру-
жится предо мною. Спасите меня! возьмите
меня! дайше мнѣ шройку быспрыхъ какъ
вихоръ коней! садись мой ямщикъ, звени
мой колокольчикъ, взвейшеса кони и несите
меня съ эшаго свѣша! Далѣе, далѣе чпобы
невидно было ничего, ничего. Вонъ небо
клубишся передо мною; звѣздочка сверкаетъ
вдали; лѣсъ несешся съ шемными деревьями
и мѣсяцемъ; сизый шуманъ спелешся подъ
ногами; спруна звенишь въ шуманъ; Съ од-
ной спороны море, съ другой Ишалия; вонъ
и Русскія избы виднѣють. Домъ ли шо мой
синѣеть вдали? Мапъ ли моя сидишь пе-
редъ окномъ? Мапушка, спаси швоего бѣд-
наго сына! урочи слезинку на его большую

*

головушку! посмотри какъ мучашъ они его!
прижми ко груди своей бѣднаго сиротку!
ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гоняшъ! —
Машушка! пожалѣй о своемъ больномъ ди-
тяшкѣ! . . . А знаете ли что, у Алжир-
скаго Дея подъ самымъ носомъ шишка?

кѣтъ

1084

„БУКНИЦА“
В. И. Козлов
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГ

